

НЕВЮЛЯ

39 • 2014

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

УИС в цифрах	4
Юрий Александров Юридический практикум	6
Фима Жиганец Прерванный полет Пети Петухова	15
Александр Хныков Река памяти	20
Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (июнь 2014 года)	25
По материалам зарубежных СМИ Мир и тюрьма	34
Борис Земцов Душа, умятая несвободой	56
Алексей Мокроусов Насилие как магнит	74

МНЕНИЕ

Гена Ржевский Несколько советов от людей,
прошедших через допросы... 84

ИСТОРИЯ

Александр Сидоров Глазами «битого фраера» 92

Редакция не имеет возможности оказывать юридические услуги и содействовать процессуальному сопровождению конкретных уголовных дел.

Редакционный совет

Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование
Норвежский Хельсинкский
комитет

Учредитель:
Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним
Ответственный секретарь
Наталья Малыхина

Макет
Лев Михалевский

Обложка
Василий Валериус

Верстка
Анна Фролова

Бухгалтер
Наталья Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

УИС в цифрах

По состоянию на **1 мая 2014 г.** в учреждениях УИС содержалось 676,4 тыс. человек (– 883 человека к началу года), в том числе:

в 727 исправительных колониях отбывало наказание 556,3 тыс. человек (– 3,6 тыс. человек), в том числе:

– **в 129 колониях-поселениях** отбывало наказание 39,6 тыс. человек (– 431 человек);

– **в 5 ИК для осужденных к пожизненному лишению свободы** отбывало наказание 1872 человек (+ 12 человек);

в 230 следственных изоляторах и 108 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях содержалось – 116,7 тыс. человек (+ 2720 человек);

в 8 тюрьмах отбывало наказание 1448 тыс. человек (+ 113 человек).

в 41 воспитательной колонии для несовершеннолетних 1,9 тыс. человек (– 80 человек).

В учреждениях содержится 55,4 тыс. женщин (– 355 человек), в том числе 45,0 тыс. осужденных, содержащихся в ИК, ЛИУ, ЛПУ, и 10,4 тыс. чел., содержащихся в СИЗО и ПФРСИ. При женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых проживает 695 детей.

Медицинское обслуживание осужденных и подследственных обеспечивают 133 больницы различного профиля, а также медицинские части или здравпункты в каждом учреждении, 58 лечебных исправительных учреждений для больных туберкулезом, 9 лечебных исправительных учреждений для больных наркоманией.

В состав УИС также входят:

2461 уголовно-исполнительная инспекция, в которой состоит на учете 430,4 тыс. человек, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы (сведения, указаны за 1-й квартал 2014 года);

16 государственных унитарных предприятий исправительных учреждений, 567 центров трудовой адаптации осужденных, 83 учебно-производственные мастерские.

При исправительных и воспитательных колониях функционируют 316 вечерних общеобразовательных школ и 547 учебно-консультационных пунктов, 306 профессионально-технических училищ, действуют 598 храмов, 703 молитвенные комнаты.

Штатная численность персонала УИС составляет 306,7 тыс. человек, в том числе аттестованных сотрудников – 217,2 тыс. человек (кроме того, переменный состав – 7,0 тыс. человек).

Медицинское обслуживание личного состава осуществляют 56 учреждений здравоохранения, в том числе 34 центра медицинской и социальной реабилитации, 14 больниц, 5 военно-врачебных комиссий и 3 санатория.

В составе УИС действуют **7 организаций высшего профессионального образования**, в том числе Академия права и управления, 3 института повышения квалификации, 32 учебных центра, научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы, научно-исследовательский институт информационных технологий.

Имеется Объединенная редакция, издающая журналы «Преступление и наказание», «Ведомости УИС», газету «Казенный дом».

Юрий Александров

Юридический практикум

Новое в законодательстве

Утвержден порядок создания при исправительных учреждениях изолированных участков, функционирующих как исправительные центры (Приказ Минюста России от 08.04.2014 № 67 «Об утверждении Порядка создания при исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы изолированных участков, функционирующих как исправительные центры»).

Для создания такого участка начальник территориального органа ФСИН России должен будет обратиться во ФСИН России с мотивированным предложением, приложив к нему схему размещения участка, проект его генерального плана, а также ряд других документов. По результатам рассмотрения обращения ФСИН России будет принимать решение о создании участка.

В соответствии со статьей 60.1 УИК России в изолированных участках, функционирующих как исправительные центры, будут отбывать наказание осужденные к принудительным работам.

Уточнены полномочия руководителя следственного органа по установлению сроков предварительного следствия (Федеральный закон от 20.04.2014 № 76-ФЗ «О внесении изменения в статью 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

Руководитель следственного органа, в производстве которого находится дело, получил право устанавливать срок следствия при возобновлении производства по делу и производстве дополнительного след-

ствия вне зависимости от следующих факторов: сколько раз до этого дело возобновлялось, прекращалось либо возвращалось для дополнительного следствия; общая продолжительность срока следствия.

Закреплено, что в указанных случаях руководитель следственного органа, в производстве которого находится уголовное дело, вправе устанавливать срок предварительного следствия в пределах 1 месяца со дня поступления уголовного дела к следователю.

За заведомо ложное сообщение о теракте будут наказывать строже (Федеральный закон от 05.05.2014 № 98-ФЗ «О внесении изменений в статью 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

Внесенные поправки касаются уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма. Необходимость изменений обусловлена следующим. В последнее время увеличилось количество анонимных звонков об акте терроризма. Причем нарушители прибегают к различным ухищрениям (например, оформляют SIM-карты на подставных лиц, используют средства шифрования данных). Это приводит к вынужденному отвлечению сил и средств в целях предотвращения мнимой угрозы в ущерб решению задач по обеспечению безопасности личности, общества и государства. Гражданам причиняются неудобства. Субъекты экономической деятельности несут убытки. Кроме того, наносится крупный материальный ущерб правоохранительным органам в связи с проверкой сообщений о терроризме.

Соответствующая статья УК РФ дополнена новой частью. Установлен квалифицированный состав. Это совершение преступления, повлекшего причинение крупного ущерба (более 1 млн руб.) или наступление иных тяжких последствий. В таких случаях накажут штрафом до 1 млн руб. или в размере зарплаты/иного дохода осужденного за период от 18 месяцев до 3 лет либо лишением свободы на срок до 5 лет. Расследование соответствующих уголовных дел (с квалифицированным составом) отнесено к прямой подследственности ОВД, а также к альтернативной (за исключением ФСКН России).

В УК РФ и УПК РФ внесены уточнения в части классификации субъектов преступлений, совершаемых муниципальными служащими (Федеральный закон от 05.05.2014 № 96-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 38 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации»).

Внесенные изменения направлены на приведение отдельных уголовно-правовых норм (статьи 288, 292, 292.1, 315 УК РФ), в части уточнения определения субъектов преступления, в соответствии с законодательством о муниципальной службе в РФ. Формулировка «служащие органа местного самоуправления» заменена на «муниципальные служащие».

Уточнены правила УДО и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания (*Федеральный закон от 05.05.2014 № 104-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»*).

Закон предусмотрел конкретные обстоятельства, которые суды обязаны учитывать при принятии соответствующих решений. К таким обстоятельствам отнесены: поведение осужденного; его отношение к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания (в том числе имеющиеся поощрения и взыскания), к совершенному деянию; частичное или полное возмещение причиненного ущерба; заключение администрации исправительного учреждения о целесообразности условно-досрочного освобождения осужденного.

В отношении осужденных, которые страдают педофилией, не исключаящей вменяемости, и в возрасте старше 18 лет совершили преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего 14 лет, суды также должны учитывать применение к осужденному принудительных мер медицинского характера, его отношение к лечению и результаты судебно-психиатрической экспертизы.

Установлена уголовная ответственность за неправомерное задержание государственным регистрационным знаком транспортного средства (*Федеральный закон от 05.05.2014 № 105-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»*).

Данное преступление, совершенное из корыстной заинтересованности либо в целях совершения тяжкого или особо тяжкого преступления, может грозить лишением свободы до четырех лет.

В случае, когда данное действие не содержит признаков уголовно наказуемого деяния, взимается административный штраф от двух до пяти тысяч рублей или применяется административный арест на срок до пятнадцати суток.

Документ вступает в силу по истечении 90 дней после дня официального опубликования.

Террористические преступления не имеют давности (*Федеральный закон от 05.05.2014 № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»*).

Закон запретил применение сроков давности к лицам, совершившим террористические преступления (теракт, содействие террористической деятельности, захват заложника и т.д.). Теперь такие лица не могут рассчитывать на освобождение от уголовной ответственности только из-за того, что со дня преступления прошло много лет.

Поправки в УК РФ также запрещают назначать таким лицам более мягкое наказание, чем предусмотрено за соответствующее преступление (ст. 64 УК РФ), условное осуждение, а также предоставлять им отсрочку от отбывания наказания в связи с беременностью или наличием ребенка (ст. 82 УК РФ).

Максимальный срок лишения свободы, который может быть назначен за совершение террористических преступлений, составит 35 лет (по совокупности приговоров). Для всех иных преступлений максимальный срок лишения свободы по совокупности приговоров составляет 30 лет.

Совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма будет рассматриваться какотячающее обстоятельство.

Закон усилил наказания за совершение отдельных террористических преступлений. В частности, теперь за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ), организацию террористического сообщества и участие в нем (ст. 205.4 УК РФ) может быть назначено пожизненное лишение свободы.

Дополнением к статье 212 УК РФ введена ответственность за прохождение обучения в целях организации массовых беспорядков с максимальным наказанием до 10 лет лишения свободы.

Согласно поправкам в УПК РФ все дела о террористических преступлениях будут рассматриваться Московским и Северо-Кавказским окружными военными судами.

Установлена административная ответственность за оказание финансовой поддержки терроризму (ст. 15.27.1 КоАП РФ) с максимальным штрафом до 60 млн руб. для юридических лиц, а также за неисполнение решения коллегиального органа, координирующего и организующего деятельность по противодействию терроризму.

Закон расширил права сотрудников ФСБ России. Теперь они могут не только проверять документы, но и проводить личный досмотр граждан, а также досмотр их вещей и транспортных средств, если имеются достаточные основания подозревать их в совершении административ-

ных правонарушений и преступлений, расследование которых отнесено к ведению ФСБ России.

Установлена уголовная ответственность за реабилитацию нацизма (Федеральный закон от 05.05.2014 № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

В частности, отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенные публично, будет наказываться штрафом до 300 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 2-х лет, либо принудительными работами до 3-х лет, либо лишением свободы на тот же срок.

Также установлена административная ответственность за публичное распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, либо публичное осквернение символов воинской славы России, в том числе совершенное с применением СМИ или сети Интернет.

Регламентирован порядок применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства на территориях Республики Крым и города Севастополя (Федеральный закон от 05.05.2014 № 91-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя»).

Предусмотрено, в частности, что преступность и наказуемость деяний, совершенных на территориях Республики Крым и города Севастополя до 18 марта 2014 года, определяются в соответствии с нормами уголовного законодательства Российской Федерации. Поворот к худшему при этом не допускается.

Вступившие в силу судебные решения, принятые на территориях Республики Крым и города Севастополя до указанной даты, имеют ту же юридическую силу (в том числе для целей исполнения уголовного наказания), что и судебные решения, принятые на территории РФ.

Положения Федерального закона распространяются также на правоотношения, связанные с деяниями, совершенными на территориях Республики Крым и города Севастополя до 18 марта 2014 года.

Регламентирован порядок осуществления надзора со стороны прокуроров за исполнением законов при исполнении уголовных наказаний и содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, повышения его эффективности и результативности (*Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 16.01.2014 № 6*).

Надзирающие прокуроры обязаны рассматривать надзор за исполнением законов администрациями учреждений и органов, исполняющих наказание и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу, в том числе требований Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», как одно из важных направлений деятельности органов прокуратуры по защите конституционных прав и законных интересов граждан, находящихся в исправительных и лечебно-профилактических учреждениях, следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы, помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов, транзитно-пересыльных пунктах при исправительных учреждениях и следственных изоляторах, содержащихся на гауптвахтах и в дисциплинарных воинских частях, а также отбывающих наказания, не связанные с изоляцией от общества.

В частности, при проверке СИЗО, ПФРСИ и гауптвахт прокуроры обязаны ежемесячно проверять законность содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, осужденных. Немедленно освобождать своим постановлением каждого заключенного под стражу без законных оснований, а также лиц, срок содержания которых под стражей истек.

Суды разъясняют...

Конституционный суд РФ проверил на соответствие Конституции ряд норм, касающихся УДО.

Предметом проверки стали нормы, касающиеся участия потерпевшего в заседании при рассмотрении вопроса о применении УДО. КС РФ пришел к следующим выводам.

Данные положения являются конституционными в той мере, в какой они устанавливают сам институт участия потерпевшего, его закон-

ного представителя и (или) представителя в подобном заседании. При этом нормы не обуславливают в таком случае разрешение судом по существу вопроса о применении УДО позицией потерпевшего (его представителя).

В то же время нормы неконституционны в ином аспекте. Они являются таковыми в той мере, в какой предполагают, что суд может рассмотреть вопрос о применении УДО по ходатайству осужденного лишь при соблюдении обязательного условия. Это подтверждение того, что потерпевший (его представитель) получил извещение, уведомляющее о дате, времени и месте предстоящего судебного заседания. При этом механизм такого уведомления не определен, что препятствует суду своевременно разрешить данный вопрос по существу.

Федеральный законодатель должен внести соответствующие изменения с тем, чтобы оптимизировать порядок подобного уведомления потерпевших. До того, как будут приняты такие поправки, применяется следующий порядок.

Извещения о дате, времени и месте проведения подобных заседаний направляются потерпевшим (их представителям) по адресам, которые имеются в распоряжении суда. То есть это те адреса, которые указал сам потерпевший (его представители) или которые имеются в материалах уголовного дела. Кроме того, суд также вправе запросить необходимые сведения (если их нет в полученных им материалах). Сведения могут быть запрошены как у суда, в котором хранится уголовное дело, так и у администрации учреждения или органа, исполняющих наказание.

При этом, по общему правилу, подтверждения вручения извещения не требуется, если сам суд не усматривает в нем необходимости (имея в виду, что от потерпевшего получена дополнительная информация по вопросу об УДО осужденного).

(Постановление КС РФ от 18 марта 2014 г. № 5-П)

Верховный суд РФ обобщил судебную практику по УДО.

Проанализирована практика рассмотрения судами материалов по УДО, производство по которым закончено в 2013 году. Предшествующее обобщение такой практики ВС РФ проводил в 2009 году. С того момента в УК РФ были внесены многочисленные поправки, в том числе в части применения УДО. В целом отмечено снижение за последние 3 года общего числа как рассмотренных, так и удовлетворенных ходатайств по УДО. На примере конкретных материалов разобраны следу-

ющие вопросы: основания для применения УДО; сроки отбытого наказания, требующиеся для УДО; особенности учета для УДО поведения осужденного и иных обстоятельств; УДО от дополнительных наказаний; вопросы участия в заседаниях по УДО; подсудность; требования к обоснованию решения по УДО; рассмотрение материалов по УДО в апелляционном порядке.

В частности, отмечено, что, если осужденный отбыл установленную законом часть срока наказания, по отбытии которой возможно УДО, суд не вправе отказать в УДО лишь на том основании, что осужденным отбыта незначительная часть наказания. В то же время само по себе фактическое отбытие осужденным части срока наказания, предусмотренной законом, не является достаточным основанием для того, чтобы принять решение о его УДО.

Если наряду со взысканиями у осужденного имеются поощрения, сопоставляется их количество. Однако преобладающее число поощрений не всегда влечет удовлетворение ходатайства об УДО, поскольку учитываются и иные обстоятельства.

При оценке поведения осужденного суды вправе принимать во внимание в том числе данные, характеризующие поведение лица в период содержания под стражей до вступления приговора в законную силу, так как указанный период засчитывается в срок фактического отбывания лишения свободы. Закон не определяет круг обстоятельств, которые могут или должны учитываться при оценке поведения осужденного, в связи с этим суды вправе учитывать любые обстоятельства, характеризующие осужденного.

Приведены особенности применения УДО к некоторым категориям осужденных (несовершеннолетние, иностранцы, лица с расстройством сексуального предпочтения).

Указывается, что УК РФ не предусматривают возможность назначить принудительные меры медицинского характера лицам, страдающим расстройством сексуального предпочтения, которые совершили соответствующие преступления в возрасте до 18 лет.

Отказ в применении УДО, мотивированный лишь тем, что осужденный является иностранцем, незаконен.

Подчеркивается, что суды обоснованно учитывают отношение осужденного к исполнению дополнительного наказания при решении вопроса об УДО от основного наказания. Такой подход является верным.

Разъяснен порядок применения положений, касающихся УДО, в связи с внесением упомянутых изменений в УК РФ.

(«Обзор судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания»; утв. Президиумом Верховного суда РФ 29.04.2014)

Конституционный суд отказал несовершеннолетним в суде присяжных.

Суд признал соответствующим Конституции пункт 1 части 3 статьи 31 УПК РФ, который не предусматривает возможность рассмотрения судом присяжных дел о преступлениях несовершеннолетних. Суд решил, что права несовершеннолетних подсудимых в достаточной степени защищаются запретом назначать им пожизненное лишение свободы и смертную казнь, а также дополнительными процессуальными гарантиями.

С 1 августа 2013 года вступили в силу поправки в УПК РФ, внесенные Федеральным законом от 23.07.2013 № 217-ФЗ, направленные на совершенствование апелляционного производства. Данные поправки исключили из подсудности областных судов, в частности, дела о преступлениях, за которые не может быть назначено пожизненное лишение свободы или смертная казнь.

В связи с этим дело заявителя было передано из областного суда в районный суд. Еще до вступления в силу данных поправок заявитель просил, чтобы его дело рассмотрел суд присяжных. После передачи дела в районный суд его рассмотрение присяжными стало невозможным, так как суды присяжных не формируются в районных судах.

КС указал, что специфика уголовных дел в отношении несовершеннолетних требует наличия у судей высокой квалификации, специальных познаний и навыков. К тому же профессиональный состав суда позволяет обеспечить большую конфиденциальность рассмотрения дела, в которой, как правило, заинтересованы подсудимые. Кроме того, исключение из подсудности суда присяжных отдельных дел сопровождалось предоставлением несовершеннолетним права ходатайствовать о рассмотрении их дела коллегией из трех судей, а также расширении полномочий суда апелляционной инстанции.

Таким образом, внесенные в УПК РФ поправки не могут расцениваться как ухудшающие положение несовершеннолетних или дискриминирующие их по сравнению с совершеннолетними в вопросах эффективной судебной защиты.

(Постановление Конституционного суда РФ от 20.05.2014 № 16-П)

Прерванный полет Пети Петухова

Кажите вашу масть...

В российском арестантском сообществе издавна существует деление на касты – «масти». Словечко «масть» закрепилось в жаргоне во время так называемой «сучьей войны». Эта резня вспыхнула в воровском мире после Великой Отечественной и особенно после знаменитых указов 1947 года, когда профессиональным уголовникам стали давать огромные сроки – до двадцати пяти лет. Тогда-то «благородный воровской мир» и раскололся на «честняков» (воров, державшихся классического «воровского закона») и «сук» – бывших воров, считавших, что ради выживания надо идти на сотрудничество с администрацией лагерей.

Началась «мясня»: «суки» резали «воров», «воры» – «сук», а по ходу возникало множество других группировок, боровшихся за выживание: «беспредел», «махновщина», «казаки» (и против «сук», и против «воров»), «красные шапочки», «вояки» (арестанты из военных, сплоченные по принципу фронтового братства), «польские воры» (уголовники из Польши, Западной Украины и Прибалтики, которые придерживались своих понятий, не совпадавших ни с «воровскими», ни с «сучьими»), «челюскинцы», или «один на льдине», «ломом подпоясанные», «пивоваровцы», «упоровцы», «ребровцы» и масса других. «Мастей, что костей», говаривали эзки.

А кастовое деление, близкое к нынешнему, установилось в тюрьмах и зонах к середине 60-х годов. На вершине пирамиды – «черные», или «братва», во главе с «ворами» или «воровскими авторитетами» – «смотрящими» и «положенцами». Среди «черноты» свое деление; следом за «ворами» идут «козырные фраера» – люди авторитетные и имеющие большой вес в уголовном мире, затем просто «фраера» – рядовые «шпанского братства»; а «блатными» нынче принято больше называть всякую мелочь, которая корчит из себя «настоящего жулика».

Далее следует «нейтральная масть» «мужиков» – основная масса «пассажиров» (как кличут на жаргоне арестантов). Тут тоже есть и «серые», и «мутные», и «воровские», и даже «некрасовские» «мужики», но это – особая история.

Ниже «красные», или «козлы»: добровольные помощники администрации из числа осужденных. Нередко их по-старому кличут «суками».

И наконец, «форшмачные масти», то есть касты позорные. «Чушкарки» – неряшливые, не следящие за собой арестанты, всеми презираемые и исполняющие грязные работы; несколько мягче определение «чертей» – тоже зачмоканных и запущенных «пассажиров», но чаще не из-за собственной распущенности, а из-за бедности, отсутствия родственников, которые могут помочь с воли. Особая категория – «фуфлыжники», то есть люди, проигравшиеся в азартные игры и ставшие рабами своих победителей. Таких можно заставить сделать все, что угодно, под страхом смерти. Но самая страшная «масть» – это «опущенные», или «обиженные», то есть каста неприкасаемых. Сюда попадают по-разному, нередко в результате сексуального насилия. Таких пассивных гомосексуалистов называют «петухами» («гребнями», «кочетами», «певнями»). Участь их самая горькая и постыдная, и «подняться», вырваться из этой касты невозможно. Об одном из них – наш рассказ.

Рванулся кочет к небесам

Одним из тихих летних вечеров 1982 года в ростовском следственном изоляторе № 1 шла обычная вечерняя проверка. Процедура ежедневная, приевшаяся и порядком надоевшая «коридорным», то есть контролерам-прапорщикам, которые ее проводят. Пересчитывай арестантов по головам, переспрашивай одни и те же данные – возраст, место жительства, семейное положение, статья... «На продол» выводят обитателей сразу нескольких камер, чтобы побыстрее покончить со всей этой нудятиной. Вообще-то по правилам так делать не рекомендуется, желательно покамерно – во избежание... А ну как сотни одуревших от духоты, безделья, нервного ожидания «сидельцев» вдруг при подстрекательстве «авторитетов» вздумают заварить бучу? Ничего не стоит им смять нескольких контролеров (тем более в те времена было много женщин-прапорщиков) и устроить жуткий сабантуй! Однако в доперестроечные годы массовые беспорядки в СИЗО – явление, пожалуй, непредставимое. Все – от стен до потолка – было пропитано здесь мрачным запахом «вышки». Чуть дернись, подними руку на мента – и можешь мазать лоб зеленкой (готовиться к расстрелу). Это позднее, в конце 80-х, в эпоху массовых захватов заложников, среди

надзирателей появилась горькая пословица: «Раньше был у нас режим – зэк идет, а мы лежим. А теперь у нас режим – зэк идет, а мы дрожим».

Короче, девчата-контролеры арестантов не боялись. Выполняли свою рутинную работу, торопились: надо еще успеть провести прогулку – и разогнать все это стадо по камерам. К слову, несмотря на приход на Богатынювку сурового «хозяина тюрьмы» Стаса Овчинникова, к 1982-му здесь еще сохранялись патриархальные обычаи. Так, чтобы проверки и прогулки проводить побыстрее, сотрудники раскрывали решетчатые двери между переходами – меньше возни. И то сказать: куда этим дурням бечь? Если же втиснется кто не в свою «хату», потом «кумовья»-режимники так отдубасят, что мало не покажется!

В общем, как правило, эксцессов не было. Однако из всякого правила есть исключения. Так и в этот раз: воспользовавшись неразберихой и вечерней расслабухой тюремного народа, один из «обиженных» камеры № 3... рванул наверх – прямо по коридорам, через левую галерею! Как у Высоцкого: «Был побег на рывок...» Среди всеобщего гвалта на Петю Петухова даже не обратили внимания. А он, миновав входы в прогулочные дворики, буквально взлетел прямо на чердак! Хлипкий чердачный замок ковырнул с ходу, не останавливаясь, а оттуда через слуховое окно – на крышу здания.

Не улетай, родной, не улетай!

Ну, и что дальше? Здание внутри СИЗО, разделяет режимный и хозяйственный дворы. Не прыгать же с бешеной высоты на асфальт... Да и толку: бежать из тюрьмы в тюрьму. Но Петя как-то участвовал в уборке снега с крыши и знал, что от внутреннего здания к общежитию личного состава тянутся с чердака мощные изолированные провода. А общежитие выполняло роль мощной каменной стены: фасад его выходил на улицу Горького, с видом на трамвайную линию и парк, отделяя тюремный мир от вольного (позже общагу перестроили под помещения для малолеток, женщин и хозобслуги). Примыкало общежитие к жилому дому по той же улице великого пролетарского писателя, певца босяцкого мира. Между жилым домом и ночлежкой тюремных надзирателей располагалась дежурная часть с комнатой ДПНСИ – дежурного помощника начальника следственного изолятора (этот офицер, заступая на смену, должен был отвечать за порядок по всей «крытке»).

Мирно дремавший в «дежурке» контролер Слава Чекмарев решил вечером замутить себе чайку. Это непростое занятие требовало опре-

деленных физических усилий, как-то: распахнуть слипшиеся веки, поднять невероятным усилием воли тело с дивана, наполнить стакан водой и сунуть туда кипятильник. Отважный «пупкарь» долго собирал свою энергию в кулак, распахнул глаза – и остолбенел: перед ним за окном медленно пролетал по воздуху человек!

До сих пор в жизни своей контролер не видел летающих эзков. То есть ему приходилось слышать байки о том, как где-то на далеком Севере зверехитрые лагерники изготавливали из бензопилы «Дружба» подобие вертолета и наподобие Карлсонов уносились в бескрайние просторы тайги, насколько хватало бензина. Во всю эту лабуду прапорщик не верил. И вот – прямо на его глазах порхает арестант, причем без всяких пропеллеров, крыльев и прочих приспособлений... Присмотревшись, Чекмарев заметил, что неведомый летун как-то странно перебирает руками и ногами, шустро приближаясь к дежурке. И наконец врубился: этот сукин сын просто скользит по проводу с крыши на крышу!

– Стой, падлюка! – зарычал Чекмарев, хватаясь за кобуру с вполне всамделишным пистолетом. – Убью! А ну лети назад, пока я тебе перья из задницы не повыдергал!

Между тем у представителя «петушиного» племени планы были совершенно другие. Он решил одним махом перекарабкаться по проводам на крышу общежития, оттуда – на крышу жилого дома, а уж там поминай как звали. До исполнения заветной птичьей мечты оставались считанные минуты, и Петя это хорошо понимал, широко раздувая ноздри в предчувствии сладкого воздуха свободы. Но это же хорошо понимал и Слава с пистолетом, широко раздувая ноздри от праведного гнева. Он в мгновение ока взлетел по лестнице на крышу общежития, спотыкаясь и матюкаясь.

«Обиженник» успел немного раньше. Арестант даже прогромыхал несколько шагов по направлению к заветному дому. И в это время Слава выстрелил.

– Ой! – вскрикнул Петя Петухов, грохнулся и ткнулся носом в кровлю.

«Что же за день такой? – растерялся прапорщик Чекмарев. – Я вроде бы пулял в воздух...» Это было тем более странно, что на учебных стрельбах прапорщик мало походил на Робин Гуда.

Между тем крыша, двор тюрьмы и окрестности Богатыяновки оглашались душераздирающими страдальческими криками помирающего «сидельца». Это напоминало надрывные строки старинной арестантской песни: «Тревога и выстрел – и вниз головою сорвался мальчонка и упал...»

Прапорщик, рискуя сорваться с крыши к ядрене фене, быстро подбежал к беглецу.

– Че ты орешь? – испуганно спросил Петухова Слава, тщетно пытаясь разглядеть кровавое пятно на серой спине подследственного. – Куда попало?

– А хрен его знает куда! – завыл арестант. – Ой, больно...

Как оказалось позже, не попало никуда. Пуля ушла в ростовскую атмосферу, загаженную автомобильными газами, и приземлилась, возможно, где-то в районе Пушкинского бульвара – впрочем, вряд ли долетев до памятника солнцу русской поэзии, стоявшего от тюрьмы километрах в двух. Упал же побегушник от неожиданности: когда он услышал громкий выстрел, то поскользнулся, подвернул ногу и почувствовал резкую боль, которая отдалась по всему телу.

Петю даже не били. Что с него, с «гребня», взять?

– Ты чего решил намылиться? – лениво любопытствовал оперативник у «обиженного». – Ты ж пока под судом, и дело вшивое. Глядишь, и оправдали бы. А так – еще за побег накрутят...

– Не побежал бы, если б в жопу не толкали, гражданин капитан, – грустно ответил Петя. – Вы понимаете, я тут случаем попал в «сужденку», хотя мне срока еще не навесили. А там с одним «бродягой» у нас непонятка вышла... Короче, опустили меня по беспределу. Один раз только ткнули, а потом загнали в угол обиженных... Ну, я ломанулся на кормушку, попросил в другую хату перевести. А там не объявился. Сказал, что нормальный пассажир. Думал, из «сужденки» так и так все на этап поуходят, а мне бы только немного досидеть на «киче», вдруг, как вы говорите, дело мое развалится и на волю выпустят. Ну, несколько парней меня чифиром угостили, пустили в круг. А потом по тюремной почте «хата» получила весточку, что я – «форшмачный»... Сами знаете, что за это бывает. Вот тебе, говорят, падло, полотенце, либо сам над парашей повесишься, либо мы тебе шнифты (глаза) выдавим и подыхать ты будешь медленно, зато очень больно. Ты троих хороших пацанов зашварил, они через тебя в «опущенных» весь срок будут ходить! И то верно: из моих рук нашему брату брать ничего нельзя было. Сегодня ночью я должен был... это самое. Так жить захотелось...

Петю Петухова опера смогли упрятать куда подальше от суровой зековской расправы. Как там завершилось дело с его судом, мне неизвестно. А геройский поступок Славы Чекмарева отметили в приказе.

Александр Хныков

Река памяти

Остановка

Это было незабываемое зрелище – белые халаты, достаточно обходительные охранники и тихонькая бабуля, пригласившая его в ванну, где надо было на ее глазах быстро под душем помыться, вытереться хорошим длинным полотенцем и обрядиться уже в больничный халат, явно великоватый, и штаны с ослабленной резинкой, так и норовящие сползти. Но что значат эти мелочи по сравнению с этим вот отдыхом! Колесов перевел дыхание, точно стараясь снять с себя тяжесть этапа и ожидания в московской тюрьме. Всё. Он на месте. И вероятно, месяц пробудет здесь, в клинике судебной психиатрии, – на обследование он попросился сам на судебном заседании, мотивируя тем, что не помнит преступления, в котором его обвиняют. И судья, худощавая женщина в маленьких очочках, несмотря на протест прокурорши, толстушки средних лет, согласилась с его доводами. Тем и закончилось судебное заседание. Потом был корпус тюрьмы, потом этап, московская тюрьма, и вот он на месте.

Эта пугающая немного правда вдруг предстала с совершенной очевидностью при виде аккуратной бабули, наблюдавшей, как он одевается. Он последовал за ней, машинально отмечая в длинном коридоре какие-то белые двери. В палате, куда его завели, было несколько тихих людей, совсем не желавших обращать на себя внимание, – они даже не посмотрели в сторону Колесова, когда он поздоровался. Он присел на скрипнувшую кровать, положил на тумбочку книжку – решили взять в палату – и задумчиво сказал:

– Ну, что приуныли, придурки?

Только один парень, сидевший как истукан на соседней койке, дернулся от этих его слов и то как-то беззлобно сказал:

– Полегче!

И именно это ободрило Колесова – значит, жизнь здесь есть!

Непривычная и уютная чистота в палате, эти миролюбивые люди – как-то не вязалось это с его представлением о том месте, где должны были проверять: вменяемый он человек или нет?

Пришло время обеда. Еду принесли прямо в палату. За большим столом уселись все обитатели. Ели неторопливо, будто бы задумчиво. Разговорить Колесову так никого до этого времени и не удалось, только чернявый парень, тот, который сказал «Полегче!», тихо предупредил:

– Здесь наблюдают всегда за всеми.

Увильнуть от срока... Этого ли хотел Колесов? Да он и сам не знал, чего хотел. Одно знал: время должно лететь, и тогда сидеть останется меньше. Это отчаянное стремление двигало всеми его помыслами и в тюрьме, и здесь, в клинике.

На следующий день поутру он был приглашен в чистенький кабинет. Врач, которая должна была провести его диагностирование, была очень красивой женщиной. Даже непонятно было, как она могла работать здесь. Но Колесов уже повидал красивых женщин в форме следователей, и они были хладнокровны и беспощадны, как и следователи-мужчины. Но здесь, в этой расслабляющей обстановке, не хотелось думать о врачах как-то плохо. Он подробно отвечал на ее стандартные вопросы и думал, что впереди у него несколько недель отдыха от тюремной серой жизни.

И уже уезжая, опять на тюрьму, он по-прежнему думал, что это выигранное время отдыха важно для него именно как отдых. Крепко сложенный, с дорожным мешком на весу, в телогрейке и серой зоновской робе, он шел к автозаку, как идут по привычному маршруту после отдыха в тепле и холе.

Отряд

Когда позади почти половина срока, следственный изолятор, где месяцы ожидания по своему психологическому воздействию равны годам, когда позади почти половина срока и тебя этапируют через всю страну в колонию в родную область, то поневоле становишься оптимистом. Таким оптимистом и стал Санька Колесов – и, вероятно, этот оптимизм помогал ему жить. Монотонный режим жизни в колонии как жвачка, он может любого человека сломить, если не найдет человек такую отдушину, которая помогает ему чувствовать время не как постоянную черную величину срока, гробящее сознание, а именно как время с его неудачами и маленькими радостями. Ведь именно палитра переживаний и дает человеку осознание жизни. Конечно, в колонии радости мало, но и там то ларек,

то письмецо из дома, то свиданка у кого с родными, у кого с женой. Жизнь ээка не исполнена очарованием разнообразия, но именно она на всю жизнь учит ценить каждую минуту радости.

Санька Колесов с интересом относился к людям, ему казалось, что мир людей может помочь ему – Саньке – выдюжить в этой тюремной круговерти. В колонии отношения людей складываются из таких вот маленьких знаков внимания: пригласили тебя земляки чифирнуть – значит, пользуешься ты уважением среди них, получил письмо с родины – значит, помнят о тебе родные...

Витька Крытник отличался от других ээков особым спокойствием человека, много повидавшего и решившего во что бы то ни стало выйти на волю. Глаза-щелочки, внимательные, точно проникающие в самую сущность человека, с которым он общался, резкие движения сильного тела (любил Витька играть в волейбол по выходным в секторе отдыха) – всё говорило о том, что человек он сильного духа. После знатного купеческого чифира мог Витька рассказать скупо и о каких-то историях из своей жизни – а ему было что вспомнить. И желание, чтобы о жизни его прошлой что-то осталось в памяти людей, и заставляло Витьку общаться с Колесовым. Тот был благодарным слушателем, точно губка впитывал впечатления этого человека от событий его жизни на зонах.

Но в Витьке как заноза сидела зависть к тем людям, у кого сроки маленькие. Это не нравилось Колесову, понимавшему, что каждому Бог здесь отмерил свою чашу страданий.

– Вот ты, Витька, говоришь, что все должны испытать тот ужас, что ты перенес, но ведь у каждого своя жизнь. И свои ошибки, – попытался как-то объяснить Колесов Витьке, на что тот только плотно сжал губы и промолчал, уходя от продолжения разговора.

А молчаливость его говорила, что в себя ушел человек, и Колесов решил не мешать. Вышел в локальный сектор. Дул ветер. Тихо было в эти вечерние часы. В колонии после ужина все как бы замирает. Вот такие это были минуты сейчас. Стоял Колесов, подставляя лицо прохладе, и думал, что все он выдюжит и не обозлится, как Витька, ведь злоба не дает возможности смотреть на мир с радостью. А ведь именно радость нужна, чтобы после потерь ощутить во всей красоте окружающий мир.

Поток

Старый деревянный мост, по весне едва сдерживающий пучину привольных вод, летом становился для нас, пацанов, местом игры в догонялки. Самые отчаянные плавали от сваи к свае, норovia преодо-

леть быстрое течение, а еще одной нашей забавой было плыть от этого хлипкого моста перед въездом в наш городок, стоявший на реке ниже по течению. Река вдоль берега была особенно быстра в тех местах, где заросли наклонялись к воде, открывая глазам невидимые с берега уютные затончики – в них грелась на солнечном припеке рыбная мелюзга. И несло тебя течение мимо этого спокойного привольного мирка, и ты с волнением глядел, как смотрит зритель на экран в кинотеатре, на эту приречную жизнь природы. А быстрое течение тянуло и тянуло тебя дальше, пока не выплывал ты героем на городской пляж и счастливый не выходил по речному песку на берег. И казалось, что солнышко светит для тебя!

Течение реки по-прежнему быстрое в этом месте, на берегу у моего городка, только давно нет уже хлипкого моста. И неоткуда плыть по студеной речке к пляжу.

Река памяти

Тусклая лампочка спецвагона едва освещала стоявшего у открытого окна с решеткой конвойного – темнел его бритый затылок, в руке пилотка, а рука покачивается в такт движениям вагона. Эта западающая в память картинка стояла перед глазами, и Санька глядел на солдата пристально, точно старался для себя уяснить, что так теперь оно и есть. Совсем недавно он сам был солдатом. И вот уже зэк. Монотонно стучали колеса вагона, и весь состав, точно огромная железная змея, мчался среди вечернего сумрака в неведомую даль...

Не поймешь, то ли спать хочется, то ли нет... Конвойный перестал смотреть на сгущающийся за окном сумрак, прокашлялся, точно отгоняя какие-то свои воспоминания.

Ничто не связывало этих двоих, солдата и зэка, только возраст и, может, какие-то похожие воспоминания – юность ведь у всех похожая, а вот сегодняшнее положение их было чем-то сродни. И солдат был далеко от дома, и зэк. И хотя у солдата было другое положение, но, как и зэк, не мог он сейчас выйти на остановке из вагона – мчал их состав в одном направлении.

Солдат посмотрел на Саньку. Чернявый пацан с бледным лицом... Что он мог натворить? Видимо, об этом подумал конвойный. Они молчали. Мчался состав по определенному ему пути.

...И в этом молчаливом перегляде конвойного и зэка было понимание несвободы – она была рядом с обоими, как черная тень...

Сложно жить в мире, который ограничен вагоном и в котором несвобода властвует даже над мечтами людей.

А вагон все мчался и мчался, убивая время жизни этих двух молодых людей, волею судеб каждого из них повстречавшихся в этом тусклом вечернем вагоне.

Состав стал притормаживать на каком-то полустанке, и вскоре с перрона донесся надрывный лай собаки. Санька смотрел на фонари, освещавшие сонные кусты черемухи. Он смотрел на этот кусок природы, точно стараясь запомнить на всю жизнь!

Снова тронулся состав, и перестук колес заладил свою мелодию, томительную и успокаивающую...

Саньке снилась река – и он плыл на лодке..

Спецвагон вез эзков из одной колонии в другую.

Возвращение

Когда приходит час и прозрение о своей жизни неминуемо наступает где-то вдали от тех мест, где ты вырос, то хочется вернуться туда, окунуться в эту славную купель своего детства, своей юности, своей молодости – и своих ошибок.

Старый дом, в котором давно никто не жил, все так же стоял в овраге, окруженный тишиной. Андрей, полный воспоминаний, не шелкнулся от ветерка, налетевшего неожиданно, холодного, утреннего. И в эти минуты прошедшее, как первая камера у эзка, открылось жестоко и неумолимо. Все эти годы жило в нем это желание понять, почему так получилось, что молодость прошла в колониях. И всю дорогу он винил в этом других или, в крайнем случае, свою неудачу. Винить себя не хватало решимости, и вот сейчас, возле этого старого дома, в котором он прожил несколько лет, эта решимость пришла. А маленький город жил своей жизнью. Мимо по дорожке проходили по своим делам люди, и никто не обратил внимания на сутулящегося мужчину. Недосуг было кому-то даже поглядеть на него, занятого своей прошлой жизнью. Только дом, этот молчаливый его союзник, стоял такой же хмурый и одинокий, как и он сейчас.

Родник жизни

Жизнь – как питьевая вода. Когда ее много – в молодости, – ты ее не замечаешь, а в зрелости лет смотришь на нее с бережливостью, цедишь каждый ее глоточек с наслаждением, бережно относишься. Вот так бы с молодости бережно относиться к своей жизни – ведь столько впечатлений не было бы пропущено! Но в молодости питьевой воды так много, что не задумываешься о ее свежести, о ее ценности – пьешь и пьешь, не радуясь порой по-настоящему свежести, вкусу родника жизни.

ФОНД “В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ”

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (июнь 2014 года)

Иркутская область

9 июня 2014 года

При разборе сгоревшего **в пожаре в ИК-20 найдено тело одного из заключенных**, сообщила в понедельник пресс-служба ГУ ФСИН по региону. По данным ведомства, пожар вспыхнул около 4.25 по местному времени. Загорелась пекарня, находящаяся на территории жилой зоны ИК-20. Пожар был потушен в течение нескольких часов силами сотрудников учреждения и МЧС.

При проверке выяснилось, что в камере отсутствует один из осужденных 1983 года рождения. Позднее при разборе сгоревшей пекарни было найдено тело, которое, предположительно, принадлежит пропавшему мужчине. Труп направлен на судебно-медицинскую экспертизу для установления причины смерти и личности погибшего.

По предварительной версии, пожар в пекарне произошел из-за короткого замыкания. Размер материального ущерба устанавливается. На месте работает следственно-оперативная группа Следственного комитета. В колонии по факту ЧП проводится служебная проверка.

Волгоград

10 июня 2014 года

Местный **житель подозревается в даче 100-тысячной взятки сотруднику ФСИН** за облегчение условий содержания двоих заключенных.

Следственным отделом по Центральному району Следственного управления СКР по области возбуждено уголовное дело в отношении местного жителя, подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291 УК РФ (дача взятки должностному лицу за совершение заведомо незаконных действий).

По данным следствия, в середине мая 2014 года подозреваемый решил организовать перевод своих приятелей, задержанных за разбой и незаконный оборот наркотиков, из следственного изолятора в Туберкулезную больницу № 1 медицинской санитарной части УФСИН России, расположенную на территории лечебно-исправительного учреждения № 15. Таким способом он хотел облегчить условия содержания своих товарищей. Поскольку медицинских показаний к переводу не имелось, мужчина посчитал, что этот вопрос можно будет решить за определенную сумму – дав взятку начальнику МСЧ. 4 июня 2014 года он предложил должностному лицу 100 тысяч рублей за оформление необходимых бумаг и перевод заключенных в туббольницу. Спустя 5 дней при передаче этих денег он был задержан оперативными сотрудниками областного УФСБ и управления экономической безопасности и противодействия коррупции ГУ МВД России по Волгоградской области.

В настоящее время проводятся следственные действия, направленные на установление всех обстоятельств совершенного преступления. Решается вопрос об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения. Расследование уголовного дела продолжается.

Иркутск

16 июня 2014 года

Заместитель начальника колонии, расположенной в Свердловском районе Иркутска, **поджег нарушителя порядка на территории ИК-6**. Бывший заключенный этой колонии пытался перебросить бутылки с алкоголем на территорию колонии, однако был задержан охраной и доставлен к замначальника колонии. Сейчас сотруднику ФСИН грозит от 3 до 10 лет лишения свободы.

Служащий нанес в своем кабинете потерпевшему несколько ударов по голове, после облил его спиртосодержащей жидкостью и поджег. Мужчина получил ожоги 10% поверхности тела.

Замначальника колонии обвиняется в совершении должностным лицом действий, выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан – п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Ему грозит от 3 до 10 лет лишения свободы.

Смоленская область

18 июня 2014 года

Бывший сотрудник ИК-1 признан виновным в получении взятки в размере 2 тысяч рублей. Собранные следственными органами Следственного комитета РФ по Смоленской области доказательства признаны судом достаточными для вынесения приговора бывшему младшему инспектору отдела безопасности ФКУ ИК-1 УФСИН России по области. Он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ (получение взятки).

Следствием и судом установлено, что в феврале 2014 года знакомый осужденного перечислил на банковскую карту сотрудника исправительной колонии (в настоящее время со службы уволен) 5 тысяч рублей для приобретения и передачи сотового телефона. После чего старший прапорщик внутренней службы купил сотовый телефон и гарнитуру к нему, а оставшуюся сумму в размере чуть более 2 тысяч рублей, оставил себе в качестве вознаграждения за оказанную услугу. В дальнейшем предметы, оборот которых на территории исправительного учреждения запрещен, были переданы сотрудником колонии осужденному.

Приговором суда подсудимому назначено наказание в виде штрафа в размере 116 тысяч рублей, с лишением права занимать должности в органах юстиции и иных правоохранительных органах на срок 2 года.

Пензенская область

20 июня 2014 года

Пензенской прокуратурой по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях в ходе проведенной проверки выявлены грубые нарушения уголовно-исполнительного законодательства в части обеспечения режима содержания осужденных, организации психологи-

ческой и воспитательной работы с ними в ФКУ ИК-5 УФСИН России по Пензенской области, сообщается на официальном сайте ведомства.

Так, **двое осужденных**, находясь в камере ШИЗО № 3 ФКУ ИК-5 УФСИН России по Пензенской области, **совершили акт членовредительства**, а именно нанесли себе порезы левого предплечья.

Также установлен факт членовредительства еще одним осужденным, который, находясь в отряде №7 ФКУ ИК-5 УФСИН России по Пензенской области, проткнул себе грудную клетку гвоздем справа.

В соответствии с положениями Уголовно-исполнительного кодекса РФ режим в исправительных учреждениях обеспечивается установленным законом и нормативно-правовыми актами порядком исполнения и отбывания лишения свободы, постоянным надзором за осужденными, исполнением возложенных на них обязанностей.

Несоблюдение приведенных требований закона и бездействие должностных лиц администрации ФКУ ИК-5 УФСИН России по Пензенской области явились причинами ненадлежащего надзора за осужденными. Это сделало возможным хранение осужденными предметов, запрещенных Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений – колюще-режущих предметов.

Данное обстоятельство свидетельствует о ненадлежащей организации работы отдела безопасности колонии по проведению обыскных мероприятий.

Кроме того, уголовно-исполнительным законодательством установлено, что психологические службы должны проводить психологическое обследование осужденных, выявлять лиц, склонных к суицидальному поведению. Эти данные являются рекомендациями сотрудникам воспитательных служб и другим заинтересованным службам по организации и проведению индивидуально-воспитательной работы с этими лицами с учетом их личностных особенностей.

Названные случаи членовредительства, совершенные осужденными, свидетельствуют о ненадлежащей организации надзора, воспитательной и психологической работе с осужденными.

Указанные нарушения уголовно-исполнительного законодательства стали возможными ввиду ненадлежащего отношения к своим обязанностям должностных лиц учреждения, непосредственно осуществляющих надзор за поведением осужденных, сотрудников психологической лаборатории колонии, а также неисполнение требований уголовно-исполнительного законодательства в части соблюдения режима и слабая оперативная осведомленность, направленная на предупреждение и пресечение правонарушений со стороны осужденных.

С целью устранения выявленных нарушений пензенский прокурор по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях начальнику ФКУ ИК-5 УФСИН России по Пензенской области внес представления, по результатам рассмотрения которых 3 должностных лица привлечены к дисциплинарной ответственности.

Вместе с тем на сайте ведомства не сообщается, что послужило причинами акции протеста осужденных.

Приморский край

23 июня 2014 года

Приморский прокурор по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях Приморского края проверил деятельность ФКУ «Следственный изолятор № 1 города Владивостока» ГУ ФСИН России по Приморскому краю на предмет соблюдения прав содержащихся там лиц на материально-бытовое обеспечение.

Статьей 23 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» предусмотрено создание для указанной категории лиц бытовых условий, отвечающих требованиям гигиены, санитарии и пожарной безопасности. При этом норма санитарной площади в камере на одного человека устанавливается в размере четырех квадратных метров. Также подозреваемым и обвиняемым должно быть предоставлено индивидуальное спальное место.

Между тем в ходе надзорных мероприятий установлено, что не все лица, содержащиеся в ФКУ СИЗО-1, обеспечены индивидуальными спальными местами и не во всех камерах соблюдается норма санитарной площади на одного человека.

По результатам проверки прокурор в интересах неопределенного круга лиц обратился в суд с соответствующим исковым заявлением к ФКУ «Следственный изолятор № 1 города Владивостока» ГУ ФСИН России по Приморскому краю.

Советским районным судом города Владивостока искивые требования прокурора удовлетворены в полном объеме, на ФКУ СИЗО-1 возложена обязанность обеспечить всех подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей в данном учреждении, установленной нормой санитарной площади в размере 4 кв.м и индивидуальными спальными местами.

Решение суда первой инстанции обжаловано ответчиком в Приморский краевой суд.

Судебная коллегия по гражданским делам краевого суда пришла к выводу о законности вынесенного районным судом решения и обоснованности заявленных прокурором требований.

Костромская область

24 июня 2014 года

Костромская область: сотрудник ИК-1 подозревается в превышении должностных полномочий.

Следственными органами Следственного комитета РФ по Костромской области **возбуждено уголовное дело в отношении оперативного уполномоченного** федерального казенного учреждения «Исправительная колония № 1» УФСИН России по Костромской области, подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий).

По версии следствия, в 2011–2012 годах подозреваемый, используя свое служебное положение и действуя из корыстных побуждений, склонил одного из осужденных к действиям по реализации в колонии мобильных телефонов, запрещенных к свободному обороту на территории исправительных учреждений. Выполняя незаконные указания, осужденный поручил своей жене приобрести телефоны и передать их подозреваемому, который, имея право беспрепятственного входа в колонию, незаконно пронес на территорию исправительного учреждения пять мобильных телефонов. Уголовное дело возбуждено на основании материалов, представленных региональными управлениями ФСБ и ФСИН России.

В настоящее время проводятся следственные действия, направленные на установление всех обстоятельств совершенных преступлений. Расследование уголовного дела продолжается.

Самарская область

25 июня 2014 года

Заклученные колонии в Самарской области **неправомерно трудились на швейном производстве в свой выходной день**, сообщает Samara24.ru со ссылкой на прокуратуру Самарской области.

Прокуратура проверила соблюдение законов в исправительной колонии № 15 и выявила нарушения требований трудового законодательства Российской Федерации и Федерального закона № 69-ФЗ «О пожарной безопасности».

В нарушение требований Трудового кодекса РФ специальная оценка условий труда на рабочих местах в столовой учреждения (14 рабочих мест), банно-прачечном комбинате (пять рабочих мест), мастерской по ремонту одежды и обуви (два рабочих места) не проводилась.

Вопреки требованиям Трудового кодекса осужденные, занятые на швейном производстве, приказом начальника учреждения были привлечены к работе в выходной день, в то время как необходимость заранее непредвиденных работ не была мотивирована, – говорится в сообщении.

В нарушение требований Федерального закона «О пожарной безопасности» в помещениях столовой учреждения, клуба, цехов, склада и складов готовой продукции не установлены автоматическая пожарная сигнализация и система оповещения и управления эвакуацией людей на случай возникновения пожара. В связи с выявленными нарушениями законодательства Российской Федерации в адрес начальника колонии внесено представление.

Пермский край

25 июня 2014 года

В женской ИК-32 выявлены нарушения в медобслуживании. В ходе посещения ФКУ ИК-32 ГУ ФСИН России по Пермскому краю (женская колония) сотрудниками аппарата краевого омбудсмана была выявлена проблема в части осуществления безлицензионной медицинской деятельности.

Напомним, в результате реформирования медицинской службы системы исполнения наказаний в конце 2013 года все медицинские части колоний и больницы, подведомственные ГУ ФСИН России по Пермскому краю, были реорганизованы с образованием нового юридического лица – ФКУЗ Медико-санитарная часть № 59 ФСИН России (Москва).

По информации Управления Росздравнадзора по Пермскому краю, на сегодняшний день только одна больница получила лицензию на медицинскую деятельность – бывшая больница ГУ ФСИН России по Пермскому краю (в городе Соликамске), которая обслуживает сотрудников системы. К остальным учреждениям, которые работают без лицензии на данный вид обслуживания, Управление регулярно применяет санкции.

Таким образом, имеет место массовое нарушение прав на охрану здоровья и медицинскую помощь в течение более полугода, поскольку

ку действующим законодательством запрещено оказывать медицинскую деятельность без лицензии.

Также к медицинской деятельности относится и экспертиза временной нетрудоспособности.

Управление Росздравнадзора по Пермскому краю подтвердило факт невыдачи листков нетрудоспособности с декабря 2013 года всем трудоустроенным осужденным. Таким образом, имеется массовое нарушение права на социальное обеспечение в случае потери трудоспособности.

Обе проблемы взяты на контроль Уполномоченным по правам человека в Пермском крае.

Татарстан

26 июня 2014 года

Бывший сотрудник УСБ УФСИН обвиняется в мошенничестве.

Во втором отделе по расследованию особо важных дел СУ СКР по Республике Татарстан завершено расследование уголовного дела в отношении бывшего старшего оперуполномоченного по особо важным делам отдела организации оперативно-разыскных мероприятий и зонального контроля УСБ УФСИН России по Республике Татарстан 33-летнего Дмитрия Блинкова. Он обвиняется в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения).

По версии следствия, в 2013 году Блинков, находясь на территории ФКУ ИК-5 в поселке Нижние Вязовые Зеленодольского района, встретился с одним из осужденных и пообещал ему помощь в получении положительной характеристики для другого осужденного, необходимой для условно-досрочного освобождения. При этом обвиняемый знал, что решение данного вопроса не входит в его компетенцию. Несмотря на это, Блинков сообщил заключенному, что за указанную услугу ему необходимо передать вознаграждение в размере 20 тысяч рублей. После чего он попросил, чтобы 10 тысяч рублей передали нарочно, а остальную часть денег перевели на абонентский номер. В результате в октябре сестра осужденного выполнила все требования Блинкова, который присвоил себе деньги, не выполнив своего обещания.

Аналогичным образом злоумышленник получил 25 тысяч рублей от другого осужденного.

Вину Блинков признал. Следователем в отношении его избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

Следствием собрана достаточная доказательственная база, в связи с чем уголовное дело с утвержденным обвинительным заключением направлено в Вахитовский районный суд города Казани для рассмотрения в особом порядке.

Свердловская область

27 июня 2014 года

Осужденные из ИК-63 заявляют о пытках и сексуальном насилии. 20 и 21 июня 2014 года члены ОНК Свердловской области Дианова О.И. и Захарова Л.В. при проведении общественного контроля ФКУ ИК-63 получили заявления от осужденных, содержащихся в этой колонии, о физическом и сексуальном насилии, примененных к ним по прибытию в данное исправительное учреждение.

После написания данных заявлений осужденные опасались за свою жизнь и личную безопасность, в связи с чем Лариса Захарова и Ольга Дианова подали заявление в отдел полиции города Ивделя, в дежурную часть ГУ ФСИН России по Свердловской области и в Следственный комитет по Свердловской области с требованием провести проверку по данным фактам и поместить осужденных в безопасное место. <...>

При проведении проверки с членами ОНК присутствовали помощник Уполномоченного по правам человека в Свердловской области Санников С.Н., заместитель Ивдельского прокурора по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях Свердловской области Клеменко А.А., представители ГУ ФСИН России по Свердловской области.

Члены ОНК и совместная комиссия посетили помещения отряда строгих условий отбывания наказаний (ОСУОН), а также карантинного отделения.

Выяснилось, что все ранее обратившиеся в ОНК заявители не были переведены в безопасное место, а, наоборот, к ним в камеры были помещены осужденные, которые, со слов заявителей, на них оказывали психологическое давление, заставляя отказаться от данных заявлений, в противном случае к ним будет применено физическое и сексуальное насилие.

Членами ОНК и представителем УПЧ по Свердловской области и прокуратуры были проведены конфиденциальные беседы с 10 осужденными, изъявившими такое желание с использованием фото-видеофиксации и подтвердившими наличие пыток и сексуального насилия в данной колонии. <...>

По материалам зарубежных СМИ

Мир и тюрьма

США: принудительное кормление в тюрьме Гуантанамо

Заклученный из Йемена, содержащийся в тюрьме Гуантанамо, определил принудительное кормление как «жуткую боль» и «жестокое наказание», которого он не пожелал бы никому на свете. В этой американской тюрьме, расположенной на Кубе, до сих пор подвергаются принудительному кормлению 38 человек¹. Власти признают, что эта процедура «безусловно, является малоприятной», но «необходимой».

Во время организованного властями посещения журналистами американской базы Гуантанамо, на территории которой находится одноименная тюрьма, медицинский персонал тюремной больницы продемонстрировал специальное кресло для принудительного кормления, к которому привязываются и приковываются голодающие заключенные во время этой процедуры.

– Сначала мы предлагаем им обычную еду, когда они отказываются, мы предлагаем добровольно проглотить специальную питательную смесь; когда они и это отказываются сделать, охранники сажают их в это специальное кресло и привязывают, – объясняет санитар, просящий называть его просто Леонато, именем, заимствованным из одного из шекспировских произведений.

Он не хочет, чтобы его настоящее имя стало известно из-за того, что эта процедура принудительного кормления осуждается многими правозащитными организациями.

– Затем мы измеряем необходимую длину трубки, предлагаем заключенным воспользоваться гелем (анестетик) или оливковым маслом, – добавляет он, показывая тонкую резиновую трубку, которую необходи-

мо вставить в нос, через который она пропихивается до желудка. – Процесс принудительного питания через нос длится 30–35 минут.

– Это быстрая процедура, – добавляет его коллега, представляющийся как Фрот, – неприятнее всего, когда зонд проходит через горло, но, впрочем, эта процедура не является болезненной.

– Безусловно, это неприятно, – замечает Эрик, еще один санитар.

Никто из журналистов так и не смог присутствовать на этих сеансах кормления 38 из 56 продолжающих голодовку заключенных, которые проводятся дважды в день в лагерях № 5 и № 6 тюрьмы Гуантанамо.

В течение уже шести месяцев эти заключенные, которые лишь подзреваются в связях с террористическими организациями, протестуют против содержания их в Гуантанамо без суда и следствия. И длится это их заключение более 10 лет.

– Понятное дело, если бы все эти люди не ели шесть месяцев, их давно бы уже не было в живых, – поясняет капитан Роберт Дюран, представитель Пентагона по связям с общественностью.

– Мы стремимся сохранить жизни заключенным, используя законные методы, – говорит он, предпочитая называть принудительное кормление «внутренним кормлением» – такой термин изобретен в вооруженных силах.

– Большинство из них подчиняются процедуре, которая разработана таким образом, чтобы быть безболезненной, – добавляет г-н Дюран. Он категорически опровергает определения, которыми эту процедуру недавно наградила федеральный судья Глэдис Кесслер: «болезненная, оскорбительная и унижающая человеческое достоинство».

– Это не имеет ничего общего с той театральной постановкой, которую продемонстрировал этот музыкант, – резко говорит капитан Дюран, которого спросили, что он думает о том шокирующем видео, которое снял рэпер Мос Деф. По просьбе одного из телеканалов он, желая продемонстрировать, что представляет собой принудительное кормление, переоделся в оранжевый комбинезон² и очень ругался, когда ему, полностью связанному, засовывали в нос зонд.

– Я испытывал ужасную боль в груди, горле и желудке, – написал недавно один из объявивших голодовку в газету «Нью-Йорк таймс». Этот гражданин Йемена Самир Наджи аль-Хасан Мокбель утверждает, что «никогда ранее не подвергался таким страданиям».

² Обычный цвет униформы американских заключенных.

Четверо других заключенных говорили о «пытках» и умоляли суды – впрочем, напрасно – положить конец «насильственному кормлению».

– Да, эта процедура не из легких, – допускает главный тюремный врач, – но она необходима, чтобы сохранить жизни заключенным.

По его словам, процедура принудительного кормления применяется в соответствии с федеральными тюремными правилами.

Этот врач, предпочитающий не раскрывать свое имя и лицо тоже, обследовал в июне месяце большинство из 106 объявивших голодовку в Гуантанамо. На июнь как раз пришелся подъем протеста, когда голодовку объявило большинство из 166 узников, содержащихся в этой тюрьме³.

Всего в этом учреждении работает 137 человек медицинского персонала, из которых 37 прибыли специально после начала голодовки, чтобы помогать медикам, работающим здесь на постоянной основе.

Тем не менее главврач опасается за жизнь отдельных своих пациентов.

– Некоторых мы были вынуждены поместить в госпиталь, чтобы буквально вытащить с того света, – говорит он.

И хотя тюремные власти считают, что никто из голодающих не находится в состоянии «опасности», врач не исключает того, что может произойти «неожиданная смерть» по причине «возникших медицинских проблем, вызванных длительным голоданием».

Чтобы исключить «неожиданную смерть», заключенному, который в результате голодовки теряет 15 процентов своего веса или, если после 21 дня воздержания от пищи, у пациента возникают клинические симптомы, главврач рекомендует начать кормление через зонд: добровольно или принудительно – по выбору самого арестанта.

Великобритания: наркотюрьма

Всего чуть больше года прошло со дня введения в эксплуатацию одной из крупнейших британских тюрем, а она уже признана самым «наркотически зависимым» пенитенциарным учреждением. Каждый пятый в этой тюрьме (а всего здесь содержатся 1600 заключенных) употребляет наркотики. Генеральный инспектор тюрем весьма обеспокоен сложившейся ситуацией и обвиняет частного оператора – охранную компанию G4S – в неспособности осуществлять должное управление.

Итак, знакомьтесь – тюрьма Оквуд. В этом пенитенциарном учреждении наркотики достать легче, чем кусок мыла – это едкая констата-

³ По состоянию на начало сентября в Гуантанамо содержалось 164 заключенных.

ция фактов, высказанная Генеральным инспектором британских тюрем Ником Хардвиком после проведенной проверки этой гигантской тюрьмы, расположенной около города Уольверхэмптон в регионе Уэст-Мидлендс (запад Англии).

В своем отчете, опубликованном на сайтах газеты «Гардиан» и телерадиовещательной корпорации ВВС, Ник Хардвик с возмущением указывает, что тюрьму уже заполнили наркотики, хотя открыта она лишь 14 месяцев назад.

Это действительно одна из самых новых тюрем в Великобритании, сданная в эксплуатацию в апреле 2012 года. Ее общая вместимость составляет 1600 заключенных, и она управляется частной охранной компанией G4S, что позволяет британское законодательство.

Первая независимая и внезапная инспекция с момента открытия Оквуда указывает на то, что если уж частный сектор берется за управление пенитенциарным учреждением, то должен делать это гораздо лучше, чем делается в настоящее время.

Положительные тесты на употребление наркотиков показали 20% заключенных. В отчете подчеркивается, что каждый седьмой заключенный пристрастился к наркотикам именно в этой тюрьме.

Как указывается в отчете инспекторов, в тюрьме Оквуд список легкодоступных продуктов, препаратов и изделий «весьма широк», несмотря на то, что они запрещены. Чаще всего здесь употребляют «Черную мамбу» – синтетическую «траву», дающую эффект марихуаны. За «Черной мамбой» следуют субutex (опиоид, является мощным обезболивающим) и героин. Проверившие тюрьмы инспекторы установили также, что в Оквуде имеет место незаконный оборот наркотиков, осуществляемый медицинской службой.

Чрезмерное употребление запрещенных препаратов влечет за собой неприятные последствия – высокий уровень насилия и напряженности в тюрьме. И уровень этот (нападения, домогательства, избиения и т.д.) растет. Результат: «большое количество заключенных не чувствуют себя в безопасности, включая и тех заключенных, которые относятся к категории особо уязвимых и содержатся в отдельном блоке». Использование силовых методов для «успокоения» агрессивных заключенных в Оквуде в два раза чаще, чем в других тюрьмах с таким же режимом. Всего за первые шесть месяцев 2013 года инспекторы насчитали 241 подобный случай.

Тюрьма Оквуд подвергается критике уже не в первый раз. В июле 2013 года она была признана одной из двух худших тюрем из числа

находящихся под частным управлением после проведенной Министерством юстиции проверки.

Последний отчет Генерального инспектора тюрем, впрочем, не останавливается только на проблеме «суперпотребления» наркотиков. Среди других серьезных недостатков отмечаются: очень низкий уровень воспитательной работы; высокий уровень членовредительства; претензии заключенных к тому, что их попросту не желают слушать; нехватка туалетных принадлежностей первой необходимости; неопытность тюремного персонала, который попросту не обучен тому, как правильно реагировать на плохое поведение со стороны заключенных, в результате чего сотрудники зачастую просто не в состоянии избежать конфронтации.

Компания G4S, основанная в 2004 году, на сегодняшний день является самой мощной охранной структурой во всем мире. Численность ее персонала составляет 620 000 человек в 120 странах. Эта британская многонациональная компания в 2012 году выиграла гигантский контракт по обеспечению безопасности во время Олимпийских игр в Лондоне. Кстати, к ее работе во время Олимпиады имелись большие претензии.

Несмотря на четко обозначенные проверкой проблемы, компания тем не менее пытается защищаться, указывая, что величина объекта затрудняет управление.

«Мы уже наметили путь к улучшению, усилив оперативное сопровождение проблемных случаев, таких как, например, повышенное наличие наркотиков», – заявил Джерри Петерик, исполнительный директор Департамента по управлению тюремными учреждениями компании G4S.

По состоянию на апрель 2013 года в Великобритании насчитывалось 91 700 лиц, содержащихся в тюрьмах, что составляет 148 заключенных на 100 000 населения. Это один из самых высоких показателей во всей Европе.

Канада: тюрьма для сексуальных преступников

В самом центре небольшой деревушки Персе, пользующейся популярностью у туристов из-за окрестных живописных скал, совсем рядом с ресторанами и сувенирными магазинчиками, располагается тюрьма, в которой содержатся 42 опасных заключенных. Вот уже три года, как в этом пенитенциарном учреждении проводится необычный эксперимент: реабилитация сексуальных преступников.

Не так давно в этой маленькой деревне была открыта тюрьма, в которой содержатся исключительно сексуальные преступники. Из-за свое-

образия этого учреждения пришлось создать дополнительно 70 рабочих мест. А ежегодные инвестиции в эту необычную тюрьму – пока единственную во всем мире – составляют более 5 миллионов долларов США.

– Это вовсе не гостевой домик для педофилов, – сразу же предупреждает Эндрю Мак Киббен, главный врач этого центра заключения, в котором для интенсивного шестимесячного лечения одновременно могут находиться лишь 42 осужденных за сексуальные преступления.

После перепрофилирования этого пенитенциарного учреждения, которое было произведено в 2010 году, жители деревни, узнав, что в ней будут содержаться исключительно сексуальные преступники, поначалу протестовали против этого.

– Им совершенно не хотелось, чтобы, например, в июле, когда деревню наводняют толпы туристов, здесь же разгуливали и эти заключенные, – говорит Бренда Кайн, владелица туристического отеля, расположенного рядом с тюрьмой.

В результате между жителями городка и Министерством общественной безопасности был заключен «социальный контракт», по которому все риски были сведены к минимуму.

225 заключенных, прошедших в Персе за эти три года полный реабилитационный курс, наслаждались мирной жизнью во время своего пребывания в тюрьме. Понятное дело, что в других – обычных – тюрьмах такое спокойствие им гарантировать никто не мог.

– Это потому, – объясняет г-н Мак Киббен, – что в тюремной иерархии сексуальные преступники находятся в самом низу иерархической лестницы. В обычной тюрьме такой человек полон тревог, он опасается за свою жизнь, ему постоянно угрожают, относятся как к крысе. Такие люди не занимаются спортом, поскольку они находятся в постоянно запертой в целях их безопасности камере, – продолжает врач. – Участник программы, прибывая сюда, в Персе, встречается с персоналом, который относится к нему уважительно. Такому человеку обеспечивается полная безопасность. Из ситуации полной безнадежности он попадает туда, где ему пытаются помочь и сделать его лучше, чем он есть. Здесь соединяются интересы общества и интересы этих парней.

Криминолог-сексолог Мак Киббен прекрасно понимает, что подобные преступления вызывают сильную отрицательную реакцию со стороны населения, но он просит принять к сведению некоторые факты.

– Да, я работаю с сексуальными насильниками, но я постоянно работаю в интересах всех жертв, – уверяет д-р Мак Киббен. – Во время своего пребывания здесь преступники должны пройти через очень жесткую программу реабилитации.

Кроме того, в центре заключения деревни Персе действуют те же самые правила осуществления мер безопасности, что и в остальных канадских тюрьмах, со всеми имеющимися ограничениями.

– Здесь вовсе не «Хилтон», – напоминает г-н Мак Киббен.

Продать дом, расположенный напротив тюрьмы, в которой содержится педофилы, задача не из легких. Взять, например, Ивана Леблана.

Он живет прямо напротив входа и постоянно видит зарешеченные автофургоны, перевозящие заключенных. Уже 16 месяцев, как он выставил свой дом на продажу, но до сих пор не нашлось ни одного потенциального покупателя.

– Никто не то чтобы не пришел посмотреть, но даже и ни единого звонка не было, – говорит г-н Леблан, один из самых непримиримых противников открытия в 2010 году этой спецтюрьмы. – Да и само словосочетание «тюрьма-больница» отпугивает, – добавляет он. – Представьте, вдруг сюда явится мужчина, у которого двое детей и который хочет купить такой дом, как у меня. А затем он узнает, что прямо напротив находится тюрьма для педофилов. Как вы думаете, купит он мой дом? Ну да, открытие тюрьмы позволило создать ряд рабочих мест, – продолжает Иван Леблан. – А мне-то что с этого? Что я с этого имею? Ничего!

Его большое поместье стоило 245 тысяч долларов США, но после открытия тюрьмы он был вынужден снизить цену. Теперь г-н Леблан пытается его продать хотя бы за 200 тысяч.

– Хорошо, если удастся продать и за 160 тысяч, – вздыхает он.

Г-н Леблан и его сосед, который также продает свою собственность, выступали против открытия этой тюрьмы. В свое время организованная ими в адрес властей петиция собрала 8600 подписей.

Бизнесмен Жиль Жан считает, что открытие тюрьмы для сексуальных преступников произошло потому, что жители деревни избрали себе не то местное начальство. Промахнулись, полагает он.

– Зачем она вообще здесь нужна, эта тюрьма? – недоумевает г-н Жан. – Это же туристический центр! Они бы еще открыли тюрьму для педофилов у подножия Эйфелевой башни, – иронизирует бизнесмен. – Здесь ей не место.

Если поначалу местные жители были настроены весьма отрицательно к открытию этой своеобразной тюрьмы, то теперь они вполне спокойно воспринимают тот факт, что ежегодно в ней проходят реабилитационный курс около 75 заключенных. Хотя, безусловно, они несколько разочарованы тем, что из-за этой тюрьмы местность получила ряд негативных в экономическом плане последствий. Поток туристов хоть и незначительно, но снизился.

Местная тюрьма была закрыта в 1985 году, а затем, когда тюремное население в Канаде стало расти, Джорджу Мамелоне, бывшему в то время мэром, пришла в голову идея вновь открыть здесь специализированное пенитенциарное учреждение.

Организация 70 новых рабочих мест в одном из самых проблемных в части обеспечения работой районов в то время рассматривалась как важный вклад в местную экономику, но специфическая клиентура – сексуальные преступники – вызывала опасения.

Петиция против открытия тюрьмы собрала 8600 подписей, и была организована инициативная группа, пытавшаяся заблокировать этот проект.

В 2008 году г-ну Мамелоне, ставшему к тому времени депутатом парламента, удалось «выпустить пар» и «протолкнуть» проект, пообещав, что никто из заключенных тюрьмы во время пребывания в ней, не сможет ни под каким предлогом выйти «на улицу».

Сегодня эта в своем роде знаменитая тюрьма для сексуальных преступников является частью окружающего пейзажа, тем более что располагается она прямо напротив знаменитой скалы, которую так любят туристы.

А Джордж Мамелоне считает, что благодаря ей удалось не только создать 75 дополнительных рабочих мест, что весьма немало для крошечной деревушки, но и увеличить муниципальный бюджет за счет налогов на 250 тысяч долларов США ежегодно, что составляет около 20% всего бюджета.

– А ведь это очень много, – отмечает с довольным видом депутат.

США: основная задача – снижение числа заключенных

С 27 октября по 1 ноября в городе Колорадо-Спрингс, штат Колорадо, проходила XV ежегодная конференция, проводимая Международной ассоциацией исправительных учреждений (МАИУ). В ее работе приняли участие более 500 делегатов пенитенциарных систем и учреждений из 72 стран.

На первом же заседании участники конференции почтили память исполнительного директора Департамента исправительных учреждений штата Колорадо Тома Клементса, застреленного бандитами 20 марта 2013 года. Как отметил в своем вступительном слове губернатор штата Колорадо Джон Хикенлупер, Том Клементс очень готовился к этой конференции и делал все от него зависящее, чтобы она прошла на высоком уровне. «А еще Том очень верил в людей...» – сказал губернатор.

Во время пленарных заседаний и в кулуарах конференции основной темой, обсуждавшейся участниками, была следующая: «Исправление вне стен тюрьмы: сокращение использования наказания в виде лишения свободы».

Проблема постоянного роста числа заключенных давно волнует специалистов-пенитенциариев. На сегодняшний день в мире насчитывается уже более 10 миллионов заключенных, и их число постоянно растет. При этом около четверти арестантов приходится на Северную Америку.

Доклад директора ФСИН России Геннадия Корниенко на тему «Разработка новых мер, не связанных с тюремным заключением» вызвал большой интерес среди участников конференции. Оно и понятно: Россия является одной из немногих стран, где действительно происходит значительное сокращение тюремного населения. Доклад, содержащий подробный анализ практики внедрения альтернативных наказаний, а также развернутые, исчерпывающие ответы на вопросы произвели серьезное впечатление на зарубежных коллег и позволили сформировать у участников конференции объективное и положительное представление о ходе реформирования уголовно-исполнительной системы России.

Интерес участников конференции вызвало и выступление Уильяма Браунфилда, помощника Государственного секретаря США по вопросам международной борьбы с наркотиками и правоохранительной деятельности. Г-н Браунфилд отметил, что США оказывают помощь многим странам в разработке эффективных программ исправления и реабилитации заключенных-наркоманов.

Исполнительный директор МАИУ Тинеке де Вале (Бельгия) в своем выступлении отметила, что хотя тюрьмы и являются необходимыми учреждениями для поддержания безопасности и ограждения граждан от посягательств преступников, тем не менее они зачастую выступают в качестве «учебных центров», в которых заключенные «повышают свою квалификацию» и становятся действительно опасными преступниками. Кроме того, как сказала исполнительный директор, любая тюрьма очень дорого обходится налогоплательщикам. Поэтому, по мнению г-жи де Вале, необходимо, чтобы все страны делали упор на альтернативные виды наказания.

Интересным для участников стал и доклад Рубена Фернандеса Лима, генерального директора Департамента профилактики и социальной реабилитации мексиканского штата Мехико. Известно, что Мексика является одной из самых проблемных стран в том, что касается наркотрафика и деятельности международных наркосиндикатов, вовлекающих в свои ряды огромное число несовершеннолетних и молодых людей. Тем не

менее, по словам г-на Лимы, его страна постоянно ищет действенные способы реабилитации правонарушителей без их заключения в тюрьму.

В рамках конференции для ее участников были организованы различные интересные встречи, а также посещение пенитенциарных учреждений, в которых они могли ознакомиться с тем, как функционируют американские тюрьмы.

Во время конференции было удостоено специальной награды Министерство юстиции Азербайджана. Награда вручена за реализацию программы контроля над туберкулезом в пенитенциарной системе страны. Применяемые в тюрьмах Азербайджана экспресс-тесты позволили в 40 раз снизить смертность среди заключенных, больных туберкулезом.

В работе конференции МАИУ также приняли участие представители Министерства юстиции, Федерального бюро тюрем, Госдепартамента и Американской ассоциации исправительных учреждений.

Чехия: чтобы легче сиделось

Чешские пенитенциарные учреждения регулярно подвергаются критике за условия содержания заключенных. Особенно это касается следственных изоляторов. Как отмечают в Чешском Хельсинкском комитете, условия содержания в этих учреждениях, в которых находятся люди в ожидании суда, должны быть улучшены в первую очередь.

Полная реновация началась с тюрьмы Панкрац – пражского СИЗО, где полной реконструкции подверглись первые 27 камер.

Чешские следственные изоляторы предназначены для подследственных, то есть лиц, ожидающих судебного разбирательства. И хотя по закону они пока еще не являются виновными, их чаще всего отправляют в тюрьму, чтобы, как уверяют следственные органы, они не могли скрыться или каким-либо образом воздействовать на свидетелей или соучастников преступления. Однако само нахождение в следственном изоляторе уже сродни наказанию, поскольку существующие условия содержания являются, по мнению правозащитных организаций, унижающими достоинство человека.

Бывший депутат парламента Давид Рат, обвиняемый в коррупции и более года находящийся под стражей, регулярно жалуется на условия содержания в СИЗО. Он внес несколько проектов по улучшению ситуации в следственных изоляторах. В июне 2012 года в палате депутатов он описывал ситуацию в следующих выражениях:

– Мы живем в стране, в которой предварительное заключение в настоящее время является настоящей пыточной системой. Системой, имеющей своей целью уничтожить и пытать людей.

Доклад Чешского Хельсинкского комитета, опубликованный весной 2013 года, описывает камеры размером 4 квадратных метра, в которых живут по три человека. Заключенные могут принимать душ не более двух раз в неделю. В докладе отмечается катастрофическая нехватка «личного пространства», а также наличие различных административных проволочек.

Кажется, эта критика была услышана. По крайней мере, новое – более гуманное – законодательство вступило в силу в апреле 2014 года. К тому времени следственные изоляторы, в основном за счет собственных средств, должны были произвести ремонт камер и санузлов.

Тюрьма Панкрац, одна из трех самых старых во всей стране, первая приступила к модернизации и только что завершила работы по реконструкции и ремонту камер, предназначенных для подследственных. Эти работы обошлись в 5 миллионов крон (примерно 200 000 евро) и позволили, как отметил руководитель пенитенциарного ведомства Чехии Петр Дохвал, переоборудовать 27 камер по «европейским стандартам».

– Все отремонтированные камеры обставлены совершенно новой мебелью – койками и шкафами. В них также установлены новые туалеты с обязательной изоляцией, что обеспечивает заключенным полную интимность. Подследственные смогут свободно перемещаться по коридору, то есть они не будут заперты в камерах 24 часа в сутки. Они смогут общаться друг с другом, посещать места, выделенные для проведения различных культурных мероприятий.

Камеры, кстати говоря, предназначены максимум для двоих человек. Такая же реконструкция, согласно единому плану, в ближайшее время начнется и в остальных чешских следственных изоляторах. Петр Дохвал утверждает:

– Этот процесс гуманизации условий предварительного заключения является комплексным процессом. Это означает, что условия содержания во всех СИЗО будут абсолютно идентичны.

Стоимость работ по реновации обеспечивается за счет экономии средств, ставшей возможной в результате массовой президентской амнистии, объявленной 1 января 2013 года бывшим главой государства Вацлавом Клаусом, которая привела к освобождению нескольких тысяч заключенных по всей стране. Несмотря на то, что эта амнистия подверглась резкой критике буквально со всех сторон, однако в том, что касается улучшения условий заключения, она дала положительный результат.

Мексика: Тюремный Ангел

18 октября все заключенные печально знаменитой своими бунтами мексиканской тюрьмы Ла Меса, расположенной в городе Тихуана, на самом севере Мексики, надели черные повязки. Так же поступили и охраняющие их сотрудники. Всеобщий траур случился по случаю смерти католической монахини – сестры Антонии Бреннер, которая скончалась днем ранее. Она немного не дожила до 87 лет. Кем же была сестра Антония, заслужившая такую любовь со стороны как обитателей тюрьмы Ла Меса, так и ее охранников?

До принятия монашества ее звали Мэри Кларк, и родилась она 1 декабря 1926 года в Лос-Анджелесе, в семье ирландских иммигрантов. Отец Мэри оказался талантливым бизнесменом и сколотил крупное состояние. Повзрослев, Мэри Кларк вышла замуж и родила семерых детей – четыре дочери и три сына. И всю свою сознательную жизнь она занималась благотворительной деятельностью.

В 1977 году, когда дети уже выросли, Мэри неожиданно для всех оставляет свою богатую квартиру, расположенную в шикарном районе Беверли-Хиллз, отказывается от денег и состояния и переезжает в Тихуану, где сосредоточивает свое внимание на оказании помощи тюрьме Ла Меса.

– Что-то случилось со мной, когда я впервые увидела этих людей за решеткой, – рассказывала много позже сестра Антония. – Я много думала об этих несчастных, как им там холодно ночами за решеткой... А когда я вновь пришла в эту тюрьму, мне показалось, что я вернулась домой.

По ее просьбе администрация тюрьмы выделила ей камеру в женском отделении, и монахиня в своем черно-белом одеянии, поразительно спокойная, с постоянной улыбкой и ласковыми голубыми глазами, ежедневно выходила вместе со всеми на утреннюю проверку. Она и питалась вместе с заключенными, стоя в общей очереди с алюминиевой миской.

Каждый день монахиня вставала в пять утра для молитвы, потом раздавала карточки с молитвами заключенным.

– Всему когда-нибудь приходит конец: вашим деньгам, вашей боли, семье, тюремному сроку, – говорила она на службе в тюремном храме.

Она совершенно не боялась находиться в этой переполненной тюрьме, вмещающей 8000 убийц, насильников, воров и наркоторговцев. Сестра Антония свободно ходила среди них и для каждого находила ласковое слово утешения. Она обладала каким-то особым даром: ей достаточно было прикоснуться своей теплой ладонью к щеке самого буйного заключенного, и тот сразу же успокаивался.

Сестра Антония не просто жила в тюрьме. Она продолжала свою благотворительную деятельность, не только даря узникам слова утешения, но и организуя поставки самого необходимого – медикаментов, еды, одежды, почтовых конвертов, туалетной бумаги... Помогала сестра Антония и сотрудникам тюрьмы, и их детям.

Обитатели камер звали ее просто – Мама, а охранники – Тюремный Ангел. Почему «Ангел»? Да потому, что именно благодаря сестре Антонии трижды удавалось останавливать кровавые «разборки». Она под свист пуль, в клубах слезоточивого газа появлялась в тюремном дворе, как настоящий ангел, спустившийся с небес, и уговаривала прекратить бойню. И ее слушались. Сколько жизней ей удалось спасти? Кто ж его знает...

Она рассказывала заключенным о том, какое горе своими преступлениями они доставили своим жертвам.

– Они слушали меня внимательно. Я просила их признать, что они были неправы. Среди них много страшных людей, но я все равно их всех люблю, – когда-то сказала сестра Антония корреспонденту журнала «Таймс».

Как-то, отвечая на вопрос о том, что более 30 лет назад заставило ее сменить привычный быт на тюрьму, сестра Антония ответила: «Я не понимаю, чему так удивляются люди. Помогать – легко. Сложно попросить о помощи».

Деятельность сестры Антонии заслужила уважение во всем мире, начиная от президентов Мексики и США Висенте Фокса и Рональда Рейгана и кончая матерью Терезой, с которой сестра Антония встречалась, когда та приезжала в Тихуану. В знак признательности ее заслуг местные власти одну из улиц, прилегающих к тюрьме Ла Меса, назвали ее именем.

Когда-то, отвечая на вопрос журналиста, что такое счастье, сестра Антония сказала так:

– Счастье у каждого свое. Счастье не зависит от того, где вы находитесь. Я живу в тюрьме. И вот уже 25 лет у меня ни разу не было депрессии. Да, я бывала расстроена, я на что-то или на кого-то сердилась. Порой мне бывало грустно. Но я счастлива здесь. Счастлива тем, что могу помогать всем этим людям. Наверное, именно поэтому я и живу...

Бельгия: заключенные требуют эвтаназии

В сентябре 2013 года один заключенный, приговоренный к длительному сроку лишения свободы, умер с помощью разрешенной ему эвтаназии. Это был первый подобный случай в истории Бельгии. Сегодня уже с десяток заключенных требуют разрешить им эту процедуру.

У этого человека нет никакой надежды когда-либо вновь обрести свободу. Хотя, впрочем, он ее и не требует. «Я – настоящий монстр», – признает Франк ванн ден Блекен, 50-летний бельгиец, уже около 30 лет находящийся в заключении за изнасилование и убийство 19-летней девушки-студентки. Лечение, получаемое им в тюрьме, ему не помогает, констатирует он, уточняя, что если бы даже он вышел на свободу, то «безусловно и сразу же» взялся бы за старое. «Я совершенно не ощущаю себя человеком», – признает этот насильник-рецидивист и требует, чтобы ему предоставили возможность умереть с помощью эвтаназии.

Его адвокат Йосван дер Вельпен только что направил иск с требованием вызвать в суд министра юстиции Аннеми Туртебоом. «Мой клиент, – говорит адвокат, – сам настаивает на том, чтобы комиссия по условно-досрочному освобождению не рассматривала его дело. Он не хочет рисковать, полагая, что от его действий на свободе могут быть другие жертвы. Но, по мнению психиатров, он страдает невыносимыми психическими заболеваниями и он не хочет страдать до конца своей жизни». Три года назад Франк ванн ден Блекен подал заявление об эвтаназии. «Два врача дали свое согласие, – продолжает рассказывать адвокат. – Но третий врач колеблется. Потому что, по его мнению, возможна альтернатива – перевод моего клиента в специализированную клинику в Голландии, где условия заключения гораздо более гуманны и где ему действительно могут предоставить соответствующее лечение».

Но министр юстиции не желает заниматься этим делом, поскольку речь идет о переводе заключенного в другую страну. «Это создало бы прецедент! – возмущенно говорит адвокат Фернан Келленер, бывший член Комиссии по контролю и оценке⁴, которая проверяет, была ли эвтаназия проведена в соответствии с требованиями законодательства. – Что же, сначала начнем переводить заключенных в другую страну, а потом они потребуют экстрадировать их на другую планету...»

Сейчас примерно десять заключенных просят разрешить им эвтаназию, которая позволит им закончить свои дни. Кое-кто уже встревожен таким поворотом дела. Что это? Возврат к смертной казни с помощью «гуманистической уловки»? «Это ведь настоящая добровольная смертная казнь, – недоумевает г-н Келленер. – Благодаря этим заключенным, возникает множество вопросов. Например, есть обо-

⁴ Специальная комиссия, проверяющая законность всех случаев применения эвтаназии.

снованные сомнения, связанные с тем, что вполне возможно, их страдания связаны исключительно с тюремным заключением... Но тогда в любом случае мы должны исследовать причины этих психических страданий и найти способ, как их избежать!» А по мнению Жаклин Херреманс, президента Ассоциации «За право на достойную смерть» и члена Комиссии по контролю и оценке, «необходимо обратить внимание на некоторые стороны проблемы»: «Если речь идет лишь об отчаянии, возникающем в результате постоянного пребывания в четырех стенах, то это одна проблема, – говорит она. – Но если у человека имеется неизлечимое заболевание, то это совершенно другая проблема».

В Бельгии, где сейчас идут дебаты о возможности предоставления эвтаназии несовершеннолетним и психически больным, в этом году зарегистрировано рекордное число обращений с просьбой о проведении эвтаназии. Закон позволяет сделать такое заявление в период, когда человек еще находится в здравом уме и отдает отчет в своих действиях. В период между 1 января 2013 года и серединой октября этого же года зарегистрировано 15 279 таких обращений (за весь 2012 год их было 12 728). «Все больше и больше людей отказываются от того, чтобы кто-то принимал решение от их имени, – полагает Жаклин Херреманс. – Это является доказательством того, что декриминализация эвтаназии позволила обозначить наличие свободы выбора». В ближайшее время Франк ванн ден Блекен узнает в суде, сможет ли он воспользоваться этой самой «свободой выбора» – единственным, что ему остается в этой жизни.

ЮАР: скандал с частной охранной фирмой

Как сообщила следственная группа, персонал южноафриканской тюрьмы использовал в качестве наказания заключенных электрошок и насильственным образом делал им инъекции антипсихотическими препаратами (транквилизаторами). Правительство сделало заявление, что результаты расследования будут полностью обнародованы.

Исправительный центр Мангаунг, расположенный вблизи города Блумфонтейн, – это тюрьма максимально строгого режима, находящаяся под управлением британской охранной фирмы G4S. В начале октября 2013 года правительство ЮАР, после ряда скандалов, связанных с трудовыми спорами и проблемами с обеспечением безопасности, временно приостановило деятельность компании и взяло управление тюрьмой на себя. G4S, в свою очередь, отрицает все обвинения в жестоким обращении с заключенными.

Тревогу подняли активисты движения *The Wits Justice Project*. Эта организация, являющаяся составной частью факультета журналистики Университета города Витватерсранда, отслеживает ситуацию в системе криминальной юстиции в Южно-Африканской Республике. В течение года организация собирала свидетельства заключенных этой тюрьмы.

Более 30 узников рассказали, что сотрудники отдела безопасности тюрьмы пытали электротоком «проблемных» заключенных. Как заявила журналистка Рут Хопкинс, принимающая участие в работе организации, эти рассказы заключенных подтвердили и шесть тюремных охранников.

Арестанты, в частности, рассказали журналистам, что охранники «уводили их в специальную камеру, запирали дверь на ключ, раздевали их догола, силой укладывали на металлическую койку, обливали их водой, а потом пытали с помощью электрического тока». Организация *The Wits Justice Project* утверждает, что у нее имеются аудиозаписи, на которых слышно, как люди плачут и кричат от боли во время этих экзекуций. По словам журналистов, у них имеются и видеозаписи пыток.

По сообщению госпожи Хопкинс, пятеро заключенных под присягой рассказали о том, что их насильно принуждали принимать сильные антипсихотические препараты. Их свидетельства подтвердили еще двадцать заключенных и медицинская сестра.

«Некоторые из заключенных говорят, что предпочли бы умереть, только бы не подвергаться снова таким мучениям», – рассказала Рут Хопкинс. Заключенные, по словам активистов *The Wits Justice Project*, также жалуются на то, что из-за постоянных избиений охранниками они получают переломы и другие серьезные увечья.

Фирма G4S защищает от обвинений, заявляя, что никогда не использовала против заключенных тюрьмы Мангаунг чрезмерной или необоснованной силы. «Персонал G4S не имеет также доступа к медикаментам и не распоряжается ими», – добавили в охранной компании. Также представитель G4S заявил, что у них нет доказательств виновности сотрудников и компания проводит внутреннее расследование. «Мы не можем доказать подлинность видео, на которых запечатлены пытки, однако мы можем подтвердить, что у нас не используются какие-либо виды пыток, включая электрический ток», – подчеркнул он.

Казахстан: тюремная реформа

7 ноября 2013 года заместитель министра внутренних дел Амантай Куренбеков представил депутатам казахского парламента проект нового Уголовно-исполнительного кодекса.

Согласно проекту, предусматривается поэтапное изменение условий содержания осужденных и стимулируется их правопослушное поведение. В этой связи проектом Кодекса вводится соответствующая классификация поведения осужденных (оценка поведения за период отбывания наказания). Осужденный к лишению свободы начинает отбывать наказание в обычных условиях. А в дальнейшем, в зависимости от его поведения, он может быть переведен на строгие либо облегченные условия.

По новому Кодексу положительно характеризующиеся осужденные разделяются на 3 группы: достигшие 1-й степени поведения (при отсутствии взысканий, наличии одного или нескольких поощрений, не являющиеся членами самодетальной организации осужденных, не допускающие совершения нарушений в течение трех месяцев и более); достигшие 2-й степени поведения (при отсутствии взысканий, наличии одного или нескольких поощрений, являющиеся членами самодетальной организации осужденных, не допускающие совершения нарушений в течение шести месяцев и более); достигшие 3-й степени поведения (при отсутствии взысканий, наличии одного или нескольких поощрений, являющиеся членами самодетальной организации осужденных, не допускающие совершения нарушений в течение одного года и более).

В свою очередь отрицательно характеризующиеся осужденные также разделяются на три группы: лица, допустившие единичные нарушения порядка отбывания наказания; лица, систематически нарушающие порядок; злостные нарушители.

Это, по мнению разработчиков Кодекса, позволит более дифференцированно подходить к воспитательному процессу. В конечном счете осужденный будет знать, что за свою судьбу он отвечает сам.

В соответствии с международной практикой в проекте Кодекса прописаны обязанности осужденных (права осужденных определены и в действующей редакции УИК, и в проекте Кодекса), которые ранее определялись ведомственным нормативным актом в виде Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений.

Новым в проекте Кодекса является и то, что заметно усиливается роль общественности как в воспитательном процессе с осужденными, так и в обеспечении защиты их прав. Предусматривается создание попечительских советов при воспитательных колониях, а также консультативно-совещательных органов при местных исполнительных органах по месту дислокации учреждений с участием в этой работе помимо представителей неправительственных организаций и других общественных объединений.

Особый акцент сделан на профилактику пыток осужденных, что является актуальным в контексте ратифицированного Казахстаном Факультативного протокола к Конвенции ООН против пыток.

Законом впервые вводится национальный механизм предупреждения пыток в лице Уполномоченного по правам человека и неправительственных организаций. Если сегодня места принудительного содержания могут посещать только представители общественных наблюдательных комиссий (ОНК), то законом расширяется перечень таких субъектов – теперь разрешается посещение и членами НПО, не входящими в состав общественных наблюдательных комиссий.

С целью предупреждения коррупционных проявлений со стороны сотрудников пенитенциарных учреждений проектом Кодекса исключается компетенция начальника отряда по наложению взысканий и поощрений на осужденных, а также конкретизируется перечень лиц, с которыми осужденный вправе получать длительные свидания (в проекте Кодекса исключается понятие «иные лица»); конкретизированы и обстоятельства, при которых осужденному предоставляется право на телефонные переговоры (раскрывается понятие «исключительные личные обстоятельства», а также предоставляется право на телефонные переговоры не «до 15 минут», когда присутствует вероятность вмешательства администрации, а «15 минут», когда осужденный сам выбирает продолжительность телефонного разговора). За осужденными закрепляется право на непосредственное обращение в суд по вопросу перевода в колонию-поселение.

Предлагается запретить посылки заключенным, но при этом будет увеличен размер месячного расчетного показателя для приобретения ими продуктов первой необходимости в магазинах исправительных учреждений.

Поскольку Казахстан является светским государством, проектом нового УИК запрещается строительство на территории пенитенциарных учреждений культовых сооружений. В то же время заключенные имеют право общения с представителями различных конфессий. В статье 7 недавно принятого Закона «О религии» говорится: «К лицам, содержащимся в специальных учреждениях, обеспечивающих временную изоляцию от общества, находящимся в учреждениях, исполняющих наказания, (...), по их просьбе или их родственников в случае ритуальной необходимости приглашаются священнослужители религиозных объединений, зарегистрированных в порядке, установленном законодательством Республики Казахстан. При этом совершение религиозных обрядов, церемоний и (или) собраний не должно препят-

ствовать деятельности указанных организаций, нарушать права и законные интересы других лиц».

Одной из новаций проекта УИК является введение классификации исправительных учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, в зависимости от степени безопасности и содержания заключенных: минимальной безопасности – колонии-поселения; средней безопасности – исправительные колонии общего режима; средней безопасности для содержания несовершеннолетних – воспитательные колонии; полной безопасности – исправительные колонии строгого режима; максимальной безопасности – исправительные колонии особого режима; чрезвычайной безопасности – тюрьмы; смешанной безопасности – следственные изоляторы, а также учреждения с изолированными участками различных видов режима исправительных колоний, в которых осужденные проживают в камерах.

В связи с вводимыми в Уголовный кодекс наказаниями за уголовные проступки проектом Уголовно-исполнительного кодекса регламентируется порядок их исполнения, таких как арест и выдворение за пределы страны иностранцев и лиц без гражданства.

Проектом УИК также расширяется перечень лиц, в отношении которых будет устанавливаться пробационный контроль. Помимо осужденных условно, он будет устанавливаться за осужденными к ограничению свободы и условно-досрочно освобожденными лицами.

Проектом Кодекса предусматривается оказание содействия в получении социально-правовой помощи лицам, в отношении которых судом установлен административный надзор полицией по материалам администрации учреждения УИС. Это позволит способствовать более быстрой адаптации к жизни на свободе лиц, освобождающихся из мест лишения свободы и недопущения ими новых преступлений.

Как рассказал депутатам Амантай Куренбеков, до конца 2013 года планируется завершить реконструкцию двух учреждений в городах Уральск и Кызылорда с покамерным содержанием осужденных на 1800 мест.

Также Комитетом по делам строительства Министерства регионального развития разработан типовой проект «Исправительное учреждение на 1500 мест» по 5 климатическим зонам. Стоимость строительства одного исправительного учреждения в пределах периметра безопасности (режимная зона), без учета промышленной зоны и объектов социального значения (жилье сотрудников, общежитие для льготного содержания осужденных, детский сад, хозяйственный двор и т.д.), составляет 9 миллиардов тенге (1 тенге равен 0,21 руб.) в ценах

2013 года. В настоящее время в рамках государственно-частного партнерства планируется строительство такого типового исправительного учреждения.

Кроме того, для исполнения наказания в виде ареста в рамках проекта УИК Комитетом уголовно-исполнительной системы (КУИС) МВД Казахстана заявлены бюджетные средства в размере 65 млрд тенге на строительство 52 арестных домов в период с 2015 по 2021 год.

Г-н Куренбеков также рассказал депутатам, что в соответствии с Концепцией по правовой политике до 2020 года предусматривается поэтапный переход от барачного типа содержания осужденных к камерному. По словам заместителя министра, принятие проекта Кодекса создаст условия для более широкого применения наказаний, не связанных с лишением свободы, снижения уровня пенитенциарного и постпенитенциарного рецидива, социальной адаптации осужденных, а также сформирует механизм участия общественности в воспитательном процессе, проводимого с осужденными.

Справка

Пенитенциарная система Казахстана

В 94 пенитенциарных учреждениях (76 – исправительных и 18 – СИЗО) по состоянию на 7 ноября 2013 года содержалось **49 883** заключенных (42 900 – осужденных, 6983 – подследственных), в том числе: подследственных – **13,6%**, женщин – **7,1%**, несовершеннолетних – **0,6%**, иностранцев – **4,5%**. В СИЗО № 6 созданы специальные локальные участки на 146 мест для содержания особо опасных преступников. Количество заключенных на 100 тысяч населения – **295** человек. Наполняемость тюрем по официальным данным составляет **67,9%**. **Высшая мера наказания** – пожизненное заключение, смертная казнь отменена за общеуголовные преступления. **Условия содержания** в тюрьмах тяжелые; заключенные неоднократно проводили акции протеста против условий содержания, в том числе массовое членовредительство.

Самое известное пенитенциарное учреждение: **«тюрьма на Сейфуллина» – следственный изолятор ЛА-155/1** (Алма-Ата). Рассчитан на 1670 мест. В 1940 году здесь скончался видный биолог Иван Филиппев. В 1986 году сюда попали многие участники массовых беспорядков в казахской столице, жестоко подавленных советскими властями.

11 июля 2011 года в колонии строго режима (АК-159/21), расположенной в городе Балхаш Карагандинской области, в результате взрыва погибли 16 заключенных. Взрыв произошел во время поднятого осужденными мятежа, в ходе которого был убит один из сотрудников, а еще несколько получили ранения. Взбунтовавшиеся попытались организовать побег, но это им не удалось. Спустя некоторое время силы правопорядка штурмом взяли взбунтовавшуюся колонию.

11 июля 2012 года в следственном изоляторе АК-168/1 произошел крупный бунт. Заключенные требовали улучшения условий содержания. В знак протеста примерно 20 человек совершили членовредительство. Действиями бунтовщиков СИЗО был причинен ущерб в размере 540 тысяч тенге.

27 июля 2013 года в СИЗО УГ 157/1 произошли массовые беспорядки, вызванные проведением тотального обыска, в ходе которого были изъяты сотовые телефоны, колюще-режущие предметы и т.д.

19 августа 2013 года начались продолжавшиеся несколько дней массовые беспорядки в ИК общего режима 170/2, город Уральск. Заключенные протестовали против обысков, в ходе которых было изъято значительное количество запрещенных предметов. В результате администрации для наведения порядка пришлось ввести ОМОН. Местные СМИ сообщали, что до смерти были избиты четверо заключенных. Администрация ИК эту информацию опровергла.

Тюрьмы не только открывают, но и закрывают

Как известно, тюремное население во всем мире растет и уже перевалило 10-миллионный рубеж. Государства вынуждены строить новые пенитенциарные учреждения, что ложится нелегким бременем на налогоплательщиков. Так, в небольшой Бельгии до конца 2016 года должны быть введены в строй целых семь новых тюрем, потому что существующие 33 пенитенциарных учреждения переполнены на 24%. Аналогичная ситуация и во Франции: там строится еще больше новых тюрем, чем в Бельгии, так как средняя наполняемость имеющихся составляет 116,7%, а в некоторых доходит и до 200%.

В то же время в ряде стран численность заключенных хоть медленно, но верно сокращается. Самый яркий пример конечно же Россия, в которой за несколько последних лет количество «спецконтингента» уменьшилось примерно на 200 тысяч человек.

Швеция. Начиная с 2004 года количество заключенных в Швеции ежегодно уменьшалось на 1%, а в 2011–2012 годах был зафиксирован своеобразный рекорд: за это время их количество снизилось на це-

лых 6% и составляет сегодня 4852 человека. По утверждению властей, подобная тенденция сохранится как минимум еще в течение двух ближайших лет. Как заявил 11 ноября 2013 года руководитель шведского пенитенциарного ведомства Нильс Оберг, «сегодня нам представился случай закрыть часть наших учреждений, поскольку мы больше не нуждаемся в таком количестве тюрем». В 2013 году в стране полностью закрыты две тюрьмы, а еще две законсервированы.

«Мы надеемся, что к этому привели наши усилия в том, что касается реабилитации заключенных и предупреждения рецидива преступлений, но, честно говоря, сокращение на целых 6% нельзя объяснить только этими факторами», – отметил г-н Оберг. Ученые из Стокгольмского университета причину снижения численности заключенных объясняют тем, что суды все меньше приговаривают совершивших незначительные правонарушения к коротким тюремным срокам, предпочитая направлять их под надзор службы пробации.

Нидерланды. Начиная с 2009 года Министерство юстиции постепенно закрыло 8 тюрем. Это решение объяснялось «снижением уровня преступности». Голландские тюрьмы были рассчитаны на 14 000 человек, а содержалось в них лишь 12 000 заключенных. В 2013 году было объявлено, что к 2018 году будут закрыты еще 26 пенитенциарных учреждений. Всего на сегодняшний день в Нидерландах 85 тюрем, заполненных в среднем на 83%. Основным мотивом закрытия тюрем, по мнению аналитиков, все же является экономический фактор, но они же и предупреждают, что если вдруг после всех этих закрытий тюремное население начнет расти, то «многим заключенным придется забыть об отдельной камере». Но, судя по всему, пока «уплотнение» голландским арестантам не грозит, так как преступность в этой стране продолжает падать. Это тем более удивительно, что здесь разрешены легкие наркотики. По всей видимости, дело не только в них, а в чем-то еще.

США. Третий год подряд тюремное население страны понемногу уменьшается. «Это начало конца массовых посадок», – отмечают эксперты. В 2011 и 2012 годах семнадцать штатов объявили о том, что закрывают или вот-вот закроют ряд своих пенитенциарных учреждений.

Так, в штате Колорадо были закрыты две тюрьмы, общей наполняемостью 3200 мест. Летом 2013 года штат Нью-Йорк объявил о закрытии четырех тюрем по причине уменьшения на 24% общего числа заключенных в период 2009–2013 годов. По заявлению властей, закрытие этих тюрем позволит ежегодно экономить по 30 миллионов долларов.

Борис Земцов

Душа, умятая несвободой

Серебряные стрелки, хрустальный циферблат

Когда-то понятие «время» для Олега Пронина ассоциировалось с календарем, часами разных видов, словами «год», «месяц», «неделя», «выходной», «праздник».

Но это – до посадки. До того момента, как он из свободы то ли шагнул, то ли, поскользнувшись, со всего маху плюхнулся в несвободу.

Вот уж действительно: от сумы, от тюрьмы...

Следовал дальнобойщик Пронин на своей груженной фуре по казенному делу; на полпути до пункта назначения, на стоянке, трое шустрых крепеньких пареньков подвалили: «Куда, откуда, что везешь, платить надо...»

Иногда в подобных ситуациях и отстегивал, платил Олег, рассуждая, что время нынче такое... А тут... Нервы сдали. Потому как тяжело отходил после недавнего развода (загуляла жена-медсестра с новым хирургом в своей больнице). Да и на работе с начальством накануне крепко поцапался (пытался выяснить, почему одним и командировки выгодные, и машины хорошие, а другим – рейсы копеечные и запчастей на фуру не дождешься). Будто взорвался. Буром на троих пошел.

«Платить? С какой стати?»...

Был у Олега с собой нож обычный дорожный. На случай колбаски порезать или контакты зачистить.

Один раз только и ударил. Оказалось – очень правильно с анатомической точки зрения. Аккурат в сердце. Рекетир – ничком на землю. Дружки – ноги в руки. Олег с трупом на стоянке среди ночи оказался.

Сам в «скорую» позвонил (сгоряча – понятно, что незачем), сам полицейских вызвал (те лишь к утру приехали и только сверхточному удару удивлялись).

Вот с этого момента все, что ранее имело отношение к понятию «время», из его сознания исчезло. Исчезло, причем окончательно...

До этого там все, как на школьной доске ясным почерком отличницы написано было, а теперь – р-р-раз, будто взметнула мокрые космы тряпка, и вместо слов и предложений, образов и смыслов на эту тему – только влажный пустой линолеум. В этом линолеуме что-то отражается, но это «что-то» никакого отношения к ранее написанному не имеет. Словно ничего написанного там и вовсе никогда не было.

Что со временем все совсем не так, уже в подмосковном изоляторе, где Олег в качестве подследственного находился, стало ясно.

Оказалось, что наручные часы здесь иметь нельзя. Те, кто важно величал себя представителями администрации (они же – те, кого постояльцы изолятора называли «мусорами»), однозначно бурчали по этому поводу – «не положено...».

У арестантов со стажем по этому поводу свои объяснения были. Якобы есть специальное «мусорское» предписание, строго запрещающее сидельцам тюремных изоляторов иметь часы. Потому что циферблат там прикрыт стеклом. Вдруг иной отчаянный это стекло разобьет и его осколками себе вены вскроет..

Вроде бы как логика. Вроде бы как забота о жизни человеческой.

Только никто из постояльцев изолятора всерьез подобный аргумент не принимал. Ведь те же бритвенные станки, из которых лезвие вытащить проще простого, в тюрьме иметь не возбранялось, и прочих режущих и просто острых предметов в любой хате хватало.

Так что для желающих вскрыть себе вены в изоляторе проблем с «инструментом» не было.

Да и не сходилась свет клином на этих самых венах для решившегося покончить здесь счеты с жизнью. Вариантов «ухода» хватало. По беспроводному, но всюду проникающему арестантскому телеграфу, регулярно передавалось: этажом выше парень на «дальняке»¹ за повешенной клеенкой на «коне»² удавился, в другом корпусе бедолага на нижнем ярусе двухэтажной шконки занавесился с двух сторон, приладил рубаху к «пальме»³, и...туда же... В соседней камере какой-то наркоша съел горсть «колес», заснул и не проснулся...

На таком фоне запрет на наручные часы казался глупостью беспросветной. Только факт оставался фактом – часов здесь ни у кого не было и быть не могло.

¹ Дальняк (*тюремн.*) – отхожее место, туалет в тюремной камере.

² Конь (*тюремн.*) – сплетенная из подручного материала (нитки из распущенного свитера, нитки из носков и т.д.) тонкая веревка, используемая для внутренних нужд и поддержания межкамерной связи («дороги»).

³ Пальма (*тюремн.*) – верхний ярус двухэтажной тюремной кровати.

В тюрьме «который час?» можно спросить у продольного, которому велено круглые сутки по коридору ходить и через «глазки» во все камеры заглядывать: вдруг арестанты что-то непопозволенное затевают? Этой возможностью Олег поначалу пользовался.

Сначала пользовался, а потом перестал, потому как вышел однажды конфуз, едва не обернувшийся тяжелыми последствиями.

Раз спросил Олег у продольного про время, через пару часов снова на ту же тему поинтересовался. А продольный – здоровенный прапорщик с лицом, будто свекольным соком натертым, взял, да и проявил бдительное рвение – накатал рапорт про подозрительное, его, Олегово, поведение. В том же рапорте автор до вывода додумался: если арестант так настырно интересуется, который час, – значит, с помощью находящихся на свободе сообщников, непременно готовится к побегу. Соответственно, реализацию подобного умысла надо пресечь, а за интересующимся временем постояльцем – глаз да глаз.

Разумеется, вызывали Олега к «куму». Понятно, написал Олег объяснительную на имя начальника изолятора, в которой заверял, что временем он интересовался исключительно по оставшейся с воли привычке и никаких планов побега не вынашивал.

Уже потом, в зоне, Олег понял, что только чудом не обернулась для него та ситуация «полосой»⁴ и особой отметкой в личном деле – «склонность к побегу».

С такой отметкой в лагере строгого режима, где жизнь и без того не сахар, проблем прибавилось бы: назойливое внимание оперчасти, регулярные проверки – лишнее беспокойство, лишнее унижение.

В принципе, часы в тюрьме арестанту и не нужны.

Потому что хлопоты на тему «куда спешить, куда опоздать» здесь исключение. Завтрак, обед, ужин – привезут. На встречу со следователем, с адвокатом (редкая роскошь для небогатых в основном постояльцев), с родственниками (если таковые есть и если свидание с ними разрешил следователь) – позовут. Грохот открываемого «кормяка»⁵ здесь сродни ударам курантов. Потому как через этот «кормяк» вся информация и поступает. И про привезенную казенную пищу. И про всякое грядущее перемещение арестанта по тюремному пространству.

⁴ Полоса (*тюремн.*) – полоса на личном деле, на прикроватной табличке и т.д. Полосой отмечают арестантов, поведение которых требует особого контроля (склонных к побегу, к суициду, к организации массовых беспорядков и т.д.).

⁵ Кормяк (*тюремн.*) – окошко в железной двери тюремной камеры с откидывающейся полкой.

Еще один аргумент обоснования ненужности часов в тюрьме – почти отсутствующая разница между заведенным здесь дневным и ночным распорядком жизни.

Что день, что ночь! В общей хате – все едино: горит свет, работает телевизор (если таковой имеется), стоит ровный гул арестантского быта (кто-то стирает, кто-то разговаривает, кто-то чифирит). Порою движухи ночью даже больше, чем днем. Потому как ночью и «дорога»⁶ работает, по ней грузы⁷ разгоняются, малявы гуляют, а то и прогон⁸ грянет, который полагается сразу же вслух для всей хаты зачитать.

В тюрьме не только день с ночью, но и будние дни с выходными, рабочие дни с праздниками спутать просто.

Потому что ничем, абсолютно ничем друг от друга эти дни не отличаются. Все одним цветом. Все с одним запахом. Все в одну заунывную череду. Вот и казалось Олегу тогда, что никакого времени там не было, не присутствовало, не существовало. Соответственно, никаких часов, никаких циферблатов со стрелками даже представить не получалось. Зато часто казалось, что где-то рядом качался маятник, тяжелый, как язык церковного колокола, и этот маятник без конца повторял: «твой срок...», «твой срок...», «твой...срок...».

Много раз от бывалых, от уже сидевших слышал Олег не без браводы произносимое: «Скорей бы суд да в зону! На зоне движухи больше, там время летит...»

Дождался и он суда, лихо отвесившего ему шесть лет строгого режима. Мог бы и больше, но мог бы и меньше, потому как на суде там про нож в руке Олега через слово повторялось, а про обрезки арматуры (граненая «шестерочка», легко любую кость ломающая) в руках у каждого рэкетера никто и не вспомнил.

Добрался он и до зоны.

Верно: и пространства, и воздуха здесь было больше, и какое-то, почти свободное, перемещение (барак – столовая – промка⁹) допускалось, только ощущение времени к норме не вернулось. И это не смотря на то, что часы носить здесь не запрещалось.

⁶ Дорога (*тюремн.*) – система межкамерной веревочной связи в тюрьме, по которой передаются записки, сигареты, чай, продукты, иногда мобильные телефоны, наркотики и прочие «запреты».

⁷ Грузы (*тюремн.*) – все то, что передается по тюремной «дороге».

⁸ Прогон (*тюремн.*) – директива-инструкция с воли от авторитетов криминального мира, регламентирующая жизнь арестантов.

⁹ Промка (*тюремн.*) – часть территории в лагере, где находятся промышленные помещения, куда арестанты выходят на работу.

В первой же посылке получил Олег Пронин наручные часы.

Не электронные (на зоне с батарейками лишняя морока), а, как он и просил, механические, почти уже старинные, советские, знаменитые своим качеством (жена специально на ближайшей барахолке всех старьевщиков обошла). Застегнул утром ремешок на запястье почти с удовольствием, а к вечеру обнаружил с вялым удивлением, что на циферблат за это время ни разу и не взглянул. Вроде как и повода не было.

На проверку – скомандовали.

Про завтрак и обед – напомнили.

На работу машинально за соседями потянулся.

Выходило, что и на зоне часы не нужны.

Кстати, висели в бараке на стене большие круглые с узорчатыми стрелками часы, но и на них редко кто взглядом останавливался. Зачем? Про подъем дневальный проорет, еще хуже кто из «мусоров» заявится да на весь барак просамогоненной глоткой грянет. Про обед, ужин, всякие построения – опять же кто-то из отрядных «козлов»¹⁰ непременно озвучит. В этом их предназначение и заключается, ради этого к своей голове они «рога» до конца срока (точнее, на всю оставшуюся жизнь) и навинчивают¹¹.

Не вернулось в зоне и ощущение разницы «выходной – невыходной», «будни – праздники». Это потому, что на промку выходили здесь арестанты по скользящему или, как они сами говорили, вечному графику: четыре дня во вторую смену – выходной, четыре дня в третью смену, то есть в ночь, – и опять тот же выходной. И никаких понедельников-вторников, суббот-воскресений. Опять, как в тюрьме, вместо времени – та же самая сплошная монотонная и одноцветная тяготица.

Конечно, существовала в лагерной жизни пара примет-признаков, по которым одни дни недели чуть отличались от всех прочих.

В среду каждому арестанту полагалась котлетка, диаметром аккурат в пятачок советской чеканки, в которой сои было куда больше, чем мяса.

В субботу на ужин давали вареное яйцо почти такого же размера и кусочек жареной рыбы неведомой породы.

Только кулинарные особенности не становились здесь признаками времени. Они как-то размазывались по всему прочему вневременно-

¹⁰ Козлы (*тюремн.*) – арестанты, согласившиеся на сотрудничество с администрацией, крайне неуважаемая категория осужденных.

¹¹ Навинтить рога, надеть рога (*тюремн.*) – стать козлом, занять должность, предложить администрации.

му, на этом фоне блекли, выветривались, а то и вовсе сливались с тем же самым сплошным и монотонным, что без цвета и запаха.

Выходило, что и здесь, в лагере, не было никакого времени, а то, что должно было хотя бы отдаленно напоминать время, ассоциировалось ни с циферблатом и стрелками, а с грандиозными, изрядно стертыми веками, медленно вращающимися жерновами.

Такие Олег видел в краеведческом музее глухого северного городка, куда забрел ради скуки, дожидаясь попутного груза в очередной своей дальнобойной командировке. Что-то похожее видел он и в каком-то чужезычном фильме про Средневековье. Только реальные, пусть киношные, мельничные жернова, перемалывали зерно, умножая тем самым его и без того великую жизненную силу. Условные же, лагерные, жернова перемалывали арестантские жизни. Результатом этой работы был не белый, ласкающий глаз мучной ручеек – символ сытости и плодородия, а черная труха переломанных арестантских судеб.

На втором лагерном году (третий год общего срока, первый год на изолятор и этапы ушел) ощущение отсутствия времени для Олега только укрепилось. Правда, картина с жерновами отодвинулась, стала забываться.

Вместо нее другой образ в сознании заворочался.

Не сам его Олег придумал-выдумал. Просто вспомнил некогда увиденную в журнале репродукцию какого-то художника – то ли продвинутого, то ли не совсем с головой дружившего. На той картине тема времени присутствовала, соответственно, и часы присутствовали. Только в очень странном виде. Циферблат весь искореженный, сплюснутый, погнутый. Или адским огнем наказанный, или в кислоте побывавший. Стрелок на тех часах, кажется, и вовсе не было. То есть часы – вот они, в наличии, а время или замерло, или куда-то в сторону идет. Не раз эту репродукцию Олег вспоминал и только удивлялся, как точно иностранный художник суть момента ухватил, будто сам на российской зоне не меньше трешки отмотал.

На фоне такого настроения, таких декораций и календари как таковые (не важно – настенные, крупные, либо карманные, размером с пачку сигарет) выглядели здесь чем-то лишним, потусторонним, а то и откровенно раздражающим. Какой прок шарить взглядом по черным рабочим дням и красным праздникам – выходным, когда график твоей жизни с этим решительно ничего общего не имеет («четыре дня в первую», «четыре дня во вторую» и т.д.).

Впрочем, разница «выходной – невыходной» – это пустяк. Календари в зоне имели куда более серьезное, точнее, жуткое предназначение

ние – напоминали о практической неподвижности срока, определенного приговором, подчеркивали ничтожность арестантской жизни и самой личности арестанта по сравнению с машиной этого срока.

Особенно болезненно это было для тех, у кого лагерный стаж только начинался. В дрожь бросало при одной попытке сопоставить срок, приговором определенный, с количеством прожитых лет. Для иного «тяжеловеса»¹² совсем мрачная арифметика складывалась: приплюсует годы, которые еще предстоит отсидеть, к тому, что уже прожито, и... полученная сумма меркнет и съедивается по сравнению со всем известной среднестатистической нормой продолжительности жизни мужчины в России.

Не легче было и тем, у кого срок заканчивался. Порою приближение, кажется, долгожданной свободы вовсе не бодрило, не разворачивало крылья за спиной, а только давило, норовя вовсе расплющить. Потому что для многих так было: чем ближе освобождение, тем больше пугал тот мир, из которого арестант надолго выпал, в котором он был уже никому не нужен, а лишь всех настораживал, всем мешал. Мало кто в этом признавался даже самому себе, только к чему тут было это признание?

Это, похоже, как на суде: признал ты вину или не признал, раскаивался слезно на допросах или угрюмо отмалчивался – у судьи и у тех, кто за ним стоит, все заранее определено. И приговор, и срок, и соответствующие слова в бумагах, с которыми ты по этапу и по всей дальнейшей жизни будешь двигаться.

Когда к экватору, к своей половине, срок стал приближаться, появилась у Олега потребность думать о том, что же все-таки здесь со временем происходит. По-прежнему присутствовало гулкое ощущение, будто никакого времени здесь вовсе нет. Потому что время – это то, что меняется, что движется. Что само меняется, само движется и меняет, передает движение всему, с чем соприкасается. А здесь, в лагере, – ни перемен, ни движения. Нет движения, нет перемен – значит, и времени нет.

Только, если так, как же все остальное – жизнь человеческая, история государственная и все, что образованные люди и хитрые политики прогрессом называют?

Что-то здесь не так, что-то здесь не то.

Читал когда-то Олег про какие-то черные дыры, что в мире якобы существуют, где все вроде бы как обычно, а на самом деле все в дру-

¹² Тяжеловес – арестант, имеющий большой срок (от десяти лет и выше).

гом измерении, в котором время другое и чуть ли не в обратную сторону движется.

Разве похожа российская зона строгого режима XXI века на эту самую черную дыру? Да и кто знает, как она выглядит, эта самая черная дыра?

Думал об этом арестант Пронин много, но своими мыслями ни с кем не делился.

Знал точно, с подобными догадками, сомнениями и выводами на зоне лихо можно было в категорию ненормальных угодить, о ком с едкой издевкой говорили: «Да у него гуси полетели!»

А с этим ярлыком здесь строго – стоит только раз повод дать, чтобы окружающие так сказали-подумали и до конца срока не отмыться, не оправдаться. Больше того, это тавро и на воле тебя сопровождать будет.

Так что один на один сам с собой переваривал Олег свои пространственно-временные наблюдения и выводы. Сначала своих мыслей пугался, потом прилачился, все по полочкам расставил, все причины-выводы по местам разложил. Какая-то система в итоге сложилась.

Наконец и главный на тот момент вывод подоспел.

Что-то похожее он раньше еще в подмосковном изоляторе от старых, правильных арестантов слышал. Тогда он чужим откровениям значения не придавал. Теперь сам до похожего вывода дошел.

А вывод серьезный: для порядочного, думающего арестанта – время, ушедшее на тюрьму, лагерь, не вычитается из количества отведенных судьбой и Богом лет, а приплюсовывается к ним. Отбытый срок просто раздвигает, удлиняет человеческую жизнь.

Дерзкий, неожиданный вывод.

Скажем, написано по Судьбе человеку шестьдесят лет прожить, а он уже в зрелом возрасте по мусорскому беспределу или по бытовой нелепице выхватывает себе пятерик, который с честью, ничем себя не запятив, отбывает. После этого откуда-то сверху Судьба человека корректируется – вместо первоначально предписанных шестидесяти лет он уже шестьдесят пять проживает.

Непреренно и обязательно.

У самого Олега с арестантской репутацией все в порядке было. Весь срок в мужиках, на общее выделял регулярно, ни в чем сомнительном не замечен. Вроде как, следуя им же самим открытой логике, имел Олег Пронин все шансы на продление своей земной жизни на срок, неволей зажеванный.

Тем не менее когда время возможного УДО подошло, то и он соответствующее заявление написал.

Шутка ли – на два года раньше вернуться в жизнь, которая к тому моменту уже не реальностью представлялась, а чем-то сказочно-заоблачным? Разумеется, и какие-то планы на эту будущую большую жизнь выстраиваться начали.

Планировал, мечтал, да не сложилось...

К тому времени, когда УДО для Олега подоспело, уже существовал в лагере неписанный, никем не провозглашенный, но строго соблюдаемый чисто коммерческий подход к любому случаю возможного досрочного ухода арестанта на свободу.

Подход однозначный, вариантов не допускающий – УДО только за деньги.

Схемы «заноса» денег с воли были разные: через «хозяина» и прочих высоких лагерных начальников, через суд, который формально все и решал, через местную прокуратуру, мнение которой, согласно закону, должно быть обязательно учтено, просто через каких-то знакомых, что доводилось знакомыми тем, кто в силу своих полномочий был способен решать этот вопрос.

Не важно «как» – важно «сколько».

И это «сколько» составляло от трех до пяти тысяч рублей за каждый недосиженный месяц.

Даже по самому минимуму набегало столько, сколько ничего общего с доходами (главный из них – нищая нынешняя российская пенсия доживавшейся Олега старухи матери) не имело.

Знал обо всем этом арестант Пронин и все-таки рискнул (вдруг чудо?), подал заявление и прочие необходимые документы на УДО. Соответственно, не очень удивился, когда на суде, призванном подобные заявления рассматривать и проходившем прямо в здании лагерной администрации зоны, услышал скороговоркой произнесенное кем-то из нелагерных начальников (то ли судьей, то ли прокурором), невнятное по звучанию, но исчерпывающее по смыслу: «Пронин? Что-то у тебя поощрений маловато, и в актив ты не вступил. Не получится...»

Не удивился, совсем не удивился Олег результату суда, только все равно почувствовал в тот момент и медный привкус во рту, и выхлоп жара в лицо, и еще что-то, что нормальный человек непременно испытывает во время унижения, в момент внезапного хамского оскорбления.

Конечно, сокрушенно и растерянно произнес внутри неведомый голос: «Значит, еще два года...»

Конечно, заскрипели где-то рядом уже почти забытые, замшелые безжалостные жернова, с которыми когда-то ассоциировалось в лагере понятие «время».

Только все это как-то ненадолго, мельком, не всерьез.

Ровным сном правильного арестанта спал в ту ночь Олег Пронин, а наутро все, что произошло накануне в суде, казалось уже далеким и совсем безболезненным.

В традиционном утреннем внутреннем разговоре (завел такое правило Олег в последнее время) не успокаивал он себя, а спокойно и размеренно объяснял опять же сам себе: «Два года – это всего-навсего двадцать четыре месяца... По сравнению с сорока восемью уже отсиженными – пустяк... Главное – не расслабляться, и из этого времени максимальную пользу извлечь: побольше умных книг прочитать, вот бы еще курить бросить да здоровья поднабрать, на турник и брусья в локалке надо не только каждое утро, но и каждый вечер выходить...»

Опять высветилась в сознании давно прежними арестантами обнаруженная и заново им, Олегом Прониным, открытая истина про срок, что не сокращает, а продлевает жизнь человеческую ровно на столько, сколько срок длится. Разумеется, при строгом условии неперменной правильности этой самой жизни.

Тогда же поймал себя Олег на совершенно новом и очень важном ощущении.

Опять про время.

Оказывается, это самое время даже в условиях несвободы все-таки существует.

И не просто существует, а живет своей, вполне конкретной жизнью, при этом перемещается, течет, движется.

Верно, не так быстро, как хотелось бы, особенно здесь, но движется!

Налицо приметы этого движения.

Вот уже до половины заполнена выписками из серьезных книг общая тетрадь. А книги эти он уже здесь, в лагере, прочитал. Да что там в лагере...

До лагеря Олег вовсе не читал, как-то не тянуло, не было потребности, все больше кино да телеящик, а тут... покатило, только удивлялся, почему до этого столько времени даром пропадало.

И еще много очень со стороны странных и очень-очень личных признаков движения этого времени обнаружилось. Например, начал в лагере Олег зарядку делать, вначале три раза едва-едва на турнике подтягивался, а сейчас – десять раз и легко. Ровно столько же раз подтягивался он, когда служил срочную, а с тех пор почти двадцать лет минуло.

Следом – очередное, внутреннее, глубоко личное то ли открытие, то ли откровение грянуло. Его Олег мог вполне четко и понятно сформулировать, хоть сейчас учеников в круг рассаживай и записывать заставляй.

Оказывается, в какой бы ситуации человек ни находился и как бы худо ему при этом ни было – никогда не надо торопить, пришпоривать время. Потому как время – это твоя жизнь, которая, сколько бы она ни длилась, все равно коротка и которая пролетает так быстро, что только горевать да сожалеть остается.

В начале последнего года срока щелкнул неведомый тумблер где-то внутри Олега Пронина и пришло к нему собственное персональное ощущение времени. В чем-то немного прошлое, «допосадочное», а в основном совершенно иное, новое, никаких аналогий со всеми его прежними ощущениями во все пережитые им годы не имевшее.

И это время ассоциировалось с часами.

Необычайными были те часы. Ничего похожего Олег ни в кино, ни на картинах, ни в снах своих, даже детских, акварельных и сказочных, никогда не видел.

Имели те часы хрустальный граненый циферблат, мерцающий разноцветными тонкими иглами, и причудливой формы тронутые благородной патиной серебряные стрелки.

При каждом внутреннем взгляде на эти диковинные часы, какое бы положение ни занимали те стрелки на том циферблате, на душе становилось спокойно и правильно. Это ощущение только усиливалось, когда следом приходила уверенность, что эти часы, несмотря на ажурность стрелок и хрупкость циферблата, никому не сломать, не разбить и что этим часам отныне вечно сопровождать владельца по жизни, какими бы каверзами та не обернулась.

И про это открытие никому не рассказывал Олег Пронин. Даже не потому, что кто-то мог сказать: «Да у него гуси полетели...» Просто не допускал, чтобы кто-то чужой касался своими руками с нечистыми ногтями до этого циферблата, до этих стрелок.

Зато сам вспоминал о них часто. Порою в самые неожиданные моменты.

Вспоминал молча, но догадаться об этом было несложно. Выдавала легкая, чуть рассеянная, немного чудаковатая улыбка, появлявшаяся в тот момент на его лице. Да и само лицо тогда становилось другим – светлело, будто кто-то особым фонариком его изнутри подсвечивал.

Острая небесная недостаточность

Прости, сынок, воздушный змей для тебя я так и не построил.

Это надо было бы сделать, когда тебе было лет двенадцать, возможно, даже раньше.

Это надо было сделать тогда, когда неудержимо взрослеющий будущий мужчина впервые задумывается, что такое небо, что такое свобода, из чего складывается человеческое счастье.

Стыдно, я так и не смог найти для этого времени: работа, командировки, бесконечная изнуряющая и озверяющая гонка за чем-то, что издалека представляется таким важным и ценным, а вблизи оказывается ничтожным и никчемным.

Тогда не смог выкроить каких-то несколько часов, а сейчас это просто невозможно, как бы горячо я к этому ни стремился и как бы искренне ты ни хотел мне в этом помочь.

Воля, в которой находишься ты, и неволя, где обитаю я, – это не просто два разных вида человеческого бытия, это – две противоположные и люто непримиримые друг к другу цивилизации, это – две исключают друг друга системы координат, два воюющих космоса.

Стыдно и грустно.

Конечно, в наше время можно и не заниматься великим священнодействием, состоящим из варки клейстера, поиска дранок, подбора соответствующих ниток и тряпочек. Уже давно в любом игрушечном магазине можно купить китайскую поделку с тем же самым летающим и воздушным названием: воздушный змей. Только это не поделка, а подделка, фальшивка.

Это что-то совсем другое, несерьезное и ненастоящее.

Настоящий воздушный змей – это тот змей, что когда-то построил для меня мой отец, твой дед, которого ты, уж так случилось, видел только на семейных фотографиях.

Помню это событие в мелочах и деталях.

Строительство воздушного змея начиналось с поиска подходящих дранок, призванных стать остовом, скелетом будущего небесного корабля.

Что такое дранки, тебе, выросшему в сердцевине громадного современного города, надо пояснять. Дранки – это тонкие полоски древесины, на которые распадается старая, не раз побывавшая под снегом и дождем, фанера. Для того, самого первого моего воздушного змея отец оторвал эти дранки от стены дровяного сарая во дворе вовсе еще не московского дома, а родительского дома на окраине города, в котором я провел первые двадцать с лишним лет своей жизни. Отец неспешно придирчиво проверял, достаточно ли они сухи, хорошо ли гнутся, нет ли на них раковин от сучков и прочих изъянов.

Потом подбирался бумажный лист.

Обычно для этого использовался двойной, вертикально поставленный лист из школьной тетради, иногда такой же двойной, но куда больший в размерах, лист из журнала формата тогдашнего «Огонька», иногда какие-то нестандартные листы из остатков обоев, оберточной бумаги и прочих макулатурных отходов.

Первая дранка приклеивалась на самую верхнюю кромку бумажного листа, две следующие клеились по диагонали крест-накрест в виде то ли Андреевского креста то ли неприлично знаменитой буквы «х».

Если змей отличался значительными размерами, то на бумажном листе появлялась четвертая дранка, проходившая через пересечение диагональных, параллельная верхней кромочной.

Для всех процедур склейки отец использовал сваренный из муки клейстер. На мое предложение заменить самодельный клей покупным канцелярским клеем, что продавался во всех магазинах канцелярских принадлежностей, он только отмахивался: «Клейстер, только клейстер, он надежней...»

Тот отцовский клейстер из детства я вспоминал в столичных изоляторах, на которые пришелся первый год моей арестантской биографии.

Там тоже был клейстер.

Только тот тюремный клейстер делался не из муки, а из размоченного в кипятке и неоднократно пропущенного через марлю хлебного мякиша. С его помощью мы клеили из свернутых в трубочку газетных и журнальных листов двухметровые «удочки», столь необходимые для налаживания «дороги» – главной тюремной нелегальной коммуникации.

«Дорога» представляла собой базировавшуюся на внешней стороне тюремной стены канатно-подвесную систему из веревочек и шнурочков, по которой из камеры в камеру передавались записки, чай, сигареты, продукты, иногда даже мобильные телефоны, перелитый в маленькие пластиковые емкости алкоголь, наркотики.

С помощью этого клейстера мы, арестанты, не раз пытались преобразить, очеловечить унылый вид камеры, оклеивали стены специально заказанными с воли в передачах белыми листами писчей бумаги формата А4. Наивные – не учитывали тюремной всепроникающей сырости и сильно удивлялись, когда уже через пару дней эти листы набухали мрачной темной влагой, отклеивались и падали вниз, будто специально норовя угодить на лица спящих арестантов.

Вернемся к змею из моего детства.

Когда приклеенные к бумажному листу дранки подсыхали, схватывались, тем же клейстером в середину змея приклеивалось бумажное сердечко. Это для лучшего скрепления дранок между собою и – в оп-

ределенном смысле – для красоты. Ведь сердечко это, вырезанное из бумаги, другого, часто красного, цвета, было видно издалека, как бы высоко ни поднимался змей над землей.

Приклеиванием сердечка завершалось изготовление остова воздушного змея.

Далее следовало устройство пут (так называлась непростая конструкция из ниток, что позволяла управлять аппаратом, держать его в воздухе). Описать все тонкости этой операции невозможно, этому можно только научить по жесткому принципу: смотри и делай как я.

Последним этапом в строительстве воздушного змея было оснащение его хвостом.

Хвост изготавливался из связанных между собой узеньких ленточек какого-нибудь легкого материала, лучше всего для этого подходили старые, приговоренные к выбрасыванию простыни и пододеяльники. Хвост привязывался к нижним, чуть выступающим под краешком бумажного остова концам дранок. Тех самых, что представляли собой то ли благие очертания Андреевского креста, то ли напоминали малопримечательную букву русского алфавита. А сам хвост копировал другие буквы, правда, уже иного, латинского алфавита. Чаще всего хвост воспроизводил букву «U». Иногда в его середину строго симметрично добавлялась еще одна простынная ленточка, и тогда буква «U» плавно трансформировалась в другую букву того же чуждого алфавита – «Y».

Непросто было правильно рассчитать длину и, соответственно, вес хвоста. А зависело от этого очень многое. Если хвост оказывался слишком тяжел – воздушному змею было трудно взлететь, оторваться от земли, добраться до спасительных воздушных потоков, всегда готовых подхватить и поддержать всякое существо, механизм или предмет, дерзнувшие подняться в небо.

Еще хуже, если хвост оказывался короче, чем ему полагалось быть для аппарата этого веса и размера. В этом случае змей легко поднимался вверх, но, едва набрав высоту, начинал вихляться из стороны в сторону, а то и выделять всяческие кульбиты. Очень часто подобные лихачества в воздухе заканчивались трагически: при очередном кувырке он запутывался в собственном хвосте, полностью терял всякую маневренность и камнем падал вниз.

Зачем я пишу тебе про все это отсюда и сейчас? Ведь я рискую, сильно рискую. Рискую предстать в твоих глазах расслабленным, сентиментальным, почти слезливым, словом, таким, каким я меньше всего хотел бы тебе сейчас показаться. Но я думаю, что ты все поймешь правильно.

Знай, что порою небо для человека имеет необычный, трижды особенный смысл. Не удивляйся, если после этой фразы в моем письме начнут попадаться целые куски, вымаранные черным фломастером. Это привет от местных цензоров, ибо принято считать (и соответствующие строгие циркуляры на этот счет имеются), будто в письмах отсюда никакой информации на тему «условия содержания в местах лишения свободы и предварительного заключения» быть не должно.

Напомню тебе, что первые двенадцать дней после ареста я провел в изоляторе (той же самой тюрьме) на Петровке. По тому знаменитому, известному по великому множеству книг и фильмов адресу: Петровка, 38. Там сносно кормили, говорят, еда доставлялась туда из столовой, в которой питаются милицейские работники, у каждого постояльца была своя одноэтажная кровать, в камерах было чисто, но... Окна в этих камерах закрывали глухие жалюзи, через которые не было видно ни-че-го. Находящийся здесь человек был полностью лишен неба.

Потом меня этапировали в «пятерку» – судебнопоследственный изолятор на севере Москвы.

Там я пробыл полгода. Все это время находился в общей камере на первом этаже. Удивительно, но окна в том помещении даже не предусматривались. Имелось в самом углу что-то похожее на зарешеченную форточку, но так было спланировано это здание, что приходилась эта форточка почти на уровень земли, а напротив нее, всего в нескольких метрах, поднималась глухая стена то ли сарая, то ли гаража.

Чуть-чуть свежего воздуха из этого окна-форточки-амбразуры в нашу камеру поступало, света – практически нет. Всякий пребывающий в том помещении человек, по сути, был полностью лишен солнца и неба.

Урезанную порцию последнего можно было получить на ежедневной прогулке на верхнем прогулочном двореке, что был традиционно оборудован под самой крышей многоэтажного тюремного корпуса.

Прогулка представляла собой сорок минут (иногда и гораздо меньше – по настроению дежурного представителя администрации) топтания или стояния в комнате без окон со стенами, одетыми в «шубу». «Шуба» – это такой способ штукатурки, когда раствор, бетон или еще что-то аналогичное просто наляпывается на стену и оставляется в подобном, неразмазанном и неразглаженном виде до полного просыхания-затвердения.

«Пайка» неба на подобных прогулках выдавалась мне под углом через зазор между крышей прогулочного дворика и верхушкой стен этого помещения. Сорок минут неба под углом в сутки для человека – это ничтожно мало, это почти ни-че-го.

Потом были полгода в Бутырке.

Камера на большом «спецу».

«Спец» на языке уголовников и милиционеров – это специальный корпус, в котором содержатся особо опасные преступники. До сих пор не знаю, какой это был по счету этаж в громадном, царской постройки тюремном корпусе. В камере две двухъярусные койки, сваренные из массивных железяк как одно целое, стол и скамья, отхожее место, напоминающее «удобства», что доживают свой век в базарных и вокзальных туалетах в российской, очень далекой глубинке.

Бытовые условия бутырского «спеца» были более чем сносны. В других общих обычных камерах на 8–10 двухъярусных шконок, то есть на 16–20 реальных спальных мест, часто приходилось по 40–50 бедолаг-жителей. Соответственно, спали там в три смены, в порядке живой, далеко не всегда строго соблюдаемой очереди.

На «спецу» каждый обитатель имел свое, почти индивидуальное место. Почти роскошь!

А вот с небом и здесь были проблемы. Потому и окно в бутырской камере, забравшей полгода моей жизни, я запомню на весь остаток этой самой жизни. Это окно выходило в стену другого корпуса, почти впритык пристроенного к нашему. Соответственно, панорама (очень громко, с большим авансом, сказано), что мне открывалась из окна (опять преувеличение, речь идет скорее о форточке), на протяжении всего этого времени представляла собой кусок кирпичной стены плюс забранное решетками окно в той же самой стене.

Неба из окна моей бутырской камеры почти не было видно – только угловой лоскуток очень скромного размера. Правда, если подойти к окну вплотную, а еще лучше встать ногами на нижнюю шконку, максимально задрать и повернуть под определенным, очень неудобным углом голову, этот лоскуток в размерах увеличивался. Увеличивался...

Впрочем, какая разница – ведь все равно безграничное, безразмерное и бездонное понятие «небо» при этом продолжало насильно втискиваться и жестко втрамбовываться в куцые понятия «кусочек», «лоскут», «краешек». Для меня небо в Бутырке существовало в чисто тюремном, строго ограниченном виде. Словом, пайка неба.

Понятно, были в Бутырской тюрьме и положенные для арестантов по закону прогулки. Но реальное положение дел здесь очень напоминало ситуацию в «пятерке». Прогулка – те же сорок минут. И не каждый день, ибо на прогулку (цитирую расхожую формулировку дежурных представителей тюремной администрации) «идут или все, или никто», а вот чтобы «все» выходило далеко не всегда – кто-то при-

хворнул, кто-то всю ночь простоял на «дороге», поддерживая «святую» с точки зрения тюремных традиций связь между камерами, и отсыпается. В итоге – та же самая, не всегда получаемая, сорокаминутная «пайка неба». Так же выдаваемая под углом, через зазор между верхушкой стен и поднятой на столбах крышей тюремного корпуса.

Вот тогда-то и вспоминалась детская забава – запуск бумажного змея в небо, в небо, которого при этом было сколько угодно: слева и справа, сзади и спереди, над головой и, кажется, просто повсюду.

Необычная обстановка порождает воспоминания о самых обыденных вещах и подталкивает к самым неожиданным выводам.

Кстати, когда змей был полностью готов, наступало главное, ради чего все затевалось, все клеилось, строилось, связывалось, – его запускали в небо. В то самое небо, значение которого я сейчас для себя переосмысливаю. Большую роль при этом играл ветер. В сильный ветер поднимать воздушный змей было бессмысленно. В лучшем случае его просто отрывало от главной нитки и относило далеко в сторону капустных полей, что начинались сразу за окраиной города. В худшем случае очередной порыв ветра запутывал всю оснастку змея, и аппарат пикировал в землю.

Не подходило для запуска змея и полное безветрие. Тогда ему не хватало сил оторваться от земли и набрать высоту. Самой оптимальной погодой для запуска воздушного змея была ясная погода с легким, очень легким, ветерком, который на уровне человеческого роста едва улавливался, но на высоте нескольких десятков метров уже набирал силу, подхватывал тело змея, становился для него упругой опорой.

После тюрьмы зона – это уже совсем другое пространство. Даже с учетом тройного забора с вышками, даже с учетом локалок, которые своими решетками, калитками, замками так напоминают зверинец, – это все равно ближе к свободе. Кажется, чего-чего, а неба здесь должно быть в достатке – ведь заирать голову вверх тебе никто не запретит. Но так только кажется.

И здесь небо существует в ограниченном, урезанном варианте. Потому что, как высоко ни закидывай голову, боковое зрение все равно натывается-спотыкается об унылое здание барака, мрачный корпус промки, а главное, на отовсюду торчащие куски лагерного забора с вышками.

Верно, неба здесь больше, чем во всех московских изоляторах, вместе взятых. Верно, небо здесь не в виде сорокаминутной пайки под углом на прогулке и не в виде лоскутка размером в носовой платок из форточки, что увидеть еще надо только после залезания на шконку и только после особого выверта головы.

Но неба здесь не сколько угодно. И того самого горизонта, что на воле разделяет край земли от края неба, здесь нет. Здесь вместо горизонта тот самый тройной забор с запретками, с тропами для патрулирующих «мусоров» и собак, с вышками, на которых день и ночь те, кто стережет нас, и они, эти стерегущие, с учетом высоты этих треклятых вышек, к небу ближе, чем мы.

Видишь, как бывает: живет человек тридцать–сорок лет и совсем об этом самом небе не задумывается.

Кажется этому человеку, что он – сам по себе, небо – само по себе, и никто здесь ни с кем не связан и прекрасно без этого самого неба можно обходиться.

Кажется, будто у человека в этом небе никакой ни потребности, ни заинтересованности. Что есть оно, что нет – все равно, что главное – здоровье, хлеб насущный и т.д., а небо – это далекое, абстрактное, чего не купить, не потрогать, без чего вполне обходиться можно.

Жаль, что нынешние мальчишки не умеют клеить воздушных змеев. Стыдно, что такую игрушку я не построил для тебя в свое время. Грустно, что этот змей я смогу построить для тебя очень нескоро.

Впрочем, неизвестно, интересно ли будет тебе все это...

Разве что к этому времени у тебя появится свой сын и стараться мне придется уже для внука.

И уже твой сын, мое третье отражение, испытает радость, запуская в небо склеенный прадедовским способом воздушный змей.

Алексей Мокроусов

Насилие как магнит

Показ документальных фильмов уже не первый год относится к числу главных событий на Московском международном кинофестивале. Ведь документальное кино почти не боится острых вопросов, касаются ли они роли международного сообщества в локальных войнах, форм принуждения личности государством или обращения с заключенными в тюрьмах. Не зря в этот раз неигровому кино посвятили два специальных проекта, включая конкурс, документальные ленты были представлены и в других фестивальных программах.

Прикованные без цепи

Лента израильских режиссеров Хилла Медалиа и Шош Шлам «Сетевой торчок» посвящена жертвам компьютерных битв. Авторы сумели проникнуть в пекинский военный госпиталь, где профессор Тао пытается излечить подростков от игровой зависимости. Госпиталь госпиталем, но на первый взгляд больше похоже на тюрьму легкого режима – униформа, распорядок дня, надзиратели, запирающиеся комнаты-камеры (кровати в два яруса, требования к заправке – военные).

Подростки попадают сюда по-разному. Кому-то говорят правду, кого-то обманывают, обещая повезти кататься на лыжах в Россию, третьим подмешивают снотворное в еду: ужинал с семьей – забылся – очнулся в комнате с решетками. Кто-то сам понимает, что его зависимость от игр давно стала болезненной; кто-то с гордостью признается, что играл 15 дней подряд с короткими перерывами на сон, другой в ответ хвастается – а я два месяца! Боясь упустить решающий момент в игре, самые фанатичные надевают памперсы, лишь бы не отлучаться в туалет. В Китае диагноз компьютерной зависимости ставят, если пользователь проводит у компьютера во внерабочих целях больше шести часов в день.

Средствами семейной терапии лечат и их родителей – многие из них воспитывали детей с помощью кулаков и от врачей в госпитале тоже ждут применения силы. Общение внутри семьи – одна из главных проблем в ситуациях, когда подростки неделями сидят у монитора. Но «семейная глухота» последних является едва ли не главной причиной всех проблем. Как замечают авторы, подростковая неспособность любить родителей приносит тем не меньше боли, чем их собственная требовательность по отношению к детям.

При работе над фильмом режиссерам (Хилла Медалиа и Шош Шлам начали снимать в XXI веке, но уже успели сделать себе имя) требовалась конспирация. В течение четырех месяцев – а изначально предполагалась лишь неделя съемок – они проникали в военный госпиталь инкогнито, заручившись поддержкой влиятельного Тао. Таким образом тот пытался распространять информацию о своем методе лечения. Съемки проходили с согласия героев, хотя некоторые юноши и абсолютно все (!) девушки, находящиеся в лечебном центре, отказались появляться в кадре. После премьеры на фестивале в Сандэнсе, куда Тао не выпустили (запретили ему поездку и на фестиваль в Гонконг), китайские власти закрыли пекинский центр, профессор вынужден продолжить свою работу в другом месте. Наверняка она не прекратится. Режиссеры видят причину игровой эпидемии в особенностях демографической ситуации в стране (китайская семья может иметь лишь одного ребенка) и в очень высоком уровне конкуренции в школе. Но во всем мире сегодня компьютерная зависимость распространяется быстрее птичьего гриппа, ей подвержены жители и развитых, и развивающихся стран. Одному профессору Тао с ней явно не справиться.

Ненависть как яд

«Соль земли» – фильм, сделанный одной знаменитостью о другой. О фотографии Себастьяно Сальгадо рассказывает Вим Вендерс – в соавторстве с сыном героя, Джулиано Рибейро Сальгадо. Точнее, Сальгадо рассказывает о себе сам. Он комментирует свои ставшие уже хрестоматийными фотосерии, от «Другие Америки» и «Сахель» до «Рабочие» и «Миграции и портреты». Во многих из них ощутим интерес к экономической структуре мира. По настоянию отца (обаятельный старик тоже появляется в кадре) Сальгадо учился на экономиста, работал во Всемирной кофейной организации и Всемирном банке в Лондоне, но в 29 лет решил начать жизнь свободного художника, полную рисков и неопределенности. Образование не помешало художественному таланту: подзаголовок «Рабочих» звучит вполне марксистски – «К

археологии индустриальной эпохи», а экономической самостоятельности фотографа можно только завидовать. Спустя шесть лет после начала фотокарьеры Сальгадо приняли в знаменитое агентство «Магнум», но в 1979-м он решает рискнуть, покидает брендовый союз и создает вместе с женой собственное агентство.

Ставка была высока, но он не проиграл: до сих пор его альбомы расходятся по всему свету, выставки устраивают крупнейшие музеи мира, все это позволяет годами работать над одним проектом.

Популярности его черно-белых снимков не помешала даже дискуссия, начатая философом Сьюзан Сонтаг. Та оценила работы Сальгадо как эстетизирующие человеческое страдание – хотя барочная эстетика, укоренившаяся в бразильской культуре и определившая его мир, вся построена на такой эстетизации.

«Соль земли» это не творческий отчет и не осанна. Фильм способен скорее разочаровать, показывая отчаявшегося на войнах фоторепортера. Сальгадо снимал человеческие трагедии в бывшей Югославии и в Руанде. После резни, устроенной сперва хуту над тутси, затем тутси над хуту, когда людей сотнями убивали в храмах и школах, когда в лесах в течение месяцев пытались спрятаться сотни тысяч, а выживал там лишь каждый пятый, он перестал фотографировать. «Омерзительнее всего было видеть, как заразительна ненависть, мы безжалостные, страшные животные, нет никого кровожаднее нас», – говорит с экрана Сальгадо, потерявший в Руанде веру в человечество.

Выбор, перед которым он оказался, сродни ситуации Адорно, считавшего, что поэзия после Освенцима невозможна. Но многолетняя депрессия, судя по всему, ослабела после возвращения на родину. Вместе с женой Сальгадо занялся отцовской фермой, восстановлением исчезнувшего из-за эрозии почвы леса. За десять лет они высадили два миллиона деревьев и основали национальный парк. А фотографировать он все-таки снова начал, снимает теперь природу и неизбежно попадающего в кадр человека в пейзаже.

По обе стороны тюремной двери

Создатели американского фильма «Пресловутый мистер Бут» Тони Гербер и Максим Поздоровкин (последний известен лентой о Pussy Riot) получили доступ к семейному видеоархиву самого известного российского узника американских тюрем, это 150 часов записей, сделанных в 90-е по всему миру. Бывший военный переводчик в Африке Виктор Бут, владелец грузовой авиакомпании, был осужден в США по обвинению в терроризме, а фактически за поставки оружия в горячие

точки планеты. Прежде чем попасть в руки американского правосудия, он был арестован в Таиланде, где ожидал решения о своей выдаче в течение двух лет (содержание в тамошних тюрьмах, судя по свидетельствам очевидцам, не лучше содержания в российских СИЗО). В Нью-Йорке условия заключения оказались не слаще. Жена Бута Алла, все эти годы борющаяся за его освобождение, так описывала их в интервью «Аргументам и фактам» в 2012 году: «Пятнадцать месяцев Виктор держали в одиночной камере. Там не было свежего воздуха, не было окон. Двадцать четыре часа в сутки – искусственное дневное освещение. Это бетонная кровать. Бетонный стол. Бетонное место, где можно сидеть. Тебя никуда не выводят, ты ни с кем не общаешься. Это полная изоляция». Впоследствии Бута перевели на обычный режим, который по описанию выглядит гораздо лучше: «В шесть утра подъем. Полседьмого их выпускают из камеры. Потом у него зарядка: он бегаёт, делает упражнения. Далее у него где-то час медитация, или танец, или динамическая медитация, или еще какие-то упражнения, связанные с психотренингом. Потом у него два-три часа языка, так как он несколько языков продолжает сейчас изучать. Затем опять прогулка. Сейчас он имеет возможность на кухне какую-то работу делать. Вечером у него опять физические нагрузки, есть возможность в теннис играть».

Сегодня многие ставят под сомнение исключительную роль Бута в мировой торговле оружием, о которой с таким воодушевлением писали газеты. Бывший переводчик, построивший огромную авиаимперию (по некоторым сведениям, она насчитывала более 60 самолетов по всему свету, а также многочисленные фирмы, связанные с ремонтом и обслуживанием авиапарка), выглядит скорее мелкой рыбой, сданной правосудию крупными акулами, которые сами не хотят оказаться в свете софитов. Один из персонажей ленты напоминает: арест Бута не привел к сокращению торговли оружием в мире, ее объемы вообще никак не зависели от деятельности одного отдельно взятого человека. Единственное, на что мог повлиять арест – на каналы доставки товара клиентам и на информационную среду вокруг борьбы с нелегальными потоками опасного товара. Понятно, что перед нами лишь перевозчик и посредник, а те, кто извлекает главную прибыль из торговли оружием, никогда не окажутся на его месте. Но после 11 сентября нужны были массмедийные страшилища, публичные жертвы на алтарь правосудия.

Условия содержания в тюрьмах, методы, применяемые при допросах, – это вопросы, которыми занимаются политики самого высокого уровня, вплоть до министра обороны. Об одном из них, Дональде Рамсфелде, рассказывала в программе «Свободная мысль» лента «Неизве-

стный известный». Название фильма Эррола Морриса, участвовавшего в конкурсе Венецианского фестиваля, обыгрывает название книги мемуаров самого Рамсфелда «Известное и неизвестное». Тот пришел в большую политику во времена Никсона и Форда, заработал миллионы на фармацевтике (говорят, искусственно раздутая паника вокруг «птичьего» и «свиного» гриппа как-то связана с производимой фирмой Рамсфелда вакциной) и остался в истории решениями, чья мудрость по-прежнему вызывает сомнение.

Оскароносец Моррис известен фильмами-расследованиями, в том числе о карьере военного министра в эпоху вьетнамской войны Роберта Макнамары, а также книгой о насилии в тюрьме Абу-Грейб. Отсюда и особый интерес к теме пыток в тюрьмах. В пору работы в правительстве Рамсфелду постоянно приходилось отвечать на неудобные вопросы о Гуантанамо и Абу-Грейбе (в фильме показано несколько примеров мастерского ухода от острых тем на пресс-конференциях), повторяет их и интервьюер в фильме.

Неудивительно, что «Неизвестный известный» не похож на панегирик. Моррис часто ловит героя на противоречиях и нежелании помнить неудобные факты. Спасает обращение к многочисленным записям самого экс-министра – он оставил тысячи комментариев о текущих делах, делавшихся ежедневно и явно предназначенных для будущего архива возможного президента США (у героя фильма были и такие амбиции). Теперь они доступны всем желающим: открытость, которой можно позавидовать и которая помогает лучше понять героя. Рамсфелд хоть и обаятелен, но циничен и самодоволен, а его комментарий к предложению оставлять допрашиваемого в тюрьме стоять по 4–6 часов («Я стою по 8–10 часов в день. Зачем ограничивать стояние заключенных четырьмя часами?») в свое время возмутил многих правозащитников. Последствия жесткой позиции Рамсфелда во внешней политике США видны до сих пор, так и не побежденный им Ирак все никак не исчезнет из топ-новостей, а вот химическое оружие, из-за которого формально и начато было вторжение, так никто и не нашел.

Принуждения и выбор, авторитеты и признания

Сложные решения вынужден принимать и герой «Кардиополитики» режиссера Светланы Стрельниковой. Выдающийся пермский кардиохирург Сергей Суханов, глава Института сердца, соглашается стать председателем предвыборного штаба Путина на президентских выборах – лишь бы закончили затянувшееся строительство кардиоцентра. В принципе он чужд политике и перед камерой обещает, что только

раз примет участие в политическом событии, что понятно: просто так власть сегодня неохотно помогает даже профессионалам высокого класса. Но в итоге его затягивают открывшиеся возможности – хотя с избирателями Суханов, судя по вошедшим в финальную версию ленты кадрам, разговаривает как на работе, монологично и авторитарно, теряя при этом харизму профессионала (на работе он, видимо, имеет право на властную интонацию, в публичной же жизни она выглядит, мягко говоря, недиалогично, несовместимо даже с образом регионального политика). Центр достроен, но Суханов остается в игре. Ближе к финалу он не без удовольствия рассматривает газету с рейтингом самых влиятельных людей края: теперь в списке «тяжеловесов» его имя стоит рядом с именем губернатора. Кто смог бы отказаться от такого?

Правда, напряжение героя к финалу заметно возрастает, перемена внутреннего курса явно далась ему непросто, пусть и нецензурной лексики становится по ходу действия все меньше. Ее наверняка «запикают» при выпуске фильма в широкий прокат, хотя ругающийся герой выглядит куда симпатичнее героя неругающегося.

Человеческая психика не рассчитана на постоянное давление снаружи. Примером того, как восстает целая команда, стала лента «Красная армия» режиссера Гейба Польски (США – Россия). Она посвящена сборной СССР по хоккею, оказавшейся в 70-е, видимо, первым и главным пунктом соприкосновения Запада с советской действительностью и советским человеком.

Польски рассказывает о легендарном тренере, выстроившем всю систему советских тренировок и добившемся уникальных результатов, – великом Анатолии Тарасове. Рассказывает и о человеке, пришедшем ему на смену и воспользовавшемся плодами его трудов, Вячеславе Тихонове. Точнее, об этом говорят сами хоккеисты: в фильме множество интервью, в том числе с Владиславом Третьяком, главным же рассказчиком выступает Вячеслав Фетисов. История его трудоустройства в НХЛ похожа на дурной детектив. Здесь и запрет на тренировки в СССР после объявленного решения уехать, и личный гнев маршала Язова («Я ненавижу Америку, пока я министр, ты играть не будешь!»), и аресты по ложному обвинению с последующим приковыванием наручниками к батарее и избиениями – а главное, фигура Тихонова, вызывающая после просмотра, если сдерживаться в выборе оценок, отвращение. Пользуясь покровительством КГБ, он позволял себе недопустимые вещи как главный тренер сборной, ввел полицейский режим в команде (игроки проводили до 11 месяцев на сборах, были отлучены от дома и детей), мог не отпустить хоккеиста проститься с умирающим отцом... Замешанная на грубом, неуважи-

тельном отношении к людям власть, которой он наслаждался в пору начальствования, наложила отпечаток на психику. Единственный из важных для фильма персонажей, он отказался от интервью создателю «Красной армии». Неудивительно, что режиссеру так и не удалось разыскать хоть кого-нибудь из бывших подчиненных Тихонова, кто бы дружелюбно о нем отозвался.

Противостояние Фетисова и советской власти началось со спора вокруг суммы из огромного контракта, которую собирались оставлять игроку: начали с предложения 1000 долларов, потом дошли до половины всей зарплаты, оставшееся – в казну государства. Последнему так и не удалось сломить хоккеиста – возможно, потому, что в конце 80-х сама власть была уже в процессе замедленного падения. Но нетрудно себе представить, как в иной ситуации СМИ бросились бы уничтожать недавнего идола, оттаптываясь на его беззащитных костях. Ведь это любимое занятие массмедиа – сперва сотворять кумиров, а затем их низвергать.

Разоблачать знаменитостей – дело нехитрое, большинство из них на поверку подобны мыльным пузырям. Но случай велогонщика Лэнса Армстронга не укладывается в привычную схему звезд-однодневок. Он семь раз выигрывал «Тур де Франс» – уникальное достижение в истории велогонок. Он вернулся в большой спорт, победив рак, был героем газет и телевидения, идеалом для миллионов. Но когда все же удалось доказать, что Армстронг использовал запрещенные препараты (велогонщик долго и агрессивно защищался от обвинений), герой признал свою вину. Запоздалое раскаяние удовлетворило немногих.

Драма Армстронга разворачивалась на глазах режиссера Алекса Гибни. Он сделал фильм об ангеле, павшем в ходе съемок. Так получилась «Ложь Армстронга». Лента, задумывавшаяся как гимн победителю, обернулась драмой, в которой трудно найти виноватого.

Конечно, врать, глядя в камеру, предавать друзей и коллег по команде, нехорошо. В борьбе с разоблачившими его спортсменами Армстронг одно время побеждал, опираясь на свой авторитет, злоупотребление властью ему не готовы простить до сих пор. Но стоит признать: допинг в велоспорте в 80–90-е использовали практически все, сегодня разоблачения тоже не новость. Чего стоит борьба с разрешенными в обычной жизни, продающимися без рецепта во всех аптеках препаратами, если речь о массовом их применении во время соревнований? Зачем лишать наград в ситуации, когда спортсмен, использовавший допинг, выиграл у таких же принявших допинг атлетов?

Критики Армстронга говорят о моральном релятивизме, но если уж так хочется быть моралистом, то можно это обвинение вернуть его

авторам. Международный союз велосипедистов UCI долгие годы прикрывал Армстронга от обвинений в нарушении антидопинговых правил. Тот сделал гонки популярными, благодаря ему к велоспорту потянулись спонсоры... Помощь, которую основанный Армстронгом фонд оказывал больным раком в мире, была важнее показной морали, оттаптывающейся на жертвах с чувством самоудовлетворения. Но помощь умирающим, тем, кто оказался на обочине жизни, интересует публику меньше чем новости. Здесь трудно не согласиться с Сальгадо.

Тюрьма: место встречи, которое не изменить

В последние годы израильские фильмы об израильской же разведке оказываются одними из главных событий мировой документалистики, Два года назад такой лентой стали «Привратники» режиссера Дрора Море. Обширные интервью с бывшими руководителями израильских спецслужб звучали как откровение: разведчики не стеснялись в оценках политиков и собственных действий, озвучивали самые пессимистичные прогнозы относительно будущего своей страны в ситуации, если военные и дипломаты не изменят своего подхода к арабо-израильским отношениям. Фильм номинировался на «Оскара» и получил множество международных наград.

Об этих же проблемах, но из другой перспективы, – фильм «Зеленый принц» Надава Ширмана (Израиль – Великобритания – Германия), снятый при финансовой поддержке Министерства культуры Израиля. Поддержке сам режиссер не удивляется, а вот что фильм прошел цензуру в самом Израиле, его скорее веселит. Теперь «Зеленый принц» собирает полные залы и порождает массу комментариев в газетах.

Службе общей безопасности Израиля (Шин-Бет, она же ШАБАК) удалось завербовать сына одного из лидеров Хамаса шейха Хасана Юсефа (как говорит один из разведчиков, это все равно что завербовать сына премьер-министра Израиля). Произошло это в тюрьме, где арестованного подростка долго обрабатывали психологически, причем формой воздействия можно считать не только унижительные допросы израильянами, но и саму атмосферу в лагере, где уже сами арестованные пытали и убивали заподозренных в измене. Агент более десяти лет поставлял разведке важнейшие данные о готовящихся терактах. Но фильм – не о победе, а о невозможности выбора, предательстве и дружбе, о том, что выйти из игры невозможно.

Агент, известный как «Зеленый принц», согласился работать во многом из желания обезопасить отца (в итоге того удалось спасти от уничтожения). Но долго лгать близким могут немногие. В какой-то момент при-

нявший христианство Масаб Хасан Юсеф решил выйти из игры. Дальше разведка его бросила. В Америке ему отказали в убежище. Накануне суда, который должен был закончиться высылкой (и неминуемой гибелью в Европе), случилось чудо. На помощь Масабу отправился его бывший куратор из Шин-Бета, уже уволенный из органов Гонен Бен-Ицхак. Перед отлетом Гонен поставил бывшее руководство в известность о своем решении поддержать экс-агента. Реакции не было, что разведчик счел добрым знаком: уклоняясь от помощи, Шин-Бет не мешал ее оказывать другим. Хеппи-энд получился относительным: из Америки не выслали, автобиография «Сын Хамаса» вышла, но семья от Масаба отказалась, из-за непрекращающихся угроз ему приходится постоянно менять место жительства, а визу на посещение Израиля, где, по идее, Масаб должен приниматься как герой, ему дают с трудом.

Ширман и раньше снимал о рыцарях плаща и кинжала, его много чем награжденного «Шпиона в шампанском» (2008) теперь показывают в учебных целях будущим разведчикам, чтобы увлеченность работой не уничтожала в них чувство реальности. У «Зеленого принца» тоже большое будущее и, судя по бурной полемике в самом Израиле, где, говорят, его массово смотрят все агенты спецслужб, отличное настоящее. На фестивале в Москве лента получила приз зрительских симпатий.

Рынок как рынок

Прокат документальных фильмов приносит прибыль. Самые успешные неигровые ленты собирают по 30–50 млн долларов, рекорд принадлежит «Фаренгейту 9/11» Майкла Мура – почти 200 млн, притом что производство начинается всего с 50 000–100 000 долларов, а самые дорогие картины редко обходятся их создателям в 800 000 – 1 млн долларов. Эти цифры, пусть и в опосредованной форме, говорят не только о финансовом, но и содержательном успехе документального кино во всем мире, кроме России. У нас такие фильмы не только не идут в кинотеатрах – их даже не показывают по телевидению. Хотя, по сути, документальное кино – типичный телевизионный жанр, отличающийся от привычных телепрограмм разве что бюджетом (что не смертельно) и большей художественностью (что, конечно, обидно). Многие из этих фильмов снимаются по уже ставшим бестселлерами книгам, что лишает их, быть может, информационной новизны, но придает глубину, которой так не хватает телевидению. Их отсутствие в общественной жизни страны – очередной признак перекоса общей архитектуры публичного, доказательство того, что что-то пошло у нас не так даже в кино, важнейшем из всех искусств.

Предупреждение редакции журнала

Хотим предупредить наших читателей, что редакция журнала «Неволя» отнюдь не безусловно одобряет советы, которые даются в нижеприведенной публикации. В разное время наша редакция печатала советы (в частности, советы А. Есенина-Вольпина и В. Альбрехта) тем, кому предстоят допросы, и тогда мы были полностью на стороне авторов. И то, что именно советуют эти авторы защищать, и то, каким образом по их опыту следует это делать, вызывало полное сочувствие.

Сегодня совсем другое время. И допросы ведутся иначе, и ценности совсем иные как у тех, кто допрашивает, так, вероятно, и у тех, кому может грозить допрос. Советы Гены Ржевского тем, кому предстоят допросы, интересны (и, наверное, полезны) не только сами по себе, но и как явное свидетельство этого изменившегося времени. Такие люди... Такие советы...

Гена Ржевский

Несколько советов от людей, прошедших через допросы...

Предисловие

Как-то раз совершенно случайно я наткнулся в сети на несколько учебных фильмов для английских спецслужб. Один из них был полностью посвящен поведению во время допроса. Позднее я расширил свои познания на основании сведений из специальной литературы и применительно к нашей стране.

Многое я обсуждал с людьми, которым не только довелось побывать в подобных переделках, но и сделать кое-какие выводы из таких, мягко говоря, нестандартных ситуаций. И я хочу выразить благодарность всем моим консультантам, пожелавшим остаться неизвестными.

Сразу хочу сказать: лично мне не приходилось быть в роли допрашиваемого... ну, может быть, за исключением некоторых казусов, которые не стоит серьезно воспринимать.

Искренне надеюсь на то, что это вам не пригодится. Однако мы живем в непредсказуемой стране, где ни один человек, за исключением, может быть, клинического идиота, не может быть уверен в том, что буквально завтра его не постигнет участь сия...

Возможно, те читатели, кому довелось испить эту горькую чашу, с гневом воскликнут: «Ничего подобного! Бывали мы на допросах, и там обращались с нами совсем иначе!»

Возможно, это так. Однако не будем обольщаться, и давайте рассчитывать на худшее. Некоторые из приведенных ниже рекомендаций могут показаться вам неприемлемыми, а другие *совершенно возмутительными и недостойными нормального человеческого поведения*. Что ж, вы вправе иметь свое мнение, но когда на чаше весов ваше здоровье или тюремное заключение в несколько лет – поверьте, лучше последовать этим советам...

Кстати, на оригинальность они не претендуют, и все нижесказанное является лишь частным мнением.

Совет первый. Не попадайтесь!

Я абсолютно уверен в том, что у вас совершенно чиста совесть перед законом и за вами нет никаких грехов. Но, поверьте, это не значит того, что завтра вы не окажетесь за решеткой. Роковых стечений обстоятельств может быть сколько угодно: начиная от того, что вы окажетесь похожи на разыскиваемого преступника, и заканчивая тем, что вы просто попали не в то место и не в тот час...

Чтобы избежать таких проблем, следует придерживаться нескольких простых правил:

- всегда держитесь подальше от сотрудников полиции и старайтесь избегать встреч с ними;
- не обращайтесь к ним с какими-либо вопросами;
- если вы находитесь даже в легком подпитии, то домой лучше ехать на такси – дешевле обойдется;
- избегайте всевозможных драк, ссор и просто шумных компаний;
- не имейте при себе никакого оружия.

(Даже перочинный ножик может послужить основанием для задержания. Предвижу возражения от некоторых продвинутых найфоманов-выживальщиков: «А как быть, если нападут гопники-хулиганы? Чем защищаться?» Ничем и никак! Лучше быть избитым и ограбленным, чем получить несколько лет за превышение допустимой самообороны. Это не только мое мнение. Так считают те, кто именно за это оказался за решеткой. Поверьте, несколько лет жизни, проведенные там, совершенно не сопоставимы с причиненным материальным ущербом, полученными синяками или даже переломами. Впрочем, я это мнение не навязываю – вам решать.)

– Если вас случайно остановили полицейские, не спорьте, не грубите и даже не разговаривайте на повышенных тонах. Попытайтесь четко и внятно, в доступных выражениях доказать свою непричастность. Не стоит смотреть им прямо в глаза – они, как дикие звери, могут почувствовать в этом вызов. Как правило, большинство сотрудников полиции интеллектом не блещет, и иногда вполне невинное, но незнакомое им слово может их разозлить. А если это случится, то, поверьте, вам придется очень плохо. Существо, наделенное силой и властью, найдет сотни способов, как выместить на вас свою злость.

– Если задерживают, ни в коем случае не пытайтесь сопротивляться – это совершенно бесполезно, скрутят вас все равно, но свое положение этим можно усугубить.

Впрочем, попытаться откупиться или как-то договориться в этот момент вполне реально. Потом, когда доставят в отделение полиции, вырваться оттуда будет гораздо сложнее. Не бойтесь унижить себя – во-первых, большинству полицейских понятия чести и достоинства совершенно чужды, а во-вторых, они это воспримут как должное – сами такие. Не следует также забывать о том, что если вас все-таки арестуют, то вас могут ждать унижения во сто крат большие....

Совет второй. Все-таки задержали

Вас грубо швырнули в автомобиль и привезли в отделение. Вполне естественно, что мимоходом вы получили несколько весьма болезненных ударов резиновой дубинкой и пинков. Если бьют только по корпусу – это хороший знак: значит стараются не оставить следов от побоев и есть реальные шансы, что все кончится более или менее благополучно. Поэтому не старайтесь подставиться под удары, как советуют некоторые правозащитники. Ходить потом по экспертизам, снимать побои и доказывать, что их нанесли в полиции, – долгая и муторная песня, которая под силу только профессиональным юристам или людям известным и популярным. Если вы не из их числа, то лучше не пытайтесь....

Кстати, побои без всякой причины поначалу – это вполне естественная процедура. Перед допросом вас необходимо сломить физически и морально, а сделать это легче всего с помощью побоев. Что тут можно посоветовать? Терпите, все еще впереди...

Совет третий. Бьют больно?

В кино мы не раз видели, как надо вести себя во время подобных злоключений. Современный кинематограф любит смаковать такие сцены. Герои боевиков стоически держат удары, не стонут, мужественно терпят невыносимую боль и с ненавистью смотрят в глаза своим мучителям. В реальной жизни все надо делать прямо наоборот. Ни в коем случае не надо строить из себя пленного партизана или героя-разведчика. Это только в кино раны затягиваются через пару дней, а сокрушительные удары не причиняют вреда здоровью. На самом деле даже легкие побои могут сделать из вас инвалида. Все зависит от случая и настроения полицейских.

Как же вести себя в этом случае? Совет этот древний как мир, и его хорошо знают все, кому пришлось побывать в местах не столь отдаленных. Реагировать на удары следует не адекватно их силе, а гораздо сильнее, простите за тавтологию. Даже от легких тычков надо шататься, громко кричать, стонать, корчиться и изгибаться якобы от боли.

Это самый эффективный и давно известный прием, но на мучителей он действует безотказно – у них могут закрасться некоторые сомнения: а вдруг и взаправду переборщили? А может, не стоит продолжать избивать, от греха подальше, или уменьшить силу ударов? Калечить и убивать вас пока что рано, да и чревато последствиями...

В большинстве случаев это помогает, если вы, конечно, не переигрываете.

Если полицейские отчего-то обозлились, вошли в раж и сила ударов все увеличивается, то опытные люди советуют (Внимание! Прошу не морщиться и не обвинять автора в малодушии!) обгадиться прямо в штаны. Да, да, пописать и покакать. Именно так, как это вы делали в очень далеком детстве.

Зачем? Ну, во-первых, это может произойти и без вашего участия – такова защитная реакция организма на сильную боль, а во-вторых, ваши палачи побрезгуют продолжать избивать такую смердящую жертву или, что еще хуже, совершать акт сексуального насилия. Иногда, если за человеком не числится ничего серьезного, его в таком виде вышвыривали на свободу – брезгливые представители власти обычно не хотят осквернять свои кабинеты вашей вонью. Если же этого не произойдет – ничего страшного, потом в камере отмоетесь и отстираетесь. Поверьте, сокамерники отнесутся к вам с сочувствием и пониманием.

Совет третий. На допрос привели...

Возможно, вас не будут избивать. Не расслабляйтесь, это ровным счетом ничего не значит, опасность еще не миновала. Как себя вести? Банальный совет – сохранять спокойствие. Но это только пустые слова. Как можно сохранять спокойствие в такой стрессовой ситуации? Однако следует помнить, что именно сейчас от вашего поведения в кабинете следователя зависит ваше будущее. Поэтому надо максимально собраться и сосредоточиться.

Внешне же следует выглядеть покорным, раздавленным и опустошенным. Примерно так, как должен выглядеть человек в полушоковом состоянии, потерявший чувство реальности.

Начались первые вопросы: фамилия, имя, год рождения и так далее. Откровенно тупите. Переспрашивайте. Путайтесь и продолжайте разыгрывать роль плохо соображающего человека. Давите на жалость и преувеличивайте боль от побоев. Просите попить воды и сходить в туалет. Следователь начал раздражаться и кричать на вас? Отлично! Это значит то, что все идет не так, как ему хотелось бы. Впадайте в ступор от крика, жалуйтесь на головную боль и невозможность отве-

чать на вопросы. Минут через сорок переставайте отвечать совсем, стонать и просите прервать допрос, так как вы уже не можете соображать. Возможно, вас в сердцах наградят за это парочкой-тройкой тумачков, но это будет ваша победа. Не исключено, что на этом испытании и закончатся. Следователям не нужен такой человеческий материал, на который трудно повесить парочку «висячков». Зачем тратить время? Есть менее подготовленные жертвы...

Совет четвертый. Последующие допросы

Если вы замешаны в чем-то серьезном, чего вы, кстати, можете и не знать, вас ждут последующие допросы. Линия поведения нами уже определена, и ее надо придерживаться. У вас дрожат руки? Прекрасно! Не сдерживайте дрожь или даже попытайтесь имитировать ее. Жалобы на плохое самочувствие должны повторяться все время. Постоянно просите пить. В наставлении по ведению допросов сказано, что когда допрашиваемый просит воды, то он готов расколоться. Порадуйте этим следователя. Очень важно отрешенно смотреть в одну точку. Самое первое, что поможет следователю получить от вас нужные сведения, это ваши глаза. Им хорошо известно, что когда человек опускает глаза вниз – значит, вопросы задевают что-то личное. Если человек непроизвольно смотрит вверх и влево – готовится соврать. Что-то вспоминает – взгляд уходит вверх и направо. Поэтому совет один – тупо смотреть в одну точку. Следователь требует смотреть ему в глаза? Сосредоточьте взгляд у него на переносице. Точно так же следите за своими движениями – ваше тело может выдать вас. Контролируйте все произвольные движения и, лучше всего, старайтесь оставаться неподвижным и заторможенным. На любые вопросы следует отвечать немногословно и однозначно. «Краткость – сестра таланта», – сказал кто-то из классиков. Проявите этот талант в полной мере. Только краткие односложные ответы без всяких прилагательных и красивых оборотов речи могут спасти вас в этом поединке со следователем...

Начали расспрашивать о семье, учебе или, к примеру, о последних фильмах, это означает только одно – вас начали «раскачивать», пытаются войти в доверие. Это очень опасный момент! Запомните – нельзя верить ни одному слову следователя. Он совершенно равнодушен к вам – для него вы всего лишь кусок глины, из которого следует сфабриковать дело. А быть добрым или злым его специально учили, чтобы «колоть» простачков.

И еще один совет бывалых – никогда нельзя ни в чем сознаваться! Самый коварный момент – это когда следователь говорит: «Ну, при-

знайся, что ты хоть немного, но виноват». Если ответили положительно, то это будет ваш крах. Для закона нет понятия «немного виноват». На суде скажут: «Виновен!» – и точка. Имейте это в виду.

Старайтесь как можно меньше врать. Человеку в стрессовой ситуации (а допрос именно такая ситуация) бывает трудно запомнить свою ложь. Именно на этом и основан простейший способ запутать и поймать допрашиваемого на слове. Поэтому не лгите, лучше продолжайте откровенно «тупить».

Иногда следователи любят выйти из кабинета якобы по какой-то причине и оставить вас одних. Это тоже очень распространенный прием во время допроса. Помните, за вами непрерывно наблюдают! Не расслабляйтесь, не оживляйтесь, не оглядывайтесь и не меняйте позы. Не выдавайте себя излишними телодвижениями. Не такие уж следователи простачки, чтобы бросить вас наедине со всеми бумагами в служебном кабинете. Помните об этом!

Совет пятый. Поведение вне кабинета следователя

Никому ничего нельзя говорить, если вы действительно в чем-то виноваты. Помните, провокатором может оказаться даже самый приветливый и «правильный» уголовник. «Молчание – золото». Для тюремной камеры это очень актуально. Пользуйтесь любой возможностью привести себя в порядок, поспать, отдохнуть, строго следите за гигиеной, и все будет ОК!

Совет шестой. Пытают, бля...

Пытки у нас официально запрещены, поэтому мы ниже будем говорить не о наших правоохранительных органах, а как бы умозрительно, в целом. Ну, скажем, вы попали в лапы террористов...

Если дошло дело до пыток, то не следует строить из себя героя. Запомните, что настоящих пыток не может выдержать никто – здесь только вопрос времени. Кроме того, редкий человек вас осудит, если под пытками вы выдали важные сведения. Всем понятно, что такое пытки...

Как вести себя? Ничего не поделаешь – надо говорить. Но говорить понемногу и выдавать информацию строго дозированными порциями. Желательно говорить полуправду и продолжать по-прежнему «косить», так же как и во время побоев.

Впрочем, у вас есть выбор – можете поиграть в героя, если чувствуете в себе силы. В специальной литературе есть советы, как отделаться от своего астрального тела во время пыток или представлять

себя мазохистом. Только я опять повторю мнение опытных людей – настоящие пытки не сможет выдержать никто.

Бог вам в помощь!

Вместо заключения. Прощальное слово автора

Сейчас, когда вы дочитали до конца, можете обвинить автора в малодушии и провокации! Некоторые могут воскликнуть, что такие рекомендации не для настоящих «реальных пацанов». Может быть...

Что ж, флаг вам в руки! Выбор ваш – выжить или...

Александр Сидоров

Глазами «битого фраера»

Варлам Шаламов как летописец «сучьей войны»

Не очевидец, но свидетель

На сегодняшний день не существует, пожалуй, более яркого и художественно убедительного исследования кровавой послевоенной резни в воровском мире, нежели шаламовский очерк «Сучья война». Несмотря на то, что события, получившие столь неблагозвучное название, что называется, «прошли краем» мимо Шаламова.

Весной 1946 года с общих работ на прииске Сусуман будущий писатель возвращается в больницу «Беличья», после излечения от дизентерии врач Андрей Максимович Пантюхов помогает ему получить направление на курсы фельдшеров в лагерную больницу (23-й километр от Магадана). После окончания курсов Шаламов попадает на работу фельдшером хирургического отделения в Центральную больницу для заключенных «Левый берег» (поселок Дебин, 400 км от Магадана). С весны 1949-го по лето 1950 года Варлам Тихонович работает фельдшером в поселке лесорубов «Ключ Дусканья». В 1950-м – снова больница «Левый берег», откуда Шаламов освобождается 13 октября 1951 года, где работал фельдшером приемного покоя.

Таким образом, с 1946 года Шаламов находится вне самой страшной лагерной повседневности – системы «общих работ», уничтожающей человека физически и морально. Это можно отнести и к поселку Ключ Дусканья: там Варлам Тихонович даже начал записывать свои стихи – хватало и времени, и сил. Понятно, что для других «фраеров», которые попадали в поселок лесорубов, здесь было тоже несладко (об этом писатель рассказывает в новелле «Сухим пайком»). Задерживались здесь, видимо, лишь крепкие сибиряки да деревенские жители, способные дать норму или «технично затуфтить». Но «фершел» – специальность по лагерным меркам чистая, интеллигентская. По большо-

му счету, ежели проводить аналогию с Данте, это был один из «легких», верхних кругов ада.

С этой поры Варлам Тихонович постепенно из разряда очевидцев переходит в разряд свидетелей. Казалось бы, слова-синонимы. Но не в уголовно-арестантском жаргоне. На жаргоне слово «свидетель» фактически табуировано. Оно всегда заменяется словом «очевидец». И не случайно. Дело не только в том, что «свидетель» – официальный «ментовской» термин. Различие куда глубже. Очевидец – это тот, кто действительно присутствовал при событии, наблюдал все лично: его «очи» все «видели». А кто такой свидетель? С точки зрения жулика и ээка, это – фигура в процессе. Не исключено, что он может быть и очевидцем. Но, с другой стороны, это и тот, кто что-то слышал, что-то знает косвенно, не говоря уже о подставных фигурах. То есть свидетель – человек, который «свидетельствует», в том числе и с чужих слов. Поэтому пять последних лет своего долгого лагерного существования Шаламов провел в основном в качестве свидетеля. Или, лучше сказать, пытался воссоздать истинное положение дел в лагерях по чужим свидетельствам, а не по собственным непосредственным впечатлениям.

Зато свидетельств у будущего писателя было хоть отбавляй. Через центральную больницу УСВИТЛ (Управление Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей) проходили сидельцы со всех концов Колымы. А это немалый поток, в котором составляли мощную струю воры.

Обратимся к воспоминаниям врача Елены Мамучашвили, которая работала в центральной колымской больнице для эзков в одно время с Шаламовым. Вот что она пишет о своем прибытии на место:

«Проехала свыше 500 километров колымской трассы, по дороге встречались редкие поселки с приземистыми барачными строениями. И когда сквозь морозную дымку увидела на берегу реки громадное трехэтажное здание больницы, оно показалось мне миражом. Это было тогда самое большое здание на Колыме, его строили солдаты для размещавшегося здесь после войны Колымского полка. По масштабам больницы – а она была рассчитана на 1200–1300 коек – можно было представить, сколько несчастных скрыто за колючей проволокой лагерей...»

По словам самого Варлама Тихоновича, больница была фактически вотчиной «честных воров»:

«Центральная больница для заключенных на тысячу с лишним коек, гордость колымской медицины, была расположена на территории Се-

верного управления. Естественно, что воры считали ее своей районной больницей, а отнюдь не центральной. Руководство больницы долгое время пыталось встать "над схваткой" и делало вид, что лечит больных из всех управлений. Это было не вполне так, ибо воры считали Северное управление своей цитаделью и настаивали на своих особых правах на всей его территории. Воры добивались, чтобы "сук" не лечили в этой больнице, где были условия лечения много лучше, чем где-либо, а главное – центральная больница имела право "активировки" инвалидов для вывоза на материк. "Добивались" они этого не заявлениями, не жалобами, не просьбами, а ножами. Несколько убийств на глазах у начальника больницы, и тот присмирел и понял, где его настоящее место в столь тонких вопросах. Недолго пыталась больница удержаться на чисто врачебных позициях. Когда больному его сосед втыкает ночью нож в живот – это действует весьма убедительно, как бы ни заявляло начальство о том, что ему нет дела до "гражданской войны" среди уголовного мира.

Так ли это было на самом деле? Не отрицая расправ и попыток расправ «блатных» над врачами, нужно все же оговориться: картина явно гиперболизированная и даже гипертрофированная. Что-что, а уж порядок в центральной больнице для лагерников гулаговское начальство обеспечить могло. Во всяком случае, мемуары и письма других работников «Левого берега» рисуют иную картину. К сожалению, крайний субъективизм писателя, ярко проявившийся в его творчестве, оценках людей и ситуаций, заставляет нас усомниться в абсолютной реальности подобной картины – признавая, впрочем, возможность серьезных (жестоких даже) эксцессов.

Об одном из них пишет, например, Елена Орехова-Добровольская, которая работала вместе с Шаламовым в центральной колымской больнице. Вспоминая о замечательном враче Федоре Ефимовиче Лоскутове, она сообщает:

«Однажды на Левом ему донесли, что блатные в туберкулезном отделении проиграли в карты Шаламова – они его не любили. Федор Ефимович немедленно пошел в это отделение к старому вору по кличке Слепой, который когда-то попал к нему с мастырккой глаз (трофическая язва, вызванная подкожным воспалением), и Федор Ефимович тогда хоть и не вернул ему полностью зрение, но не дал ослепнуть совсем. Вор выслушал Лоскутова и важно сказал: "Ладно, иди, Ефимыч, пусть живет твой лепила" ...»

Сам писатель об этом так и не узнал: историю о карточном проигрыше в 60-е годы Ореховой-Добровольской рассказал сам Лоскутов.

Но как бы там ни было, фельдшер операционного отделения имел возможность черпать уникальную информацию от пациентов – как и от врачей, и даже улавливая разговоры вертухаев. Собственно, и «Су-чьа война» начинается соответственно:

«Дежурного врача вызвали в приемный покой. На свежeweымытых, чуть синеватых, выскобленных ножом досках пола корчилось загорелое татуированное тело – раздетый санитарами догола раненый человек... Над раненым склонились два человека в белых халатах: фельдшер приемного покоя, держащий лоток с перевязочным материалом, и лейтенант из спецчасти с бумагой в руке.

Врач сразу понял, что у раненого нет документов и лейтенант спецчасти хочет получить хоть какие-либо сведения о раненом. Раны были еще свежи, некоторые кровоточили. Ран было много – больше десятка крошечных ран. Человека недавно били маленьким ножом, или гвоздем, или чем-нибудь еще...

Но врач не решался вмешаться в священнодействие службы учета. Нужно было добыть во что бы то ни стало "установочные данные" – фамилию, имя, отчество, статью, срок? – получить ответ на вопросы, которые задаются каждому заключенному десять раз на день – на поверках, разводах...

Раненый что-то отвечал, и лейтенант торопливо записывал сообщение на клочке бумаги. Уже известны были и фамилия, и статья – пятьдесят восемь, пункт четырнадцать... Оставался самый главный вопрос, ответа на который и ждали все – и лейтенант, и фельдшер приемного покоя, и дежурный врач...

– Ты кто? Кто? – встав на колени около раненого, взволнованно зывал лейтенант.

– Кто?

И раненый понял вопрос. Веки его дрогнули, раздвинулись иску-санные, запекшиеся губы, и раненый выдохнул протяжно:

– Су-у-ка...»

Фельдшер приемного покоя – это и есть Варлам Шаламов, который представляется нам с первых же строк, хотя и не в лоб. «Эффект присутствия» очевиден. Картинка ясно дает понять читателю: фельдшер находится в гуще событий. Это – огромный плюс. Но был и минус: информация доходила из вторых рук, отрывочная и очень субъективная. Но разве не такова судьба всякого историка, в том числе и историка ГУЛАГа?

Конечно, сегодняшний исследователь обладает источниками и фактами, в десятки раз превышающими те, что были доступны великому летописцу сталинских лагерей. Тем более замечательно, что и без них он смог многое понять и предугадать. Пусть и не все.

В прорыв идут штрафные батальоны

Начать надо с Великой Отечественной войны, которая породила особую категорию арестантов, получивших позднее название «штрафники».

На фронт сидельцев ГУЛАГа стали отправлять в первые же военные месяцы. Поначалу это не касалось профессиональных уголовников. 12 июля 1941 года Президиум Верховного Совета издает Указ «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений». Он не затрагивает лагерников, отбывающих наказание по 58-й «политической» статье, и профессиональных «уркаганов». Свободу получают те, кто осужден за малозначительные преступления, учащиеся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО (фабрично-заводского обучения), осужденные по Указу от 28 декабря 1940 года – за нарушение дисциплины и самовольный уход из училища (школы). 24 ноября 1941 года Президиум ВС СССР распространяет действие этого указа также на бывших военнослужащих, осужденных за малозначительные преступления, совершенные до начала войны. Все освобожденные направлялись в части действующей армии. По этим указам мобилизуется более 420 тысяч заключенных, годных к военной службе. К такому шагу руководство страны не в последнюю очередь подтолкнула тяжелая обстановка на фронтах и огромные потери Красной Армии.

Заметим: речь идет об отправке бывших зэков в обычные части действующей армии! В 1941 году не существовало еще тех самых легендарных штрафбатов, которые воспел Владимир Высоцкий:

*Считает враг – морально мы слабы:
За ним и лес, и города сожжены...
Вы лучше лес рубите на гробы –
В прорыв идут штрафные батальоны!*

Штрафные подразделения появились позже. Но и они не были расчитаны на бывших арестантов. 28 июля 1942 года Народный комиссариат обороны издает знаменитый приказ № 227, известный под названием «Ни шагу назад!». Напомним, что первая половина

1942 года – полоса катастрофического отступления Красной Армии. Немцы нанесли по советским войскам ряд сокрушительных ударов, расчистив себе путь к кавказской нефти, заняли Воронежскую область, вошли в Ворошиловград и Ростов-на-Дону... За несколько недель гитлеровцы продвинулись на 400 километров. Последствием военных неудач стало резкое падение порядка среди бойцов Красной Армии. Нарушения дисциплины и паника приняли невиданные масштабы.

Тогда-то за личной подписью Сталина и выходит названный выше приказ. Он призывал к сопротивлению и осуждал бытовавшее мнение, будто огромные пространства России могут позволить продолжить отступление и дальше. Верховный главнокомандующий при оценке обстановки делает страшные и горькие признания:

«Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама бежит на восток...

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять Родину».

Но как это сделать? Оказывается, рецепт можно позаимствовать у врага:

«После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали более 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот полу-

чается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель – покорить чужую страну, а наши войска, имеющие возвышенную цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение. Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?»

Ответ ясен – конечно, следует.

Приказ «Ни шагу назад!» предписывал военным советам фронтов сформировать от одного до трех штрафных батальонов (по 800 человек), «куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушениях дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность своею кровью искупить преступления против Родины».

Для рядовых бойцов в составах армий создавались штрафные роты, от 150 до 200 человек каждая.

В штрафные части провинившиеся отправлялись на срок от одного до трех месяцев с обязательным разжалованием командного состава в рядовые. За боевое отличие штрафник мог быть освобожден досрочно. Получившие ранение в бою также подлежали освобождению и по выздоровлении отправлялись воевать в обычную воинскую часть (принцип «до первой крови»).

Вскоре штрафбаты и штрафроты доказали свою высокую боеспособность. Их бросали на самые ответственные участки, под перекрестный огонь, на минные поля – и «штрафники» делали то, что казалось невыполнимым для обычного солдата! Однако подразделения «русских камикадзе под огнем противника быстро редели. А к началу 1943 года «дезертиров, трусов, паникеров и малодушных» среди бойцов становится катастрофически мало. В войне наступает перелом, Красная Армия начинает теснить противника. Разгром фашистских войск под Сталинградом перерос в наступление на огромном фронте от Ленинграда до Кавказа. А 5 июля 1943 года немцы потерпели сокрушительное поражение в Курской битве.

И тогда «творческий гений» Иосифа Сталина подсказывает спасительный выход: пополнить армейские ряды... бывшими уголовниками! В 1942–1943 годах специальными постановлениями Государственного Комитета Обороны на фронт направляется более 157 тысяч бывших заключенных. Всего за годы войны исправительно-трудовые ла-

геря и колонии передали в действующую армию более миллиона человек. Из них только 10 процентов были направлены в штрафные подразделения, большинство пополнили не штрафные, а обычные линейные части.

Кого же мобилизовали под знамена Красной Армии? «Политикам» дорога в армию была закрыта. Осужденные по «политической» 58 статье – «контрики», «фашисты» – лишались права «кровью искупить перед Родиной свою вину». То есть наиболее сознательная часть заключенных, которая действительно желала с оружием в руках защищать Отечество, была вынуждена оставаться в лагерном аду. Добровольцами могли стать лишь уголовники и «бытовики», пополнившие лагеря уже во время войны. Последних было немало. Смертность в ГУЛАГе во время войны возрастает настолько, что руководство страны раскручивает маховик репрессий, стремясь пополнить лагеря дешевой рабочей силой. Во второй половине 1941 года советскими судами и военными трибуналами было осуждено 1 339 702 человека. Из них 67,4 процента приговорены к лишению свободы. В первой половине 1942 года количество осужденных достигло 1 396 810 человек, из которых 69,3 процента попали в ГУЛАГ. В дальнейшем продолжается то же самое.

Что касается «блатного братства», оно не стремилось на фронт. Для «вора в законе» служба в армии считалась позором, он не имел права брать оружие из рук власти.

Поэтому неверно утверждать, будто армейские подразделения пополнились из зон исключительно уркаганами. Скорее, наоборот, больше уходило осужденных по «бытовым» статьям. Тем более выбор в пользу фронта диктовался лагерной обстановкой. «Отсидеться» и выжить в ГУЛАГе первых военных лет было сложно. Отбывавший в то время наказание Лев Разгон рассказывал:

«Рабочий день был установлен в десять, а у некоторых энтузиастов и в двенадцать часов. Были отменены все выходные дни. И конечно, немедленно наведена жесточайшая экономия в питании ээка.

...В течение двух-трех месяцев зоны лагеря оказались набитыми живыми скелетами. Равнодушные, утратившие волю и желание жить, эти обтянутые сухой серой кожей скелеты сидели на нарах и спокойно ждали смерти. К весне 42-го лагерь перестал работать» («Непридуманное»).

Не менее страшную картину рисуют официальные данные. В 1940 году в лагерях ГУЛАГа умерло 46 665 человек. В 1941 году ГУЛАГ похоронил 100 997 человек. В 1942-м – 248 877... Значительно сократились

нормы питания, в то же время нормы выработки постоянно возрастали. В феврале 1942 года была введена инструкция, в которой разрешалось применение оружия без предупреждения при отказе заключенных приступить к работе после двукратного предупреждения. Как пишет профессор С. Кузьмин в работе «ГУЛАГ в годы войны», все это привело к тому, что «за годы войны в местах лишения свободы от болезней и вследствие иных причин умерли почти 600 тысяч человек, то есть почти столько, сколько умерло в блокадном Ленинграде».

Позже, рассказывая о противостоянии «блатарей», ушедших на фронт, и тех воров, которые остались в лагерях, Варлам Шаламов в «Сучьей войне» очень тонко подчеркнет:

«Напрасно "вояки" ссылались на прошлые заслуги и требовали допустить их к "судам чести" как равноправных и авторитетных судей. Старые уркаганы, перенесшие и восьмушку хлеба во время войны в тюремной камере, и кое-что другое, были непреклонны».

«Прелести» ГУЛАГа военных лет почувствовали и «благородные жулики»...

Так что фронт выглядел для «бытовиков» куда предпочтительнее. Тем более учитывая то, что многие из них, в отличие от «блатарей», испытывали патриотические чувства.

Однако это «молчаливое большинство» прошло мимо внимания публицистов и писателей, которых привлекла менее значительная волна профессиональных уголовников, хлынувшая на фронт.

И все же среди штрафников образца 1943 года оказалось немало «уркаганов», «блатных» – тех самых «воров», которые считали прежде позорным взять оружие из рук власти. Суровая действительность диктовала свои жестокие законы: либо ты сдыхаешь в «зоне», либо получаешь на фронте хоть какой-то шанс уцелеть. Такое решение пришлось не сразу. Наиболее стойкие стремились любыми путями выжить в лагерях.

Перелом в сознании части блатарей произошел после Сталинградской и Курской битв. Именно они в конечном счете привели к крупнейшему расколу в советском уголовном сообществе – «сучьей войне». После Сталинграда в армию хлынул поток «блатных» добровольцев. Дело не в призрачной свободе (год на фронте засчитывался за три, но у «воров» и примыкавших к ним босяков-уголовников сроки были невелики). И не только в желании выжить. Штрафные роты – не лучшее место для спасения жизни. Хотя многие уголовники с их авантюризмом и бесшабашностью предпочитали риск с надеждой на «фарт»

безысходной смерти в лагерях. Как верно отмечал Варлам Шаламов, «из уркаганов выходили смелые разведчики, лихие партизаны. Природная склонность к риску, решительность и наглость делали из них ценных солдат». Надеялись на «первую кровь»: ранение – перевод в обычную часть – война в «нормальных» (по сравнению со штрафным подразделением) условиях.

Ходили слухи о том, что в 1942 году якобы собралась влиятельная воровская «сходка», на которой многие «воры» выступили за то, чтобы «законники» имели право защищать Родину. Тогда-то, мол, и произошёл раскол между «честняками» и «суками». Однако никаких подтверждений этому нам найти не удалось.

Но была и еще одна немаловажная причина. К тому времени в воровском мире многие почуяли запах легкой добычи и желали (в случае, если повезет) принять участие в ее дележе: впереди лежала богатая Европа и прежде всего Германия, куда можно было войти победителем, с оружием в руках и с «праведным гневом». А там уж прямо по Высоцкому:

*И ежели останешься живой –
Гуляй, рванина, от рубля и выше!*

Это последнее обстоятельство, на наш взгляд, зачастую оказывалось решающим. Потому что уже в начале 1943 года обстановка в лагерях стала постепенно меняться. Власть в конце концов поняла: чтобы использовать зэков эффективно для нужд военной промышленности, необходимо давать им хотя бы минимум для восстановления сил, заинтересовать в том, чтобы они производительнее работали. Об этом свидетельствуют многие лагерники, в частности тот же Лев Разгон в мемуарах «Непридуманное»:

«...Самое верховное начальство стало делать минимально разумное. Заключенных лесорубов стали кормить по нормам вольных рабочих; заключенные стали единственными людьми в стране, которым разрешалось отправлять продуктовые посылки...»

То есть к середине – концу 1943 года в «зоне» уголовникам представлялась возможность выжить. Так что на фронт шли уже не столько спасаясь от голодной смерти, сколько в расчете на легкую добычу и «жиганское счастье».

Дрались урки-штрафники страшно, зло, отчаянно и безжалостно. Актер Евгений Яковлевич Весник во время войны был командиром

артиллерийской батарее, под его началом сражались бойцы из числа бывших заключенных. Он вспоминает: «Они воевали прекрасно. Были смелы, дисциплинированы. Я представлял их к наградам. И мне было абсолютно все равно, за что они судимы. Их награждали за то, что они прекрасно проявляли себя в боях»... Многие «штрафники», а также бывшие уголовники, воевавшие в обычных маршевых подразделениях, были отмечены наградами СССР. Некоторым из них присвоено звание Героя Советского Союза, в том числе Матросову, Бреусову, Отставному, Сержантову и Ефимову.

Но не следует идеализировать «блатную армию». Привычный довоенный образ жизни давал себя знать и в боевой обстановке. Мне довелось беседовать с ветераном войны Иваном Александровичем Мамаевым. В 1943 году его изрядно поредевшая обычная рота была пополнена бойцами из числа «блатных». А уже через короткое время под началом Мамаева оказались сплошь уголовники, поскольку в роту вливались в основном добровольцы из ГУЛАГа.

Через сутки после прибытия пополнения у командира взвода украли планшет с документами и деньгами. Ротный Мамаев выстроил бойцов-уголовников и выступил с короткой речью:

– Пропала карта, которой должен руководствоваться комвзвода при выполнении предстоящего боевого задания. Придется нам переть вперед наобум Лазаря. Кроме того, исчезли деньги, которые лейтенант хотел переслать своей семье – жене и маленькой дочке. Я не взываю к чувству сострадания. Просто подумайте, с каким настроением он будет поднимать вас в атаку и что он может натворить в таких расстроенных чувствах. Запомните: вы на фронте, а не на «малине». Здесь каждый «веселый» поступок может стоить вам жизни. А теперь разойтись!

Наутро планшет был на месте...

Дальнейшие события показали: преступники и на фронте оставались преступниками, в их среде привычным делом были пьянки, картежные игры, поножовщина. При удобном случае они не брезговали грабежом или мародерством. Поэтому с резким изменением положения на театре военных действий в пользу СССР было решено прекратить пополнение действующей армии профессиональными уголовниками. В 1944 году в соответствии со специальным распоряжением ГУЛАГа перестали призывать на фронт неоднократно судимых, в том числе и «сидельцев», отбывавших сроки наказания за незначительные преступления – если эти преступления были рецидивными.

В отношении же сражающихся на фронтах «блатных» стали все чаще применяться суровые методы воздействия. Но если на своей территории «куркаганов» еще удавалось сдерживать жесткими мерами, то при вступлении на территорию противника – особенно в Германию – стихия вырвалась из-под контроля. Убийства, грабежи, изнасилования и прочие «эксцессы» по отношению к гражданскому немецкому населению, о которых сейчас стали публично говорить, – не в последнюю очередь «заслуга» «блатных героев». Хотя было бы серьезной ошибкой списывать все преступления советских солдат в Германии на «штрафников».

Но вот война завершилась. «Блатные» возвращались на Родину героями, позвякивая медалями «За отвагу», «За взятие Берлина» и другими боевыми наградами. У многих на плечах сверкали офицерские погоны. Волокли с собою баулы, «сидоры», «кешари», «углы» (чемоданы)... Но очень скоро победители, не привыкшие к суровой прозе жизни, не приученные к труду, давно порвавшие связи с родными (как и положено по «блатному закону»), прогуляли, пропили, промотали большую часть награбленного на чужбине. И встал перед ними популярный русский вопрос: что делать?..

Бери бушлат – иди паши!

Почему мы уделяем так много внимания этой странице истории уголовно-арестантского мира в рамках повествования о великом писателе? Потому что именно с нее начинается история «сучьей войны». Той войны, отголоски которой докатывались до фельдшера Шаламова и отразились затем в творчестве Шаламова-писателя.

Александр Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» относит ее начало к 1949 году: «“Сучья война” разгорелась примерно с 1949 года (не считая отдельных постоянных случаев резни между “ворами” и “суками”). В 1951, 1952 годах она бушевала». Любопытный штрих: война, по Солженицыну, разгорелась в 1949 году, но «сучья масть» уже существовала до этого, и постоянная резня по лагерям уже шла. В чем же ее отличие от «войны»? Писатель на этот вопрос ответа не дает.

Шаламов относит начало воровской резни к 1948 году и очень верно увязывает ее со знаменитыми Указами 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан». Указы эти получили в среде преступников название «четыре шестых» (приняты 4 июня, то есть четвертого числа шестого месяца).

Еще более категоричен бывший «законный вор» Михаил Демин. Так же, как и Шаламов, связывая обострение резни в воровском мире с указом «четыре шестых», он утверждает, что уже к концу осени 1947 года «сучья война» полыхала по всей Колыме:

«– Насчет сучни... Ее здесь, оказывается, навалом. В каждом управлении половина лагпунктов – сучьи.

– Быть не может...

– Все точно, брат, – сказал со вздохом Леший, – все точно. На Сасумане – сучня, на Коркодоне тоже. И в Марково, и в Анюйске. И по всей главной трассе... Кругом ихние кодлы!.. Учтите, здесь на Карпунке тоже имеются суки. Недавно – мне рассказывали – такая мясня была, ой-ой! Пятнадцать трупов за одну ночь настряпали». («Блатной»)

Пожалуй, датировка Демина наиболее близка к реальной. Действительно, начало серьезных столкновений между «блатными» и «ссученными» точнее всего обозначить концом 1947 года – примерно через полгода после указа «четыре шестых». Разумеется, и до этого в лагерях и тюрьмах не обходилось без мелких и крупных стычек, кровавых «разборок» среди бывших «штрафников» и «честных воров»: ведь за два года после окончания войны ГУЛАГ значительно пополнился уголовниками из воровского мира, принимавшими участие в Великой Отечественной войне. Уже тогда «ссученные» предпринимали попытки выжить, захватить тeneвую власть и «держатъ масть» в лагерях. Однако в процентном отношении «сук» было пока слишком мало и по сравнению со всем арестантским миром, и по сравнению с «ворами» и их приближенными. Да и «сучья масть» еще не получила своего «узаконенного» названия.

Несколько слов о понятиях «сука», «ссучиться». Даже Варлам Шаламов, автор наиболее полного очерка о «сучьей войне», так и не смог понять, что выбор слова «сука» для нарушивших «закон» воров не случаен. Он писал:

«Название “суки”, хотя и неточно отражающее существо дела и терминологически неверное, привилось сразу».

Здесь с Варламом Тихоновичем согласиться нельзя. Именно слово «сука» как раз и отражает существо дела, именно оно и является «терминологически верным». В босяцком жаргоне оно сохранилось еще со времен царской каторги. Вот что пишет на этот счет П. Якубович в своих записках бывшего каторжника:

«Есть два только бранных слова в арестантском словаре, нередко бывающие причиной драк и даже убийств в тюрьмах: одно из них (сука) обозначает шпиона, другое, неудобно произносимое – мужчину, который берет на себя роль женщины». («В мире отверженных»).

Вообще, самым грязным и унижительным в арестантской среде того времени считалось обращение в женском роде. «Честный арестант» обязан был смыть такое оскорбление кровью. «Суками», помимо шпионов, называли также сотрудников мест лишения свободы – надзирателей, начальство, конвойных... Поэтому назвать «сукой» арестанта значило поставить его в один ряд с ненавистным начальством. Надо сказать, и администрация по отношению к себе считала подобное определение самым унижительным. П. Фабричный в воспоминаниях о царской каторге пишет:

«Однажды старший Александровской тюрьмы Токарев говорил: "Назвал бы меня "сукин сын", "мерзавец", но не "сукой", ведь знаешь, что я мог бы застрелить тебя тут же"» («Язык каторги»).

Заметим: «сукин сын» – вполне терпимо, но за «суку» и прибить можно запросто! Какое тонкое лингвистическое различие... Так что термин, обретший свое второе рождение в конце 40-х годов, сохранял старые арестантские традиции.

Это, впрочем, в своем очерке отмечает и сам Шаламов:

«Спокон веку в блатном мире "сукой" назывался изменник воровскому делу, вор, передавшийся на сторону уголовного розыска. В "сучьей" войне дело шло о другом – о новом воровском законе. Все же за рыцарями нового ордена укрепилось оскорбительное название "сук"».

Но ведь новый «закон» являлся настоящим отступничеством от старого, отрицал его важнейшие постулаты! И далее мы увидим, что «суки» полностью соответствовали своему «оскорбительному названию». Мало того: они сумели нивелировать его унижительный смысл. В своих беседах о «сучьей войне» с автором этой книги старые «каторжане» чаще и охотнее употребляли вместо слова «суки» слово «бляди». Причем с особым «жиганским» акцентом.

– БилЯдзи, или суки, – это одно и то же, – толковал мне Федя Седой. – Просто воры суку чаще «билЯдзь» называли.

– Почему?

– Ну, понимаешь, «суками» суки и сами себя звали, это вроде как обычное название «масти». Даже некоторые из них так гордо говорили: «Я – честный сука!» Уже получается и не позорно, а прямо как Герой Советского Союза... Ну а для блатных они – гадское племя, бляди. Блядами жили, блядами и подыхали.

Еще одно тонкое стилистическое отличие (помните «суку» и «сукиного сына?»)...

Миф об «армии Рокоссовского»...

Зато в отношении «штрафников» из числа блатарей Шаламов дает развернутую картину. В очерке «Сучья война» Варлам Тихонович пишет:

«Во время войны сидевшие в тюрьмах преступники, в том числе и многочисленные воры-рецидивисты, "урки", были взяты в армию, направлены на фронт, в маршевые роты. Армия Рокоссовского приобрела известность и популярность именно наличием в ней уголовного элемента. Из уркаганов выходили лихие разведчики, смелые партизаны. Природная склонность к риску, решительность и наглость делали из них ценных солдат. На мародерство, на стремление пограбить смотрели сквозь пальцы. Правда, окончательный штурм Берлина не был доверен этим частям. Армия Рокоссовского была нацелена в другое место, а в Тиргартен двинулись кадровые части маршала Конева – полки наиболее чистой пролетарской крови...

Словом, уголовники из тюрем уходили на фронт, воевали там – кто хорошо, кто худо... Настал день Победы, герои-уркачи демобилизовались и вернулись к мирным занятиям.

Вскоре советские суды послевоенного времени встретились на своих заседаниях со старыми знакомыми. Оказалось – и это-то предвидеть было нетрудно, – что рецидивисты, "уркаганы", "воры", "люди", "преступный мир" и не думают прекращать дела, которое до войны давало им средства к существованию, творческое волнение, минуты подлинного вдохновения, а также положение в "обществе".

Бандиты вернулись к убийствам, "медвежатники" – к взломам нестергаемых шкафов, карманники – к исследованиям чердаков на "лепехах", "скокари" – к квартирным кражам».

Прежде всего заметим: писатель нигде не использует слово «штрафники». Более того, подчеркивает, что уркаганы направлялись «в маршевые роты». В маршевые, а не в штрафные. Как мы уже указывали, «штрафником» становился лишь каждый десятый заключенный, направленный на фронт. Очерк был написан в 1959 году, когда еще не разнесся по городам и весям миф о эзках-«штрафниках», и Шаламов руководствовался тем, что видел и слышал в действительности.

Этот принцип резко отличает очерк великого писателя от стряпни из домыслов, догадок и диких предположений, например, Виктора Су-

ворова, который в знаменитом романе «Ледокол» с хлестаковской легкостью утверждает, будто еще до войны вся 24-я армия, а также 69 стрелковый корпус 20-й армии и 63 стрелковый корпус 21-й армии Второго стратегического эшелона были набраны... из гулаговских заключенных! Основной аргумент: эти подразделения носили форму черного цвета, то есть лагерные бушлаты. А 24-я армия формировалась за несколько лет до войны «в барачном городке для лесорубов». Впрочем, даже если бы эти басни Резуна оказались хоть на гран ближе к действительности, чем на самом деле, понятно, что в такой довоенной «армии» места для блатарей уж точно не нашлось бы.

Однако другое популярное заблуждение Шаламов все же повторяет – правда, очень аккуратно: утверждение о том, что из бывших заключенных состояла армия Рокоссовского. Разумеется, это не так. Достаточно вспомнить, что с сентября 1942 года Константин Константинович командовал Донским фронтом, с февраля 1943-го – Центральным, с октября – Белорусским, с февраля 1944-го – Первым Белорусским, с ноября 1944-го по июнь 1945-го – Вторым Белорусским фронтами. Если читатель хотя бы отдаленно представляет разницу между армией и фронтом, а также обратит внимание на постоянную смену фронтов, ему станет понятно, что ни о какой «зэковской армии» Рокоссовского речи быть не может.

Но устойчивая легенда о «блатной армии» появилась еще во время войны и успешно дожила до наших дней. В автобиографическом романе «Блатной» (1972) бывший вор Михаил Демин устами одного из персонажей говорит: «Почти вся армия Рокоссовского состояла из лагерников». Такой миф легко понять, учитывая особенности биографии маршала. В августе 1937 года Рокоссовский был арестован по ложному обвинению в связях с японской и польской разведками. Несмотря на пытки, Константин Константинович не признал себя виновным и не оговорил никого из сослуживцев. В ленинградских «Крестах» ему выбили зубы, сломали три ребра, несколько раз водили на расстрел. Спасло заступничество нового наркома обороны Семена Тимошенко: 22 марта 1940 года Рокоссовский был освобожден и восстановлен в прежней должности.

Существует красивая легенда по этому поводу: якобы при освобождении будущему маршалу задали вопрос: какой армией он хотел бы командовать? И Константин Константинович, указав на колонну бредущих лагерников, бросил: «Вот моя армия». Это конечно же всего лишь миф. Хотя сам Рокоссовский в книге воспоминаний «Солдатский долг» позволил себе хоть и не впрямую, но выразить отношение к тем,

с кем делил пайку: «Жизнь убедила меня, что можно верить даже тем, кто в свое время по каким-то причинам допустил нарушение закона. Дайте такому человеку возможность искупить свою вину и увидите, что хорошее в нем возьмет верх: любовь к Родине, к своему народу, стремление во что бы то ни стало вернуть их доверие сделают его отважным бойцом». Это свидетельствует о том, что на фронтах, которыми он руководил, отважно воевали и бывшие ээки.

И все же, говоря об отрывке, который Шаламов посвятил так называемой «армии Рокоссовского», мы должны отметить аккуратность писателя в формулировке: «Армия Рокоссовского приобрела известность и популярность именно наличием в ней уголовного элемента». Здесь нет обобщений, как у Демина («почти вся армия состояла из лагерников»), но лишь подчеркнута очевидное: действительно, «рокоосовцев» в народе считали выходцами из ГУЛАГа.

...и правда об уголовном воинстве

Самому Шаламову явно не по душе было признавать участие «блатарей» в защите Отечества. Признавая, что «решительность и наглость» делали из них ценных солдат, что «война отвечала как-то таким чувствам блатаря, как любовь к опасности, к риску», он как бы вскользь замечает, что воевали уголовники на фронте кто хорошо, кто худо. Обычная вроде бы, но далеко не случайная оговорка. К тому же несправедливая. Плохо воевать «блатные» просто не имели возможности, поскольку рядом были их кореша, которые не спустили бы им ни малейшего промаха, слабости, «мандраж».

Об этом свидетельствуют и те, кому довелось сталкиваться со «штрафниками» из блатных в боевой обстановке. Обратимся вновь к воспоминаниям фронтовика Ивана Мамаева:

«Побывав в боях, уголовники поняли, что их жизнь действительно зависит от высокой боевой подготовки, взаимовыручки и дисциплины. Поэтому даже во время учений никто не смел “филонить”, позволить себе проявить “слабину”. Так, во время одного из занятий по отработке пластунских передвижений на импровизированном плацу оказалась огромная лужа. Все бойцы ползли прямо по ней. Но один новичок из пополнения обогнул ее по краю и пополз дальше. Тогда несколько “штрафников” поднялись, молча взяли ловкача за руки и за ноги и швырнули прямо в центр лужи. Провинившийся все понял без дополнительных разъяснений».

Это – эпизод учений. А вот какой колоритный образ уголовного героя рисует актер Евгений Яковлевич Весник:

«Восточная Пруссия, 1945 год. Как сейчас помню: не дает немецкий пулеметчик, оставленный в арьергарде, провезти через поляну наши стопятидесятимиллиметровые пушки-гаубицы – тяжелые, неповоротливые, прицепленные к мощнейшим американским тракторам Катерпиллер Д-6. Рядовой Кузнецов Василий – беломорканалник, осужденный на 10 лет (как попал он на фронт – прямо из лагеря или побывав в штрафной роте и искупив свою вину кровью, – не помню), – получил от меня приказ: пробраться к дому, из которого ведется огонь, и ликвидировать огневую точку. Через полчаса пулемет замолк. А еще через десять минут Вася принес затвор немецкого пулемета и... голову стрелявшего немца.

– Боже мой! Зачем голова? – вскричал я.

– Товарищ гвардии лейтенант, вы могли бы подумать, что я затвор с брошенного пулемета снял, а стрелявший сам ушел... Я голову его принес как факт, как доказательство!

Я представил его к ордену Славы и первый раз увидел, как он плакал! Навзрыд!

...Убежден, что Вася в преступный мир не вернулся. Свою целетельную роль сыграли доверие и поощрение!»

Мы были бы рады разделить мнение Весника. Но уже по рассказанному эпизоду видно, что герой Вася не отказался от своих прежних замашек. Обычай отрезать голову для «предъявления» – чисто гулаговский. Правда, практиковался он не столько зэками. Охота за «головками» представляла собой доходный промысел. За поимку беглых лагерников НКВД выплачивало охотникам Северной Сибири (а также карелам, казахам и другим аборигенам в местностях, где были расположены лагеря) премии деньгами и дефицитными товарами – сахаром, мукой, мануфактурой, порохом и пр. Ж. Росси в «Справочнике по ГУЛАГу» сообщает:

«Т.к. поймать беглеца, а потом вести его по тундре трудно и опасно, его пристреливают, отрезают голову и прячут от зверя. Когда соберется достаточно, мешок с “головками” погружают на санки или в лодку и отвозят заказчику. Мешок выглядит так, как если бы в нем были арбузы»...

Интересно, что документы на выплату «премиальных» оформлялись счетоводами, которые чаще всего были заключенными. Так что зэки легко перенимали «нравственные принципы» гулаговского начальства.

Для Васи отрезание чужой головы было поступком совершенно естественным. Нужно доказательство – получите! Так же естественно

и резать человека, который чем-то мешает, не то сказал или не так поступил.

Преступники и на фронте оставались преступниками: в их среде привычным делом были пьянки, картежные игры, поножовщина. Наклонности брали свое, и часто это оборачивалось трагически. Как вспоминал тот же Иван Мамаев, после штурма одной из вражеских высот в Крыму он поручил уголовнику из своей роты доставить в тыл захваченного вражеского офицера. «Уркаган», перед тем как конвоировать гитлеровца, потребовал жестами от него: мол, снимай сапоги...

– Отставить! – возмутился комроты. – Оставь свои блатные замашки!

Урка пожал плечами и повел фашиста в тыл. А через некоторое время труп блатаря обнаружили на обочине дороги. Парень лежал босоногий, рядом валялись его же сапоги. Видно, все-таки позарился на офицерскую обувь. А когда стал надевать, тут его фриц и «кончил»...

На флоте тоже имелись штрафные формирования. Фронтовик Иван Мамаев вспоминал, как его рота встретила таких же «штрафников», но в морской форме. «Блатные» схлестнулись за карточной игрой. Растаскивать их и что-либо приказывать было в тот момент бесполезно! А еще уголовники замечательно подделывали печати, когда приобретали у населения продукты питания и взамен оставляли липовые «документы». Печать рисовалась чернилами на мягкой части ладони в основании большого пальца. Отличить ее от настоящей было невозможно. Позднее несколько бойцов из «мамаевской» роты за это были расстреляны.

Есть и более страшные свидетельства. Они касаются опять-таки флотских штрафников. Вот что рассказывает генерал-майор юстиции в отставке П.Д. Бараболя, который командовал пулеметным взводом в 610-й отдельной штрафной роте Волжской военной флотилии:

«Всего через неделю, когда мы только-только присматривались к новичкам, нашу отдельную штрафную роту буквально потрясло сообщение о тяжелейшем чрезвычайном происшествии. Два человека из взвода старшего лейтенанта Василия Чекалина, прикинувшись этиками простачками, напросились в гости к жившим на отшибе Кильяковки немолодым уже людям. После недолгого знакомства они убили старика, изнасиловали его 12-летнюю внучку и бросили вместе с бабушкой в подвал, завалив вход рухлядью. Потом отпетые уголовники (фамилия одного из них, здоровенного и наглого детины, запомнилась – Никитин) учинили на подворье несчастных людей погром. Опытный следователь быстро вышел на след бандитов. В отношении их был

вынесен скорый и справедливый приговор выездной сессии военного трибунала: "Расстрелять!"»

И поэтому нельзя не согласиться с горьким выводом Варлама Тихоновича по поводу воевавших уркаганов:

«Война скорее укрепила в них наглость, бесчеловечность, чем научила чему-либо доброму. На убийство они стали смотреть еще легче, еще проще, чем до войны».

Зато далек от объективности писатель, когда утверждает (и сам, и устами «военщины»), что «блатарей» гнали на фронт под стволами автоматов:

«Напрасно указывали предводители "военщины", что случайность, особенность их положения в тот момент, когда им было сделано предложение пойти на фронт, исключала отрицательный ответ...

Были среди воров и такие, которые пошли на войну из слабости духовной – им угрожали расстрелом, да и расстреляли бы в то время».

Как мог убедиться читатель выше, Сталину не было необходимости гнать «блатных» на фронт под стволами автоматов: для пополнения рядов Красной и затем Советской Армии с головой хватало «бытовиков», которыми в годы войны особо активно пополнялись лагеря. Так что те «воры», которые надевали погоны, делали это большей частью не из страха перед расстрелом. Наверняка встречались и те, кто, попав под расстрельную статью – например, за внутрилагерные преступления, – «добровольно» решался «искупить вину кровью». Но это совсем не то, что гнать на передовую прикладами в спину...

Шаламов, знакомый не понаслышке с «традициями» и «понятиями» «благородного преступного мира», указывает сначала **видимую, внешнюю** причину конфликта, который расколол после войны воровское движение на «честняков» и «сук». Разумеется, на поверхности лежит якобы «идеологическая» подоплека: ну как же – в лагеря хлынули потоки бывших фронтовиков-уркаганов, взявших оружие из рук власти, что неприемлемо для «честного вора»! Поэтому те, кто пережил войну в лагерях, встретили «военщину», что называется, в стыки. Разгорелась борьба за власть, которая и получила название «сучьей войны».

Писатель отмечает и подробно анализирует эту составляющую конфликта:

«Среди "военщины" было много крупных "урок", выдающихся деятелей этого подземного мира. Сейчас они возвращались после нескольких лет войны-свободы в привычные места, в дома с решетчатыми ок-

нами, в лагерные зоны, опутанные десятью рядами колючей проволоки, возвращались в привычные места с непривычными мыслями и явной тревогой. Кое-что было уже обсуждено долгими пересыльными ночами, и все были согласны на том, что дальше жить по-старому нельзя, что в воровском мире назрели вопросы, требующие немедленного обсуждения в самых "высших сферах".

Главари "военщины" хотели встретиться со старыми товарищами, которых только случай, как они считали, уберег от участия в войне, с товарищами, которые все это военное время просидели в тюрьмах и лагерях. Блатные "вояки" рисовали себе картины радостных встреч со старыми товарищами, сцен безудержного бахвальства "гостей" и "хозяев" и, наконец, помощи в решении тех серьезнейших вопросов, которые жизнь поставила перед уголовщиной.

Их надеждам не суждено было сбыться. Старый преступный мир не принял их в свои ряды, и на "правилки" "военщина" не была допущена. Оказалось, что вопросы, тревожившие приезжих, давно уже обдуманы и обсуждены в старом преступном мире. Решение же было вынесено совсем не такое, как думали "вояки".

– Ты был на войне? Ты взял в руки винтовку? Значит, ты – сука, самая настоящая сука и подлежишь наказанию по "закону". К тому же ты – трус! У тебя не хватило силы воли отказаться от маршевой роты – "взять срок" или даже умереть, но не брать винтовку!

Вот как отвечали приезжим "философы" и "идеологи" блатного мира. Чистота блатных убеждений, говорили они, дороже всего. И ничего менять не надо. Вор, если он "человек", а не "съявка", должен уметь прожить при любом Указе – на то он и вор».

Замечательно описание тех же самых «идеологических противоречий» изнутри – взглядом человека, который принадлежал именно к числу «блатных» и держал в споре сторону «идейных» уголовников против отступников. И снова мы возвращаемся к роману Михаила Демина «Блатной», посвященному первым послевоенным годам уголовно-арестантского мира. В камеру воров «заплывает» записка из соседней «хаты» – «ксива»:

«Дело вот какое, – писал Цыган, – у вас в камере находится Витька Гусев. Я его сегодня видел на прогулке. Он наверное хляет за честно-го, за чистопородного... Если это так – гони его от себя. И сообщи остальным. Гусь – ссученный! В 1945 году я встречался с ним в Горловке; тогда он был – представляешь? – в военной форме, при орденах, в погонах лейтенанта... Всем нам горько и обидно наблюдать такую кар-

тину, когда среди порядочных блатных ходят всякие порченые. И неизвестно, чем они дышат, какому богу молятся...»

Получив такое послание, вору начинают подробно расспрашивать обвиняемого:

«– Значит, служил? – спросили его.

– Служил.

– Носил форму?

– Конечно.

– Награды имел?

– Да, – ответил он, – имел. Воинские награды!.. Да, было, было.

Почти вся армия Рокоссовского состояла из лагерников, из таких, как я! Нет, братцы. – Он мотнул головой. – Я не ссученный...

– А что есть сука? – спросил тогда один из блатных...

– Сука это тот, – пробубнил Рыжий, – кто отрекается от нашей веры и предает своих.

– Но ведь я никого не предал, – рванулся к нему Гусь, – я просто воевал, сражался с врагом!

– С чьим это врагом?

– Ну как – с чьим? С врагом родины, государства.

– А ты что же, этому государству друг?

– Н-нет. Но бывают обстоятельства...

– Послушай, ты мужик тертый, третий срок уже тянешь – по милости этого самого государства. Неужели ты ничего не понимаешь?.. Ежели ты в погонах – ты не наш. Ты подчиняешься не воровскому, а ихнему уставу. В любой момент тебе прикажут конвоировать арестованных – и ты будешь это делать. Поставят охранять склад – что ж, будешь охранять... Ну а вдруг в этот склад полезут урки, захотят колупнуть его, а? Как тогда? Придется стрелять – ведь так? По уставу!

– ...Я стрелял в бою. На фронте. И не вижу греха.

– Ну, а мы видим... Истинный блатной не должен служить властям! Любым властям!

– Значит, если я проливал кровь за родину..

– Не надо двойтаться... Если уж ты проливал – так и живи соответственно. По ихнему уставу. Не воруй! Не лезь в блатные! Чти уголовный кодекс!»

Формально «честные вору» защищали «праведность» уголовных «понятий». Вор не должен брать оружие из рук власти. Кто нарушил этот закон – тот отступник. И никаких оправданий ему нет. Однако эти фразы на деле скрывали обычную борьбу за власть в уголовном мире.

Фронттовики из числа «воров» способны были легко оттеснить ту «блатную элиту», которая переждала в лагерях всю войну. Совершенно очевидно, что героическое прошлое, отчаянные военные приключения, «духовитость» и «кураж» «штрафников» способны были резко выделить их в арестантских глазах из числа других «воров».

И все же не противостояние «военщины» и честняков было главной причиной «сучьей войны».

Кого ни спросишь, у всех Указ...

Заслуга Варлама Тихоновича как летописца гигантской послевоенной воровской резни как раз и состоит в том, что он сделал масштабный, всесторонний анализ этих событий, не удовлетворившись видимыми причинами, но пытаясь показать скрытые механизмы.

Ведь в конце концов разброд и шатания среди «блатных» возникли не в 1947 году, а раньше. Один из бывших профессиональных преступников, Ахто Леви, в своем романе о воровском законе «Мор» подчеркивает, что корни «сучьего» движения следует искать в довоенном ГУЛАГе. По мнению писателя, «суки» существовали уже тогда, но «они назывались не везде еще так и их еще не резали». Несмотря на спорность утверждения, нельзя не согласиться с тем, что и в довоенном ГУЛАГе, и в местах лишения свободы военных лет, несомненно, существовали «блатные», которые пытались выжить разными способами, в том числе и путем компромиссов с чекистами.

Об этом у нас будет возможность поговорить более подробно. Пока же отметим: зерно раскола зрело и в довоенном, и в военном ГУЛАГе, но проросло и лопнуло именно в послевоенном.

Но ведь не сразу же! «Вояки» стали попадать в лагеря задолго до начала «сучьей войны». Некоторые из них возвращались на привычные нары, даже как следует не ощутив мирной жизни. До нас дошел один из портретов такого «штрафника», созданный коллегой Солженицына по «шарашке» Львом Копелевым. Речь идет еще о 1945 годе, арестантов, в числе которых находится Копелев, этапируют из Германии:

«Блатной Мишка Залкинд из Ростова... Толстомордый, прыщавый, с маленькими быстрыми глазками, тесно жмущимися к мясистому носу, он вошел в камеру, заломив кубанку на затылок, пританцовывая и гнусаво напевая:

– Разменяйте мне десять миллионов

И купите билет на Ростов...

Сказал, что разведчик; бесстыдно врал о своих воинских подвигах, а посадили его якобы за то, что по пьянке ударил начальника. На пе-

рекличке назвал 175 статью, т.е. бандитизм. Он хорошо знал многие тюрьмы и лагеря Союза» («Хранить вечно»).

Так почему же «сучья война» не вспыхнула раньше?

Шаламов в своем очерке находит точное объяснение этому и разворачивает его, создавая цельную картину:

«Государство пыталось организовать борьбу с возрастающей преступностью. Явились Указы 1947 года "Об охране социалистической собственности" и "Об охране личного имущества граждан". По этим Указам незначительная кража, за которую вор расплачивался несколькими месяцами заключения, теперь каралась 20 годами.

Воров, бывших участников Отечественной войны, стали десятками тысяч грузить на пароходы и поезда и под строжайшим конвоем отправлять в многочисленные трудовые лагеря, деятельность которых ни на минуту не замирала во время войны. Лагерьей к тому времени было очень много. Севлаг, Севвостлаг, Севзаплаг, в каждой области, на каждой большой или маленькой стройке были лагерные отделения. Наряду с карликовыми управлениями, едва превышавшими тысячу человек, были и лагеря-гиганты с населением в годы их расцвета по несколько сот тысяч человек: Бамлаг, Тайшетлаг, Дмитлаг, Темники, Караганда...

Лагеря стали быстро наполняться уголовщиной. С особым вниманием комплектовались два больших отдаленных лагеря – Колыма и Воркута. Суровая природа Крайнего Севера, вечная мерзлота, восьми-девятимесячная зима в сочетании с целеустремленным режимом создавали удобные условия для ликвидации уголовщины.

К сожалению, Варлам Тихонович упускает из виду еще один указ, который появился чуть раньше. А без него картина будет неполной и неточной.

После войны криминальная обстановка в Советской стране резко обострилась. Кражи, грабежи, разбои, убийства стали делом совершенно обыденным. В преступную деятельность втягивалось все больше новичков, особенно молодежи из числа сирот и беспризорников. Разгул преступности грозил еще более обостриться в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года «Об отмене смертной казни». Трудно сказать, чем руководствовался Великий Вождь и его окружение, решившись на такой, мягко говоря, нетрадиционный для Советского государства шаг. Вряд ли соображениями гуманности – хотя строки этого документа наполнены жизнеутверждающей патетикой:

«Историческая победа советского народа над врагом показала не только возросшую мощь Советского государства, но и прежде всего исключительную преданность Советской Родине и Советскому правительству всего населения Советского Союза.

Вместе с тем международная обстановка за истекший период после капитуляции Германии и Японии показывает, что дело мира можно считать обеспеченным на длительное время, несмотря на попытки агрессивных элементов спровоцировать войну.

Учитывая эти обстоятельства и идя навстречу пожеланиям профессиональных союзов рабочих и служащих и других авторитетных организаций, выражающих мнение широких общественных кругов, – Президиум Верховного Совета СССР считает, что применение смертной казни больше не вызывается необходимостью в условиях мирного времени.

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Отменить в мирное время смертную казнь, установленную за преступления действующими в СССР законами.
2. За преступления, наказуемые по действующим законам смертной казнью, применять в мирное время заключение в исправительно-трудовые лагеря сроком на 25 лет».

Еще меньше следует приписывать отмену смертной казни опьянению победой в Великой Отечественной войне, какому-то радостному возбуждению (хотя сам текст Указа подразумевает именно такую трактовку). Во-первых, со дня окончания войны прошло два года. Поздно-вато хватились... Во-вторых, о трезвой оценке обстановки в стране говорит тот факт, что между указом об отмене смертной казни и указами об усилении уголовной ответственности за хищение государственного, общественного и личного имущества прошло... чуть более недели! Скорее всего, расчет Сталина был тоньше.

Государству для восстановления экономики требовалось огромное количество рабской силы – как на воле, так и в лагерях. Поэтому было признано нецелесообразным уничтожать преступников сразу: пусть лучше «загибаются» от непосильного, но полезного для страны труда. Поэтому почти одновременно резко увеличивались сроки отбывания наказания в ГУЛАГе. К тому же, как утверждает доктор юридических наук А. Михлин, и в это время действовала секретная директива о возможности применения смертной казни судами МГБ по делам о так называемых контрреволюционных преступлениях. Попутно заметим: смертную казнь через три года, 12 января 1950-го, снова вводят Ука-

зом ПВС СССР “ввиду поступивших заявлений от национальных республик, от профсоюзов, крестьянских организаций, а также от деятелей культуры”, – а указы «четыре шестых» продолжают действовать...

Фактически июньские акты стали “противовесом” майскому, отменившему смертную казнь. Собственно, кражи и грабежи, совершенные “блатными”, и прежде не карались расстрелами. Даже по знаменитому “указу семь восьмых” (Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года “Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности”), каравший за хищения вплоть до расстрела, на деле “вышка” фактически не применялась, да и нацелен он был преимущественно против “хозяйственников” и “бытовиков”.

Однако в этот раз, серьезно увеличивая сроки наказания и для «уркаганов», государство явно поставило цель нанести мощный удар по профессиональным преступникам, загнав их в места лишения свободы на долгие годы и очистив от них общество. Устрашающий, сдерживающий эффект смертной казни заменялся устрашающим эффектом огромных сроков (вплоть до 25 лет!). Заодно осуществлялась «социальная профилактика»: пусть все знают, что красть опасно, даже от тяжелой жизни – иначе сгниешь в лагерях.

Блатной фольклор сохранил недобрую память о страшных указах в песнях и поговорках. До сих пор известна старая арестантская песня:

*Идут на Север срока огромные,
Кого ни спросишь – у всех Указ.
Взгляни, взгляни в глаза мои суровые,
Взгляни, быть может, в последний раз.*

Не случайно неведомый автор подчеркивает – «срока огромные». Чтобы читатель мог представить, какой шок испытали «уркаганы», сравним для наглядности их с прежними.

Действовавшая до 1947 года в Уголовном кодексе РСФСР статья 162 – «Тайное похищение чужого имущества (кража)» – предусматривала следующие санкции:

а) без применения технических средств, в первый раз и без сговора с другими лицами, –

лишение свободы или исправительно-трудовые работы на срок до трех месяцев (выделено мною. – А.С.);

совершенное при тех же условиях, но вследствие нужды и безработицы, в целях удовлетворения минимальных потребностей своих или своей семьи, –

исправительно-трудовые работы на срок *до трех месяцев*;

б) совершенное повторно или в отношении имущества, заведомо являющегося необходимым для существования потерпевшего, – лишение свободы на срок *до шести месяцев*;

в) совершенное с применением технических средств или неоднократно, или по предварительному сговору с другими лицами, – лишение свободы на срок *до одного года*;

г) совершенное частным лицом из государственных и общественных складов, вагонов, судов и пр., путем применения технических средств или по сговору с другими лицами; –

лишение свободы на срок *до двух лет* или исправительно-трудовые работы на срок до одного года.

Мелкая кража, независимо от ее размеров, совершенная на предприятии или в учреждении, каралась тюремным заключением сроком на один год.

Грабеж (статья 165 УК РСФСР) предусматривал срок лишения свободы от одного года до пяти лет.

Строже всего карали за разбой. Разбойник мог схлопотать от «пятерки» до «червонца» (десять лет лишения свободы), а за вооруженный разбой даже предусматривалась смертная казнь.

Не стоит, конечно, преувеличивать «гуманность» сталинского режима по отношению к «социально близким». В том же Уголовном кодексе имелась замечательная 35 статья, которая предусматривала «удаление из пределов СССР или из пределов отдельной местности, с обязательным поселением в других местностях» на срок от трех до десяти лет. Причем эта мера могла применяться судами в качестве «основной меры социальной защиты» даже не за конкретное преступление, а просто потому, что суд признал человека «общественно опасным». 35 статья практически никогда не применялась сама по себе, но только вкупе со статьей 7 (или, как говорили в уголовном мире, «через седьмую»), где прямо говорилось, что «в отношении лиц, совершивших общественно опасные действия или представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности, применяются меры социальной защиты судебно-исправительного, медицинского либо медико-педагогического характера». То есть любому ранее судимому или даже не судимому, а только подозревав-

шемуся в преступлении (в «связях с преступной средой»), можно было на совершенно законном основании назначить срок наказания от трех до десяти лет. Мера эта применялась с особым удовольствием как к профессиональным преступникам, так и к «политическим». Таких людей называли «тридцатипятниками».

И все же «блатным» даже по 35-й отвечивали куда меньше, чем «контрикам».

Теперь же, по новым указам, срок за самую заурядную кражу личного имущества начинался с пяти лет! А обычным сроком «крадуна» становилась «десятка», поскольку большинство уголовников совершали свои преступления повторно.

Но и это считалось великой милостью, поскольку речь шла о личной собственности граждан. Если же преступник покушался на магазин или сельпо или даже стащил барабан из пионерлагеря, ему «светил» «четвертак» – двадцать пять лет лишения свободы!

Согласитесь, есть разница между двумя-тремя годами в лагерях – и двадцатью пятью годами «за колючкой»!

На уголовное сообщество июньские указы произвели жуткое, шоковое воздействие. Уже упоминавшийся Михаил Демин вспоминает, как впервые узнал о них из «тюремного телеграфа» (перестукивания через стену):

«Вышел какой-то новый Указ, может, слышал? Срока, говорят, будут кошмарные... Не дай-то Бог!»

Указ? Я пожал в сомнении плечами. Нет, о нем пока разговора не было. Скорей всего, это очередная «параша», обычная паническая новость, которыми изобилует здешняя жизнь... Я усомнился в тюремных слухах – и напрасно! Новость эта, как вскоре выяснилось, оказалась верной... Появился правительственный указ, страшный «Указ от 4.6. 1947 года», знаменующий собой начало нового, жесточайшего послевоенного террора. Губительные его последствия мне пришлось испытать на себе так же, как и многим тысячам российских заключенных...» («Блатной»).

Говоря о губительных последствиях, Демин имел в виду в первую очередь то, что указы «четыре шестых» оказались мощным фактором, который спровоцировал кровавый раскол в воровском послевоенном мире.

Нема дурных, как говорят в Ростове...

Мы уже упоминали о том, что и Шаламов, и некоторые последовавшие за ним авторы переоценивали влияние «военщины» в «сучьем» движении. На самом деле количество «вояк» среди уркаганов, конечно, не насчитывало десятков тысяч. Их было значительно меньше. Можно даже сказать, их было меньшинство. Хотя и агрессивное меньшинство, ударное «сучье» ядро.

Так же, как Сталинград породил мощную войну «блатных добровольцев», два указа «четыре шестых» породили куда более мощную «сучью масть» и спровоцировали кровавую резню в воровском мире.

И тут следует обратить внимание на одно важное обстоятельство, которое, к сожалению, не попало в поле зрения Шаламова. Во второй половине 40-х годов существенно изменился состав заключенных в местах лишения свободы. «Мужиков» и «фраеров» в лагерях стало меньше. Повлияла амнистия 7 июля 1945 года, в результате которой на волю вышло 301 450 зэков. Сказалось и изменение обстановки в обществе. «Мужики» нужны были в колхозах, чтобы кормить страну, на стройках, чтобы ее восстанавливать.

Война выкосила специалистов во всех отраслях народного хозяйства. Приходилось с этим считаться и временно ограничить террор в отношении этих людей. Конечно, не в полной мере (производство было и в лагерях, там тоже специалисты нужны); но все же соотношение «блатных» и тех, за чей счет они привыкли жить, за «колючкой» изменилось – и не в пользу «честных урок». Так что работяг на всех «блатарей» явно могло не хватить.

С одной стороны, здесь следует искать скрытые пружины конфликта между «военщиной» и «честными ворами». Принимать лишние рты в «блатную» компанию значило отдавать свое и потуже затягивать пояс. Не проще ли увеличить за счет прибывших не количество «честняков», а ряды «пахарей»?

Вот тут-то и вспомнили «праведные каторжане» о «святых традициях». ... Поначалу лагерные «законники» не желали воевать с отступниками, тем более их уничтожать. Они просто хотели указать им место в «стойле». Если ты однажды смог переступить через «воровской закон», ты сможешь сделать это и в другой раз. Поэтому таким арестантам нет доверия среди «воров». Придется «штрафникам» переходить в разряд обычных лагерных работяг. Их судьба «за колючкой» – вкалывать, «пахать» на государство, которое они защищали с оружием в руках. А бывшие дружки-приятели, оставаясь «в законе», будут жить за их счет, как они когда-то жили за счет рядовых арестантов.

Разумеется, согласиться с такой ролью «штрафники» не могли. Слишком уж сильна была в них привычка властвовать. Об этом тоже есть эпизод в книге Демина. Главный герой после развенчания бывшего вора по кличке Гусь беседует с ним один на один:

«– Ты ведь уже не блатной, – сказал я, – ты никто! Живи себе тихо, в сторонке. Тебе же лучше будет!

–Тихо? В сторонке? – произнес он угрюмо. – Ну, нет... Нема дурных, как у нас в Ростове гутарят... Вы, значит, аристократы, а я должен пахать, в землю рогами упираться? Жидкие щи с работягами хлебать? Нет, нема дурных! Я сам хочу – как вы... У вас какая жизнь? Удобная...»

Но основная часть «сук» все же пополнялась не за счет «вояк». На самом деле подавляющее большинство «сучьей масти», вопреки красивому мифу о «штрафниках», состояло как раз из бывших «праведных воров». К отступничеству их подтолкнули те самые Указы 1947 года, о которых мы так долго рассказывали. Ведь «братва» привыкла к тому, что большие сроки отмеривали только «политическим», разного рода «троцкистам-уклонистам». Теперь же нужно было приспособиваться к новой реальности, когда «четвертаки» щедро раздавались и «блатным»! Двадцать пять лет в «зоне» мало не покажется. Да чего уж двадцать пять: после привычного года-двух и «червонец» воспринимается как вечность...

Начнем с того, что еще задолго до «сучьей войны» в «понятиях» уголовного мира стали появляться некоторые изменения. Перед войной и в военные годы для «блатного» уже считалось не «западло» работать. Но только не в тепле, «придурком» при начальстве, а на общих работах вместе с основной массой арестантов – на лесоповале, рытье траншей и пр. Конечно, при этом сам «вор», «блатной» чаще всего не марал белых рученок, ему просто приписывали норму выработки. Но уж, во всяком случае, видимость он создавал, и для начальства показатель вывода на работу обеспечивался. Впрочем, в страшных колымских лагерях нередко приходилось махать кайлом и «блатарям».

Эта особенность «воровского закона» отмечается в мемуарах многих лагерников. К сожалению, Варлам Тихонович либо не знал этого, либо счел нужным об этом умолчать. Он пишет в «Сучьей войне»:

«Небольшой срок заключения, частые амнистии давали ворами возможность без особенных забот провести время заключения, не работая. Работали, и то время от времени, только специалисты – слесари,

механики. Ни один вор не работал на «черной» работе. Лучше он просидит в карцере, в лагерном изоляторе...»

Как раз наоборот: исключительно «черная» работа считалась допустимой для вора в крайних условиях. Особенно в годы военные, когда за отказ от такого труда попросту расстреливали на месте.

Но речь идет именно о критических моментах. В остальном действительно «законники» руководствовались принципом, закрепленным в старой блатной песне: «По субботам не работам – а суббота каждый день!»

Зато другой железный воровской постулат Шаламов передает точно:

«По воровскому закону, вор не должен в заключении занимать какие-либо административные лагерные должности, выполнение которых вверяется заключенным. Ни нарядчиком, ни старостой, ни десятником вор не имеет права быть. Этим он как бы вступает в ряды тех, с кем вор всю жизнь находится во вражде. Вор, занявший такую административную должность, перестает быть воров и объявляется "сухой", "ссучившимся", объявляется вне закона, и любой блатной сочтет честью для себя зарезать при удобном случае такого ренегата».

Другое дело, что в среде «честных воров» эти табу нередко нарушались. Еще в 30-е годы, особенно на Беломорканале, нередко «цветные» не работали, но числились в бригадах, нещадно эксплуатируя «контриков», заставляя нарядчиков «заряжать туфту» и проч. А уж во время войны «блатных» особо часто стали привлекать к «бригадирству», чтобы они помогали выжимать из «работяг» последние соки: «Все вольнонаемные начальники от прорабов до лейтенантов входили в сговор с блатняками-бригадирами, приписывали им выработку, переплачивали огромные деньги, начисляя зачеты, разрешали паханам пить водку, отнимать заработок у эзков, не стеснялись брать в лапу эти отобранные деньги». (Л. Разгон. «Непридуманное»).

Конечно, это приветствовалось далеко не всеми ворами, однако тогда до открытых распрей дело не доходило, все ограничивалось тихим брожением.

А после «драконовских» указов брожение усилилось. На это справедливо указывает Шаламов:

«Указ 1947 года с его двадцатилетним сроком за незначительные преступления по-новому поставил перед ворами проблему "занятости". Если вор мог надеяться, не работая, пробиться правдами и неправдами несколько месяцев или год-два, как раньше, то теперь надо было фактически всю жизнь проводить в заключении или полжизни,

по крайней мере. А жизнь вора – короткая. “Паханов” – стариков среди “урок” мало. Воры долго не живут. Смертность среди воров значительно выше средней смертности в стране».

В воровской среде некоторые «теоретики» посчитали: раз «законному вору» допускалось выходить на общие работы, надо идти дальше. «Воровская масть» должна занимать все «хлебные» арестантские должности и внутри «зоны» – стать нарядчиками, хлеборезами, заведующими банями и т.д. То есть теми, кого арестантское сообщество иронически именovalo «придурками», умеющими устроиться в жизни за счет общей массы эзков, «пашущей» на тяжелых работах. Немало «блатных», не воевавших в штрафных подразделениях, склонялось к мысли, что одно дело – «держат стойку», когда тебе «впяли» пару лет, и совсем другое – когда «разматываешь пятнашку» или «тянешь четвертак».

– Мы же не «политики», не «фашисты»! – возмущались они. – Главное – любимы способами захватить власть в «зонах», и тогда там действительно будет «воровской закон»! Ради этого все средства хороши! Кто выиграет от того, что мы все передохнем или превратимся в «доходяг»? Те же «менты»! Какой понт рогами упираться и корчить из себя «несгибаемых», если это на руку только лагерным «начальничкам»?

Но они кривили душой. Ведь такой шаг подразумевал обязательное сотрудничество с «ментами», с «вертухаями» – с лагерным начальством. А ведь «закон» требовал без оговорок: никаких дел с «мусарней» – ни на «зоне», ни на воле! Конечно, воровские «понятия» и «традиции» были достаточно гибкими и под влиянием обстоятельств нередко менялись. Но на сей раз «законники» решили не отступать от принципов, выработанных «шпанским братством». Не только (а возможно, не столько) потому, что эти люди были действительно преданы «воровской идее». Просто они ясно осознавали: уход под «хозяйское ярмо» («хозяйном» в местах лишения свободы называют начальника тюрьмы, колонии, лагеря) означает рабство и потерю реальной власти. Ты становишься просто холуем, зависящим от ментов. Фактически подобный поворот означает крах традиционного «воровского братства». «Праведные воры» допустить этого не могли.

И все же в рядах «блатного» сообщества число колеблющихся росло.

«Сучня» с военной выправкой

В то же время в лагерях и тюрьмах росло и количество «военщины» – бывших «штрафников», ставших в глазах их бывших «коллег» «ссученными». Варлам Тихонович пишет:

«Воров, бывших участников Отечественной войны, стали десятками тысяч грузить на пароходы и поезда и под строжайшим конвоем отправлять в многочисленные трудовые лагеря, деятельность которых ни на минуту не замирала во время войны...

На пароходах и поездах в Магадан и в Усть-Цильму стали прибывать осужденные после войны воры. "Военщина" – такое они получили название впоследствии. Все они участвовали в войне и не были бы осуждены, если бы не совершили новых преступлений... Огромное же, подавляющее большинство воров вернулось к своей профессии. Строго говоря, они и не отдалялись от нее – мародерство на фронте стоит довольно близко к основному занятию нашей социальной группы. Среди блатарей-"воjak" были и награжденные орденами.

Тезис о «десятках тысяч» (*убрана начальная часть предложения*) фронтовиков из числа уркаганов, которые попали в ГУЛАГ после войны, можно было бы посчитать преувеличением, если бы речь шла лишь о «штрафниках». Однако, учитывая то, что большую часть уголовников мобилизовали, когда они находились на свободе. Поэтому Шаламов прав: «воjak»-уголовников в лагерях оказалось немало. Так что роль «военщины» на этапе зарождения «сучьего» движения довольно значительна. Уголовники, прошедшие страшными дорогами войны, видевшие море крови и легко умевшие ее проливать, не смирились с тем, что им определили место среди «овец» (то есть безропотных арестантов). А самое главное: у них уже не было предубеждения против людей в погонах. Они и сами носили погоны, воевали под руководством офицеров. Некоторые во время войны дослужились до офицерских чинов.

Есть и еще одно важное обстоятельство, которого Шаламов вовсе не касался. До сих пор мы говорили лишь о «блатных» воjках. Однако среди бывших фронтовиков, пополнивших после войны ряды сидельцев ГУЛАГа, были не только исключительно «блатные». Ничего подобного! Первые послевоенные годы в СССР отмечены не просто всплеском уголовной преступности. Значительную роль в криминальной вакханалии играли именно бывшие «солдаты Победы», у многих из которых за плечами не было криминального прошлого. Почти половина всех вооруженных грабежей, убийств и пьяных выходок со стрельбой в то время приходилась на долю молодых фронтовиков и военнослужащих. С одной стороны, они чувствовали себя обделенными благодарностью Родины. Особенно те, кто не имел семьи, образования, профессии, зато имел оружие и умел лишь убивать. С другой стороны, сказался кровавый опыт бесчинств на оккупированных территориях. Гра-

бежи, разбои, насилие, кровопролитие – для многих это стало привычным и обыденным делом. Уркаганы в подобных случаях говорят: «Ему человека зарезать – как высморкаться»...

Вот строки из докладной записки начальнику милиции Одессы и первому секретарю Ленинского райкома партии города: «...прошу воздействовать на командиров частей, допускающих безобразие и уголовные преступления со стороны военнослужащих, так как это приняло уже массовый характер. Начальник 5 отдела милиции г. Одессы». Эта ситуация была характерна и для страны в целом. Не забудем, что в статусе победителей и спасителей на родину вернулись также десятки тысяч законченных уголовников в солдатских и офицерских погонах.

Многим россиянам известна (особенно после знаменитого сериала «Ликвидация») история о том, как боролся с уголовщиной в Одессе «маршал Победы» Георгий Жуков. Напомним этот миф в общих чертах. Летом 1946 года Жуков на заседании Главного военного совета был обвинен в незаконном присвоении трофеев, раздувании своих заслуг в деле разгрома Гитлера и «бонапартизме». Георгия Константиновича сместили с должности Главкома сухопутных войск и назначили командующим войсками Одесского округа. Разъяренный Жуков появился в Одессе, где в это время свирепствовал бандитизм. Маршал решил бороться с ним фронтовыми методами, и вскоре Одесса стала одним из самых спокойных городов страны.

Никаких документальных подтверждений этого не существует. Нет и воспоминаний самих одесситов – как военных и правоохранителей, так и обычных граждан. Правда, журналистка Наталья Рытова, писавшая об «одесском периоде» жизни маршала Жукова, убеждена: *«Легенда о ликвидации возникла не на пустом месте. Когда в 1946 году в Одессу прибыл маршал Жуков, молва тут же разнесла вполне логичный слух: если в город прислали самого маршала Победы, значит, дела здесь из рук вон плохи... Запуганные одесситы мечтали о герое, который взял бы на себя ответственность, переступил закон и разом, как в послереволюционные 20-е годы, перестрелял всех бандитов. Этим героем мог стать только маршал Жуков, который прибыл из Москвы по приказу Сталина»*¹. По ее словам, в послевоенной Одессе действительно проводилась операция «Маскарад», целью которой была ликвидация преступности. Но ничего конкретного о ней не известно.

¹ Наталья Рытова. Маршал Жуков. Легенда о ликвидации криминала в Одессе. – <http://www.epochtimes.ru/content/view/33809/34/>

То есть участие Жукова и его подчиненных в операциях *совместно с милицией* подтверждения не находит. Но мы цитировали донесение начальника одесского райотдела милиции о массовой преступности военнослужащих. А вот за борьбу с таким криминалом отвечал именно командующий округом! Это уже не легенда, а суровая действительность. А там, где действовали военная комендатура и приданные ей силы (надо думать, профессионалы в области борьбы с вооруженным противником), «по ходу дела» летели и головы попавшихся под руку уркаганов.

После 4 июня 1947 года дело приняло иной оборот. Речь уже пошла не о борьбе с «отдельными недостатками». Власть оказалось мало энтузиазма геройских маршалов. Указ «четыре шестых» так подстегнул борьбу с уголовщиной, что воровской мир взвыл. Больно ударил «драконовский закон» и по фронтовикам – как профессиональным «блатарям», так и по «воякам»-новичкам, только набравшимся уголовного опыта.

Факты, мемуарные свидетельства говорят о том, что первоначально, скорее всего, гулаговское начальство действительно опиралось на фронтовиков-уголовников – но прежде всего на тех, кто не принадлежал к профессиональному криминальному сообществу, не носил воровской титул. Среди наиболее ярких фигур такого плана можно назвать хотя бы Сашку Олейникова – коменданта Ванинской пересылки, а также ряд других ярких представителей «сучьей масти», к которым некоторые исследователи причисляют и Василия Пивоварова – «главного суку Советского Союза».

Эти представители «военщины» на первых порах выступили как «дипломаты» в переговорах с администрацией о сотрудничестве. Во всяком случае, чекистам было легче и проще решиться на этот союз, который – как им казалось – сулил немалые выгоды. Ведь поддержки лагерного начальства искали хоть и уголовники, но все же люди, проливавшие кровь за Родину! К тому же эти «сознательные» заключенные хотели помочь администрации в наведении порядка, ненавидели бывших поделщиков, а самое главное – готовы были взять на себя всю грязную работу, связанную с применением насилия! В конце концов, что, кроме пользы, может дать резня в воровском мире? – рассуждали чекисты. Чем больше воря погибнет с обеих сторон, тем лучше. Тем спокойнее станет и в лагерях, и на свободе.

В этих рассуждениях, конечно, была своя логика. Более того, «честные воры» также сыграли на руку чекистам, устроив обструкцию сво-

им бывшим соратникам, воевавшим в Красной Армии. Блатари-фронтовики тут же бросились на поддержку «братьев по оружию»!

На первых порах чекисты вручили «сучне» карт-бланш, предоставили «зеленую улицу», которую «вояки» с энтузиазмом принялись мостить трупами «воров». Уголовники, прошедшие страшными дорогами войны, видевшие море крови и легко умевшие ее проливать, рьяно взялись за дело. Особенно «суки» из «блатарей».

Но дальнейшие события доказали ошибочность «розовых мечтаний» лагерных теоретиков.

«Суки» любят острый нож

Будем справедливы: на первых порах «суки» (как и «воры») не особо жаждали крови. Их главной целью было другое: заставить «воров» принять «сучий закон», отказаться от «воровской идеи» и тем самым подтвердить правильность выбора «блатарей», которые решили жить в «зонах» по-новому. Кровь и «гнуловка» при этом были всего лишь неприятной необходимостью в случае, когда «воры» не желали идти навстречу своему «счастью». Вот что об этом пишет известный писатель Ахто Леви, сам в свое время прошедший сталинские лагеря, в автобиографическом романе «Мор» («Роман о воровской жизни, резне и воровском законе»):

«Не физическая смерть воров важна для сук – им важно моральное их падение, духовное поражение; сукам необходимо “согнуть” воров, заставить отказаться от воровского закона; сукам выгоднее, если воры предадут свой закон так же, как сделали они сами, и станут тогда с ними, с суками, на одном уровне. И вот они идут, достопримечательные суки, на убийства тела и духа, ибо, если кто из воров не захочет согнуться – тому смерть. Сукам уже нечего терять, они уже не могут кичиться воровской честью. У воров же что-то еще осталось, и это необходимо у них отнять».

Гулаговское начальство искусственно обеспечило «****ской масти» численный перевес над «законниками». Прежде всего это стало возможным в тюрьмах с их камерной системой, где воры содержались относительно небольшими группами и были изолированы друг от друга. Как правило, чисто «воровских» «хат» было мало. Существовали, конечно, «абиссинии», «индии», «джунгли» (камеры для «блатных»), но чаще всего воры содержались вместе с обычными зэками. И рассчитывать на поддержку этой «перхоти» – «мужиков», «фраеров», «политиков» – «законникам» не приходилось. Вот уж кто меньше все-

го сочувствовал уголовным «авторитетам»! Тем более «суки» постоянно подчеркивали, что их главная цель – защитить общую массу заключенных от воровского «беспредела», навести в местах лишения свободы порядок, добиться справедливости...

Итак, именно с тюрем начались так называемые «гнуловки» – попытки насильно заставить «воров» отказаться от «воровской идеи» и «закона». Делалось это просто: в камеру заходила специальная команда «сук», вооруженных ножами, заточками, «пиковинами». Они выявляли среди зэков тех, кто относился к «воровскому братству» (благо, со многими «суки» вместе «чифирили», а то и «колупали лабазы»). После этого отделяли «воровскую масть» от общей массы арестантов и предлагали «блатным» здесь же, публично, отказаться от «воровского закона» и принять «сучью веру». Это обязан был сделать каждый в отдельности, при скоплении свидетелей, чтобы потом не было возможности найти для себя никаких оправданий, «отмазок»... А если «вор» упорствовал – начиналась «трюмиловка».

Как пишет Шаламов:

«Блатарей не убивали просто. Перед смертью их “трюмили”, то есть топтали ногами, били, всячески уродовали... И только потом – убивали».

Почему «трюмили»? На блатном жаргоне тех лет слово «трюм» означало тюремный карцер. Тюремная камера считалась наиболее строгим видом изоляции, а уж карцер – тюрьма в тюрьме, – как говорили зэки, «строже строгого». Жаргонное название карцера в воровской сленг пришло из Англии в начале XX века. Занесли его «марвихеры» – воры высокого класса, часто «гастролировавшие» за границей. Один из них, Самуил Квасницкий, свидетельствовал:

«На допросе меня ударили резиной по голове... Я не выдержал и замахнулся на надзирателя. Какая разница – резина или кулак! Но об этом я подумал потом, в карцере под названием “трюм”... “Трюм” в Скотланд-Ярде сделан очень остроумно. Я думаю, его изобрел какой-нибудь адмирал. Когда меня втокнули в карцер, на полу было немного воды и ни одной скамейки» («Беломорско-Балтийский канал имени Сталина»).

«Суки» решили показать, что даже самое страшное наказание – ничто по сравнению с тем, что ожидает тех воров, которые не захотят «перековываться». Их «перековывали» в буквальном смысле. «Трюмить» – это не просто убивать. Это – убивать долго, изощренно, мучительно, на гла-

зах у других – чтобы устроить тех, кто предстанет перед «суками» вслед за добываемым воров.

Самым известным «сучьим летучим отрядом» считались «пивоаровцы». С благословения чекистов они во главе со своим предводителем Василием Пивоваровым («Пивоваром») гастролировали по всем тюрьмам страны. Пивовара называли «главным сукой Советского Союза». По одним сведениям, он был бывшим фронтовиком, не имел отношения к блатному миру и в свою команду подобрал тоже сидельцев из военной среды. Как утверждает писатель Герман Митягин в своей книге «Двенадцать апостолов», «вскоре после окончания войны по сталинским лагерям возили двенадцать бывших разведчиков, которые “справедливым террором” вытравили по заданию высокого руководства воровскую идею: мол, воры – те же самые немцы, только без касок. В начале пятидесятых, когда надобность в “пивоаровцах” исчезла, их на Колыме бросают на растерзание озверевшим уголовникам».

Согласно другой версии, Пивовар считался авторитетным воров, но «подзасекся» и был заочно приговорен к смерти. Тогда он решил показать, кто хозяин положения... Его подручные Ваха и Салтан – ссыльные чеченцы – зарезали кого-то из местных жителей и попали в лагерь, где Ваху приметил Пивовар из-за огромной силы и ловкости. Пивовар и Ваха были неразлучны, чеченец исполнял роль телохранителя «главного суки» и приводил в исполнение его приговоры.

Старые каторжане рассказывают, что Пивовара в конце концов убили. Но кто, где, как – никто точно не знает, хотя версий на сей счет достаточно. По одним сведениям, «главного суку» в конце концов зарезали в коридоре пересыльной тюрьмы. По версии Германа Митягина, всех «пивоаровцев» забили ломами в одной из зон Берлага. А в 1998 году вышла книга «Записки рецидивиста», автор которой, Виктор Пономарев, рассказал, что Пивовара зарезал молодой вор Огонек, когда «главный сука» шел между нарами в камере перед «трюмиловкой». Это – явный вымысел. Ритуал «трюмиловки» и меры безопасности были отработаны «суками» до мелочей, и непосредственно в «хате» расправиться с Пивоваром было бы просто невозможно. Сам он, по рассказам очевидцев, никогда не ходил между нарами и держался ближе к двери под прикрытием телохранителей. Обстоятельства гибели Пивовара покрыты мраком. Да и была ли она вообще, эта «праведная месть» арестантского братства?

Высоцкий и Мончинский вывели Пивоварова в романе «Черная свеча» под именем Салавара, а Ваху – под именем Зохи. Там же пре-

красно описана «трюмиловка» в исполнении «пивоваровцев»: «суки» клали на грудь непокаявшегося вора железный лист и прыгали на нем до тех пор, пока не проламывали жертве грудную клетку.

Мы уделяем столько места рассказу о Пивоваре потому, что его фигура отразилась в шаламовском исследовании «сучьих войн». Мы имеем в виду образ лидера колымского «сучьего» движения – Короля. Варлам Тихонович рассказывает следующее:

«...Новый воровской закон был объявлен – в 1948 году на пересылке в бухте Ванино. Поселок и порт Ванино были отстроены во время войны, когда взорвался порт бухты Находка.

Первые шаги этого нового закона связаны с полулегендарным именем блатаря по кличке Король, человека, о котором много лет спустя знавшие его и ненавидевшие воры “в законе” говорили с уважением: “Ну, как-никак, душок у него был...”

Дух, душок – это своеобразное воровское понятие. Это и смелость, и напористость, и крикливость, и своеобразная удаля, и стойкость наряду с некоторой истеричностью, театральностью...

Новый Моисей обладал этими качествами в полной мере.

По новому закону блатным разрешалось работать в лагере и тюрьме старостами, нарядчиками, десятниками, бригадирами, занимать еще целый ряд многочисленных лагерных должностей.

Король договорился с начальником пересылки о страшном: он обещал навести полный порядок на пересылке, обещав своими силами справиться с «законными» ворами. Если в крайнем случае прольется кровь – он просит не обращать большого внимания.

Король напомнил о своих военных заслугах (он был награжден орденом на войне) и дал понять, что начальство стоит перед минутой, когда правильное решение может привести к исчезновению уголовного мира, преступности в нашем обществе. Он, Король, берет на себя выполнение этой трудной задачи и просит ему не мешать.

Думается, что начальник ванинской пересылки немедленно поставил в известность самое высокое начальство и получил одобрение операции Короля...

Король обещает исправиться! Новый воровской закон! Чего же лучше? Это – то, о чем мечтал Макаренко, исполнение самых заветных желаний теоретиков. Наконец-то блатные “переквалились”!..

Мир этот давно уже должен был исправляться – и наконец этот час наступил. Доказательство сему – говорило начальство – новый воров-

ской закон Короля. Это – результат благотворного действия войны, пробудившей даже в уголовниках чувство патриотизма...

Король получил согласие на свой “опыт”. В один из коротких северных дней все население пересылки Ванино было выстроено на линейке строем по два.

Начальник пересылки рекомендовал заключенным нового старосту. Этим старостой был Король. Командирами рот были назначены его ближайшие подручные.

Новая лагерная обслуга не стала терять даром времени. Король ходил вдоль рядов заключенных, пристально глядя в каждого, и бросал:

– Выходи! Ты! Ты! И ты! – Палец Короля двигался, часто останавливаясь, и всегда безошибочно. Воровская жизнь приучила его к наблюдательности. Если Король сомневался – проверить было очень легко, и все – и блатари, и сам Король – отлично это знали.

– Раздевайся! Снимай рубаху!

Татуировка – наколка, опознавательный знак ордена – сыграла свою губительную роль. Татуировка – ошибка молодости уркаганов. Вечные рисунки облегчают работу уголовному розыску. Но их смертное значение открылось только сейчас.

Началась расправа. Ногами, дубинками, кастетами, камнями банда Короля “на законном основании” крошила адептов старого воровского закона.

– Примете нашу веру? – кричал торжествующе Король. Вот он проверит теперь крепость духа самых упорных “ортодоксов”, обвинявших его самого в слабости. – Примете нашу веру?

Для перехода в новый воровской закон был изобретен обряд, театральное действие. Блатной мир любит театральность в жизни...

Новый обряд ничуть не уступал известному посвящению в рыцари. Не исключено, что романы Вальтера Скотта подсказали эту торжественную и мрачную процедуру.

– Целуй нож!

К губам избиваемого блатаря подносилось лезвие ножа.

– Целуй нож!

Если “законный” вор соглашался и прикладывал губы к железу – он считался принятым в новую веру и навсегда терял всякие права в воровском мире, становясь “сухой” навеки.

Эта мысль Короля была поистине королевской мыслью. Не только потому, что посвящение в блатные рыцари обещало многочисленные

резервы армии “сук” – вряд ли, вводя этот ножевой обряд, Король думал о завтрашнем и послезавтрашнем дне. Но о другом он подумал наверняка! Он поставит всех своих старых довоенных друзей в те же самые условия – жизнь или смерть! – в которых он, Король, струсил, по мнению воровских «ортодоксов». Пусть теперь они сами покажут себя! Условия – те же.

Всех, кто отказывался целовать нож, убивали. Каждую ночь к запертым снаружи дверям пересыльных барачных бараков подтаскивали новые трупы. Эти люди не были просто убиты. Этого было слишком мало Королю. На всех трупах “расписывались” ножами все их бывшие товарищи, поцеловавшие нож. Блатарей не убивали просто. Перед смертью их «трюмили», то есть топтали ногами, били, всячески уродовали... И только потом – убивали.

...Тем временем энергичный Король убедил начальство в необходимости “гастрольной” поездки по пересылкам Дальнего Востока. Вместе с семьей своими подручными он объехал пересылки до Иркутска – оставляя в тюрьмах десятки трупов и сотни новообращенных “сук”».

«Я помню тот Ванинский порт»: всесоюзная мясорубка

На самом деле никакого Короля не существовало – об этом можно говорить с полной определенностью. Король – созданный писателем собирательный образ «главного суки». Утверждать это можно не только потому, что в массовой памяти лагерников тех лет остался лишь один «гастролирующий сука» (которого не случайно называли главным во всем Советском Союзе) – Пивоваров. Именно он и разъезжал по пересылкам Дальнего Востока.

Конечно, таких групп могло быть несколько, а Пивовар остался в памяти эзков по причине особой свирепости. Но есть и другие возражения. Остались мемуары лагерников, в 1948 году находившихся именно в знаменитом Ванинском порту. И их достаточно много. Но никакого Короля в них не упоминается, никто из старожилов о нем не слышал. Хотя прообразом «авторитетного суки» можно считать нескольких уголовников, среди которых выделяются Сашка Олейников, Иван Упора (Упоров)...

Вадим Туманов, прошедший пересылку в конце 1948 года, называет комендантом бывшего вора Ивана Фунта, которого перебросили в Ванино из Владивостока (где Туманов встретил его впервые). «Сучий обряд» Фунта наиболее близок «королевскому»:

«...Сомнений не было – Иван Фунт!.. В его окружении знакомые лица – Колька Заика, Валька Трубка, другие бандиты...

По формулярам стали выкрикивать воров. В числе первых назвали Володю Млада. Его и еще десять-двенадцать человек поставили отдельной шеренгой. Поблизости был врыт столб, на нем кусок рельса. К шеренге подошел Колька Заика, держа в опущенной руке нож. Этап, четыре-пять тысяч человек, сидя на корточках, молча наблюдал за происходящим. Первым стоял молодой незнакомый мне парень. К нему шагнул Заика:

– Звони в колокол.

Это была операция по ссучиванию так называемых честных воров – заставить их ударить по рельсу, “звонить в колокол”. Что-либо сделать по приказу администрации, хотя бы просто подать руку, означало нарушить воровской закон и как бы автоматически перейти на сторону сук, так или иначе помогающих лагерному начальству.

– Не буду.

– Звони, падла! – Заика с размаху ударил парня в лицо. Рукавом телогрейки тот вытер кровь с разбитых губ.

– Не буду.

Тогда Заика в присутствии наблюдающих за этой сценой офицеров и всего этапа бьет парня ножом в живот. Тот сгибается, корчится, падает на землю, дергается в луже крови. Эту сцену невозмутимо наблюдают человек двадцать офицеров. Заика подходит к следующему – к Володе Младу. Я вижу, как с ножа в руке Заики стекает кровь.

– Звони в колокол, сука!

Над плацем мертвая тишина. Девичье лицо Млада зарделось чуть заметным волнением:

– Не буду.

Заика ударил Млада в лицо ногой, сбил на землю, стал пинать сапогами, пока другие бандиты не оттащили почти бездыханное тело в сторону.

...Третий побрел к столбу и ударил, за ним четвертый, пятый... Часа через три этап подняли и повели в зону»².

Старший Надзиратель Иван Силин рассказывал: «Фунт делал все, что хотел. Хозяин зоны. Требовал: "Приведите мне женщину". Приводили, и в зоне наступала тишина, хоть охрану с вышек снимай. Фунта хотели зарезать, в зоне у него был свой угол, охраняли его сами воров.

² Вадим Туманов. Все потерять – и вновь начать с мечты. – <http://lib.rus.ec/b/168230>

Фунт отбивался, убил двоих или троих. "Начальству пересылки было выгодно существование таких воров "в законе". Они не работали, зато обеспечивали работу других". Фунта освободили в 1953 г. За то, что хорошо руководил ворами. Говорят, Фунта перехватили в Комсомольске и убили. Кличку старожилы объясняют так: отец Фунта сидел в Магадане и обещал фунт золота тому, кто убьет младшего сына за то, что тот служил начальству».

Старший сын известного белогвардейского генерала Анатолия Пепеляева – Всеволод – прошел Ванино в конце лета 1948-го. В книге «Наказание без преступления» он вспоминает: «Пересылка в Ванино разгорожена на 14 зон, в каждой из которых по несколько тысяч человек. Огромные бараки с трехъярусными нарами. Все ждут этапа – конечно, на Колыму... Произвол ужасный. Верховодят здесь бывшие воры, они – начальство, они сортируют прибывшие этапы, сразу распознают своих бывших "коллег", отводят их в сторону. Тут некоторые и "ссучиваются", т.е. соглашаются работать. Их назначают нарядчиками, дневальными, поварами, охранниками и другими "лагерными придурками". Но некоторые – вероятно, настоящие "законники" – куда-то исчезают. Они – непримиримые враги. Если в камеру, где сидят воры, попадет "сука" – обязательно зарежут; так же вор, попавший к "сукам", не останется в живых. А списать зэка с "баланса" легче всего. Воровские законы нерушимы, жутки, но они же и защитят заключенного. Если "крохобор" украл у зэка законную пайку – забьют до полусмерти... Надо быть справедливым. Не знаю, как в других лагерях-пересылках, но где пришлось быть мне, воры поддерживали порядок».

Альвина Шашкина в исследовании «Ванинская пересылка» пишет: «Война между "суками" и ворами была постоянной. Они не могли быть вместе, поэтому, когда приходил этап, их сразу отделяли друг от друга. Но и внутри зоны было неспокойно. Во второй зоне зеки сделали столб вроде телеграфного, обстрогали рубанком и вымазали медом. Столб укрепили наверху между бараками. У зеков был свой суд: судья, защитник, прокурор. Загоняли ссучившегося вора на столб. Сумел пройти – твое счастье, не сумел – разбился. Труп подбрасывали к вахте: "Гражданин начальник, уберите его!"»

Бывшая лагерница А. Сударева вспоминала: «Когда этап прибывал к месту назначения, все уже знали, кого привезли: воров или "сук". Если воров, то "суки" стоят, ждут. Если "сук", то воры стояли вдоль проволоки в зонах, а утром вывозили мертвых на кладбище, трупы всегда сопровождал конвой».

Другие очевидцы сообщают: «У воров все было. Когда приходил этап, вор "в законе" забирал понравившиеся ему вещи. Люди шли на зимовку, на годы каторги, брали с собой теплые вещи, обувь. У воров всегда создавался запас свитеров, костюмов. Вот и делились с надзирателями, откупаясь от них. Вору "в законе" прямо в зону приносили все, что ему хочется, любые продукты. Те заключенные, которые получали посылки, обязаны были делиться. Они сами понимали, если этого не сделать, их могут заколоть "пикой" на выходе из почты, а вещи, если их и надеть сразу, ночью все равно "уведут" более мелкие воры – "шпана". Делалось это по указке старших»³.

В исследовании Альвины Шашкиной есть и описание уголовниц: «В 14-й зоне находилось 1200 женщин, среди них также существовало разделение на "сук" и "воров". "Суки" работали нарядчиками, бригадирами. У каждой был свой уголок в зоне, старались украсить его. Вышивали, застилали тумбочки салфетками. Воровки занавешивали свои уголки, все у них там было. Верховодили в зоне Рая и Надя, они жили с женщинами, но сами постоянно у новеньких отбирали более хорошие вещи для своих "фраеров". Вооружены были финками, ходили не одни, человек пятнадцать с ними. Подходят и требуют: "Открой чемодан! Давай, что есть"... Отобранные вещи продавали, обменивали, а деньги относили своим "фраерам".

В зоне и убийства были. Однажды отрезали у женщины часть груди и собаке бросили. Женщину после этого убили, набросили полотенце и задушили. Каждый день по 1–2 трупа... Охрана пыталась вывести из зоны Раю и Надю с их командой. Произошло столкновение. Тогда охрана вывела всех женщин из зоны, а эти пятнадцать остались в бараке. Отбивались, бросали кирпичи, камни. Охрана ворвалась в зону, смяла женщин, вытащили их из барака, и после этого сразу всех отправили отсюда в Магадан».

Один из мемуаристов – внучатый племянник Троцкого Валерий Борисович Бронштейн. Его книга воспоминаний «Преодоление» подробно запечатлела это смутное время. Валерий Бронштейн прибыл в бухту Ванино в начале осени 1948-го. Вся территория лагеря была разделена на три огороженные, но сообщающиеся между собой зоны, внутри которых находились бараки. Валерий Борисович вспоминал:

«Понятно, что внутри лагеря властвовали "законы джунглей" и никакие другие там не действовали. Поэтому пересылка ванинского порта

³ Шашкина Альвина Вениаминовна. Ванинская пересылка. – http://samlib.ru/s/shashkina_a_w/fkmdbyf.shtml.

получила мрачную славу гиблого места, где жизнь человека ничего не стоила, а твоя пайка хлеба отнималась сразу же после ее получения.

Как говорили старожилы, еще месяц назад, до нашего приезда, когда еще не была организована внутренняя комендатура из сук во главе с Сашкой Олейниковым, ранее известным вором в законе, в зоне ежедневно умирало от голода, болезней и убийств несколько сотен человек, вывозимых за пределы зоны навалом на грузовиках. Олейник, получив власть, со своими людьми, численностью около тридцати, и с привлечением других сук, которые не входили в штат комендатуры, быстро навел порядок, внедрив в лагере буквально палочную дисциплину. За малейшее нарушение распорядка или правил поведения – удар железным прутом, завернутым в кусок одеяла. Зато свою законную пайку черного сырого хлеба каждый зек получал. Не было больше открытых грабежей и убийств. Число погибших значительно сократилось...

В Ванино правили бал "суки", и всякая мелкая шушера, типа полувцветных или заблатненных, притихли и не высывались. Крупные воры в законе сидели в "буре" и их постепенно "ссучивали" или убивали, а более мелкие свою масть скрывали...»

Как видно из «показаний» очевидца, на самом деле расправы с ворами в 1948 году происходили достаточно обыденно и без картинных эффектов. «Гнули» и убивали не на глазах у всех, а там, где наиболее удобно – в бараке усиленного режима («бур»), предназначенном для строгой изоляции провинившихся и непокорных. Остальных каторжан это как бы и не касалось вовсе. Напротив – с воцарением на ванинской пересылке «сучьего закона» мужикам, фраерам, «политикам» жить стало значительно легче:

«Каждое утро наша комендатура устраивала обход жилых барачков.

Олейник, окруженный своими приближенными и охраной, стремительно входил в барак и останавливался около стоящего на середине стола. Как правило, Сашок был одет в теплую шерстяную военную гимнастерку, галифе, а на ногах обуты "собачьи" летные унты. Из-под кубанки торчал густой темный чуб. Был он молод, красив, и мне казалось, что в нем где-то под нарочитой грубостью скрывался более мягкий человек, хотя разум говорил: это не может быть у крупного урки-убийцы.

Обеда взлядом нары, он спрашивал: "Мужики, пайки свои вы все получаете? Барахлишко не грабят?" Если кто-то из зеков заявлял, что у него отобрали пайку или теплую последнюю одежду, и указывал виновного, того выводили наружу и избивали до полусмерти».

Оценка «сучьего движения» Бронштейном значительно отличается от шаламовской:

«Вообще идеология и само "сучье" движение зародилось во время войны, и массовый характер приняло после ее завершения, особенно в лагерях, расположенных на северо-востоке нашей страны. Конечно, здесь не обошлось без инициативы руководства ГУЛАГа, и этому содействовали крайне тяжелые условия жизни заключенных, особенно на Колыме, где урка был обязан работать на равных со всеми. А принцип – "руки тачкой, брат, не пачкай, это дело перекурим как-нибудь" – здесь не существовал. Чтобы не умереть с голода, ему приходилось "пахать", как и всем остальным. А попытка кого-нибудь "грабануть" каралась обычно убийством или расстрелом. Поэтому на одном из подпольных сходов, где находился ряд крупных воров в законе союзного масштаба, было принято решение изменить "воровской закон" хотя бы на короткое время.

Смысл этих изменений примерно был таков: "Страна испытывает тяжелое время, и воры, аристократы тюрем и лагерей, должны содействовать стране выйти из разрухи. Мы можем заставить мужика лучше работать, но для этого необходимо обеспечить ему пайку и баланду, чтобы он не умер с голода. Поэтому давайте служить в комендатуре лагерей, быть бригадирами, нарядчиками и различными "придурками". Перестанем грабить мужика и обеспечим ему относительное спокойствие на работе. Мы сами выиграем от этого и страна тоже"».

В этих строках сквозит очевидная симпатия к «сукам», в отличие от «законников». Хотя анализ причин возникновения «оппортунизма» в воровском движении у Шаламова более глубок и точен.

Мастей, что костей

Но, может быть, к мемуарам Валерия Бронштейна следует относиться критически? Возможно, он попросту «не заметил» Короля? Не пришел ли Король со своей «кодлой» на смену «олейниковцам», правившим на ванинской пересылке?

Нет, нет и еще раз нет. Воспоминания Бронштейна я бы назвал не просто достоверными, но даже уникальными. Когда я собирал материалы для двухтомного исследования по истории профессиональной преступности в Советской России, мне попала небольшая публикация времен перестройки в одной из областных газет для осужденных. Это была беседа со старым «блатарем» о «сучьей войне». Арестант помимо «воров» и «сук» назвал множество группировок, борющихся за выживание: «беспредел», «махновщина», «казаки», «красные ша-

почки», «польские воры», «челюскинцы», или «один на льдине», «ломом подпоясанные», «пивоваровцы», «упоровцы», «ребровцы» и масса других. «Мастей, что костей» – завершил он свой перечень.

Почти все «масти» мне были известны, сведений о них я набрал достаточно. Единственную загадку представляли «упоровцы» и «ребровцы». Кто это такие? К «ребровцам» мы еще вернемся, а вот упоминание об «упоровцах» я встретил лишь у Бронштейна. Что придает его мемуарам особую достоверность.

Именно на рассказе об «упоровцах» мы остановимся, развенчивая мифического Короля. Вот как Валерий Бронштейн повествует о падении «сучьего режима» Сашки Олейникова:

«Мне пришлось наблюдать это изнутри и быть в самой гуще событий, названных потом ванинским бунтом.

Пришел эшелон из Воркуты, битком набитый урками разных мастей. Воров в законе направили в "бур", а остальные, преимущественно трюмленные суки, расположились в третьей зоне, как более отдаленной и свободной из всех других. Вот им-то и не понравились порядки, установленные здесь Олейником, который не позволял грабить мужика и даже играть в карты. Они стали роптать, объединяться в небольшие кучки, которые быстро расходились при появлении кого-то из комендатуры. Во главе недовольных встал Иван Упора, известный в лагерях Воркуты трюмленный вор с низким интеллектом, дегенеративным лицом и душой убийцы. Ходил он, окруженный своими приверженцами, в расстегнутом полушубке и зимней кожаной шапке с не завязанными ушами, клапаны которой располагались не поперек лица, а вдоль, и поэтому не завязанный шнурок клапана все время болтался перед его носом. По-другому свою шапку он никогда не носил и, по-видимому, считал это верхом блатной моды. С появлением упоровцев как будто уже налаженный порядок в зоне нарушился. Участились грабежи и убийства, и кормить стали также значительно хуже...

Чувствовалось, что Олейник постепенно терял власть и что-то должно было произойти. Следует сказать, что ни одному блатному, к какой бы он масти ни принадлежал, ехать на Колыму не хотелось. Там необходимо было работать, и кто ты есть: мужик, блатной или "сука" – не важно, на Колыме все должны вкалывать – иначе смерть. И порядки там были по рассказам не те, что на материке, долго не церемонились, не можешь работать или не хочешь, быстро отправляли на тот свет, чтоб не ел чужой хлеб, который нужен другим. Поэтому на тайной сходке урок всех мастей было решено поднять многотысячный лагерь на борьбу за отправку всех блатных назад на материк. Для этой

цели захватить власть внутри лагеря и убить Олейникова, а на его место поставить Ивана Упура и его людей. Кроме того, должны быть сразу же уничтожены все люди Сашки Олейника и его поддерживающие "суки" в лагере, потом захват санчасти и нескольких надзирателей в заложники, дальнейшие действия по обстановке. В темную ноябрьскую ночь перед октябрьскими праздниками я видел, что мелкие урки, возбужденно разговаривая, подходили к угловым стенкам бараков и вынимали из стены, вставленные между бревен металлические заточки, самодельные ножи и кинжалы...

"Ночь длинных ножей", как бы назвали ее гитлеровцы, произошла прямо под праздник с шестого на седьмое ноября 1948 года, когда и охрана была не так внимательна, и весь офицерский состав отмечал праздник дома. Удары ножей обрушились на сук из комендатуры там, где они были в то время. Помощника Олейникова по кличке Китаец прямо рядом со мной подняли на пики и остервенело добивали до тех пор, пока каждый из нападавших не ударил его ножом, а он сам превратился в бесформенный кусок мяса. Часть "сук" из комендатуры, которых не застали врасплох, отбиваясь от нападавших, смогли добраться до запретных зон у стен лагеря и залечь там под прикрытием пулеметов охранников.

Сашку Олейникова, согласно неписаному закону, пришел убивать сам Иван Упура. И постучав в дверь комнатухи, где тот спал, он предложил ему открыть дверь и рассчитаться. Тот немного выждал, а потом внезапно выскочил в одном белье, держа в одной руке нож, а в другой табуретку. Его напор был стремителен, и, по-видимому, нападавшие, зная силу и храбрость Олейника, немного растерялись.

Ловко орудуя ножом и защищаясь табуреткой, получив лишь небольшое ранение, Олейнику удалось добраться до проходной и скрыться среди солдат охраны лагеря. В эту ночь всего зарезано было человек семьдесят. Точное число погибших знало только лагерное начальство...

Основная группа упоровцев после резни укрылась в санчасти и утром выдвинула свой ультиматум: Иван Упура становится комендантом и формирует состав до отправки всех уроков назад на материк; после чего они освобождают помещение санчасти, всех врачей и четырех захваченных ими надзирателей. Через сутки руководство лагеря дало положительный ответ, предварительно согласовав его с управлением в Магадане, но, как потом выяснилось, затаило при этом, как говорится, большое хамство.

Уповорвцы свою победу праздновали долго и с большим восторгом. Для всех зеков устроили как бы праздничный обед. В баланду дополнительно к акулам было нарезано немного картошки и насыпано крупы. Возобновились обходы барачков членами комендатуры во главе с Иваном Упорой, и он лично интересовался нашим житьем-бытьем. Однако порядка в зоне стало значительно меньше, и пожаловаться на распоясавшуюся всякого рода шпану было некому. Да и сама комендатура вела себя, как шайка обычных бандитов, которыми они и были, но к тому же дорвавшихся до власти и потому делавших все что хотели; правда, мира и согласия между собой у них также не было.

С приходом в комендатуру Ивана Упоры участились случаи смерти от голода. Выдаваемую зеку законную пайку уже теперь никто не охранял. Особенно доставалось интеллигентам из города, которые бороться за свою жизнь практически не могли и не умели. Поэтому многие быстро опускались и кормились из помойки».

Но весной 1949 года начальство ГУЛАГа сполна отыгралось за унижение:

«...В солнечный день апреля всем главным уркам в законе было приказано собраться у вахты лагеря с вещами. Мы наблюдали трогательные сцены прощания уезжающих с коллегами, остающимися в Ванино, – поцелуи, объятия и даже слезы. Когда все уезжающие собрались, их стали выводить за ворота. Впереди шествовал Иван Упора и его ближайшие помощники. Ворота лагеря закрылись, и вдруг на глазах у остолбеневших от изумления блатных вся группа за пределами лагеря была окружена солдатами регулярных войск МВД с автоматами. Им было приказано лечь вниз лицом на землю, руки заломили за спину и надели наручники. Потом все они были помещены в спецтюрьму за пределами пересылки. Оставшиеся в зоне урки взорвались криком, воем и свистом. Весь лагерь пришел в движение, тут же организованные летучие отряды из воров, захватили административное здание внутри зоны, а в заложники были взяты все надзиратели, находившиеся в этот момент в лагере, и в том числе начальник учебно-воспитательной части пересылки старший лейтенант Борисов. Требование воров: вернуть назад в лагерь всех урок, заключенных в тюрьму.

Внутри всех зон установился беспредел и анархия. Начались перебои не только с едой, но стало не хватать и воды. Комендатура перестала работать, и каждый барак объявил свой суверенитет, на основе закона тайги, где сила определяла и власть...

Подойдя к первому барaku, находящемуся напротив ворот вахты, где я жил раньше, обратил внимание, что здесь толпилось много народа, часть из которого грелась на солнце, а другие о чем-то оживленно говорили. Большая группа блатных почковалась отдельно, перебрасывалась между собой матом, и все они были вооружены прутьями и палками. Только я собрался зайти в барак, как вдруг ворота распахнулись, и за ними стояла цепь солдат с автоматами, направленными на людей в зоне. Еще не соображая ничего, я рухнул на землю, сказался фронтовой инстинкт, и тут же затрещали очереди из автоматов, и цепь двинулась внутрь лагеря...

Люди заматались, бросились бежать в ужасе, забивались в разные щели. Я остался лежать у барака, а автоматчики прошли мимо меня, непрерывно стреляя... В этот день было убито и ранено около ста человек, преимущественно мужиков. Но восстание уголовников в бухте Ванино было подавлено, и заложники освобождены.

На следующий день стали грузить в трюмы теплохода людей. Последними, в наручниках, туда были отправлены все главные урки, находящиеся в тюрьме, и среди них Сашка Олейников и Иван Упора. После отплытия "Советской Латвии" народу в зоне значительно поубавилось, но освобожденные места постепенно заполнялись вновь прибывающими.

Это хроника 1948–1949 годов, пересказанная очевидцем и участником событий. Ни о королях, ни о графах в ней и речи нет. Поэтому следует признать как факт: шаламовский рассказ о «блатном вояке» «с душком» – абсолютный вымысел. Но что значит «вымысел»? Да, не было Короля. Но были Пивовар, Сашка Олейников, Иван Упора и многие другие «суки», «трюмленные воры», мировоззрение и поступки которых Варлам Тихонович отразил в одном «полулегендарном» образе.

Конечно, не стоит переоценивать документальность шаламовской «Сучьей войны». Это скорее «вариации на тему». Варлам Тихонович в форме документального очерка доносит до читателя свой взгляд на профессиональный преступный мир, используя для этого те средства, которые кажутся ему наиболее подходящими. И здесь уместно обратиться к воспоминаниям Бориса Лесняка «Я к вам пришел», где в главе «Разными глазами» автор пишет:

«Помню один разговор с Варламом на Беличьей. Он говорил мне о событии, свидетелями которого мы были оба. То, что он говорил, не было похоже на то, что я видел и слышал. Оценки его совершенно не совпадали с моими. Я был молод и самонадеян, собственным наблю-

дениям доверял полностью. Я ему возражал. Он же в ответ развивал стройную, связную концепцию. Но она не убеждала меня. Уже тогда я подумал: что это? Или он видит дальше и глубже меня, или мир им воспринимается иначе, нежели мною? Я относился с большим уважением к нему, его жизненному опыту, его знаниям, недюжинности. Но я и себе верил, и это сбивало меня с толку.

Позже я не единожды вспоминал этот разговор на Беличьей и приходил к мысли, что сработывал в Шаламове врожденный писатель, который и обобщал, и домысливал, и воображением дополнял то, чего не хватало для созданной им самой картины. Эта догадка моя подтвердилась во многом, когда впервые читал его “Колымские рассказы”.

В письме Лесняку от 23 марта 1963 года Шаламов в целом подтверждает его догадку:

«...Тебе надо очень хорошо понять: правда действительности и художественная правда — вещи разные. Истинно художественное произведение — всегда отбор, обобщение, вывод. В рассказе нужна выдумка, вымысел, “заострение сюжета”. К основной схеме должны быть присоединены наблюдения разновременные, ибо рассказ — не описание случая. Третье: наша сила в нашем материале, в его достоверности. И любой прямой мемуар в полном согласии с датами и именами более “соответствует” нашим знаниям о предмете.

У произведения, имеющего вид документа, — сила особая.

Вот оно, точное определение — «произведение, имеющее вид документа»! Не документ, но «имеющее его вид». Временные смещения, присутствие художественного вымысла, соответствующая расстановка акцентов и т.д. — все это делает шаламовское произведение в большей мере публицистическим. Что не исключает и документальности.

Мы упоминали, что лишь у Бронштейна подробно рассказано об «упоровцах», что делает его мемуары особо ценными. Но не следует забывать и о другой таинственной «масти» — о «ребровцах». О них сведений тоже почти не сохранилось. Вот именно — почти. Потому что единственную зацепку мы находим как раз у Варлама Шаламова в «Очерках преступного мира». Правда, не в «Сучьей войне», а в другом исследовании — «Аполлон среди блатных». Здесь писатель подробно рассказывает о «законнике» Иване Реброве:

«Из десятков тысяч блатарских лиц вспоминаются лишь двое, для которых книга не была чем-то враждебным, чужим и чуждым. Первым был карманник Ребров, потомственный вор, — его отец и старший брат делали ту же карьеру. Ребров был парень философского склада, чело-

век, который мог выдать себя за кого угодно, мог поддержать любой разговор на общие темы с "понятием".

В юности Реброву удалось получить и кое-какое образование – он учился в кинематографическом техникуме. В семье любимая им мать вела бешеную борьбу за младшего сына, стремясь ценой чего угодно спасти его от страшной участи отца и брата. Однако "жульническая кровь" оказалась сильнее любви к матери, и Ребров, оставив техникум, никогда ничем, кроме краж, не занимался. Мать не прекращала борьбы за сына. Она женила его на подруге своей дочери, на сельской учительнице. Ее Ребров когда-то изнасиловал, но потом, по настоянию матери, женился на ней и жил, в общем, счастливо, всегда возвращаясь к ней после многочисленных своих "отсидок". Жена родила Реброву двух дочурок, фотографии которых он постоянно носил с собой. Жена ему часто писала, утешала его, как могла, и он никогда не "хлестался", то есть не хвастался ее любовью и писем ее никому не показывал, хотя женские письма всегда делались достоянием всех "корешков" блатаря. Было ему за тридцать лет. Впоследствии он перешел в "сучий" воровской закон и был зарезан в одном из бесчисленных кровавых боев.

Воры относились к нему с уважением, но с нелюбовью и подозрительностью. Любовь к чтению, вообще грамотность претила им. Натура Реброва для товарищей была сложной, а потому непонятной и тревожной».

Таким образом, следует признать, что Варлам Тихонович был, что называется, «глубоко в теме», и художественность, определенная мировоззренческая тенденциозность не мешали ему хорошо разбираться в тонкостях воровской резни, достаточно ясно понимать суть «сучьей войны». Так что вполне возможно, что и названные в очерке «видные воры – Полтора Ивана Бабаланов и Полтора Ивана Грек», умершие, не поцеловав «сучьего» ножа, и «другие, не менее видные, – Чибис, Мишка-одессит», которые «поцеловали и убивали теперь блатных во славу "сучью"», – как и Иван Ребров, вполне реальные лица.

Кстати, по поводу обряда «целования ножа». О нем вспоминали практически все арестанты ГУЛАГа, с которыми мне удалось беседовать о «сучьей войне». Любопытно, что работники мест лишения свободы, рассказывая об этом, обязательно ссылались только на свидетельства эзков, подчеркивая, что сами они такого обряда никогда не видели.

Некоторые арестанты вспоминают и другие подробности. Писатель Анатолий Жигулин, «малолеткой» побывавший в ГУЛАГе, рассказывал, будто бы в лагере, где он отбывал наказание, вместо ножа целовали... половой член «главного суки»! Не подвергая сомнению это свидетельство, все же оговоримся: если подобные «церемонии» и имели место, то лишь в отдельных лагерях – как местная «самодеятельность», но не как осуществление общего «сучьего закона». Такое «целование», скорее всего, не переводило бывшего вора в разряд «сук», а делало изгоем, ничтожеством, «пидором». Ведь целование члена или даже невольное прикосновение к нему губами расценивается в уголовно-арестантском мире наравне с половым актом в качестве пассивного партнера. (Причем даже необязательно дотрагиваться губами: фаллос могут положить жертве за ухо, и эта процедура тоже считается «опусканием», переводом арестанта в касту «неприкасаемых», отверженных, «обиженных».)

Вадим Туманов, как мы помним, вспоминал об ударе в колокол (или в подвешенную рельсу – «цингу»).

О том же, кстати, говорит в своем очерке и Шаламов, знакомя читателя с некоторыми постулатами «воровского закона»:

«Щепетильность преступного мира в этом вопросе очень велика, правоверные толкования некоторых сложных дел напоминают тонкую и извилистую логику Талмуда.

Пример: вор идет мимо вахты. Дежурный надзиратель кричит ему: "Эй, ударь, пожалуйста, в рельс, позвони, мимо идешь..." Если вор ударит в рельс – сигнал побудок и проверок, – он уже нарушил закон, "подсучился".

Еще раз повторим: следует подчеркнуть различие между «трюмиловкой» и «целованием ножа». «Целование» возникло позже, когда у «ссученных» появилось свободное время для творческой деятельности по отработке «театральных церемоний». «Трюмиловки» же носили чисто «прикладной» характер: запугать, сломить, привлечь в свои ряды «честных воров».

Конечно, в конце концов для арестантов и «воров» все эти различия между «трюмиловкой» и «целованием» – а также ударом в рельсу и пр. – стерлись.

В своих воспоминаниях Вадим Туманов, например, обряд «гнуловки» «воров» при стечении эзков на плацу называет именно «трюмиловкой». Однако необходимо помнить, что поначалу разница была. «Трюмиловки» проходили в тюремных камерах. Для «целования» нужна была торжественная атмосфера, множество зрителей. Для этого под-

ходил только лагерный (или пересыльный) плац, в центре которого становился главный «сука» со своими подручными. «Воров» выдергивали поодиночке, они представляли перед сотнями глаз, и отказ от «идеи», от воровского звания был крайне унижительным. Необходимо также отметить еще одну особенность обряда «целования ножа». Каждый новичок, отказавшийся от «воровского закона» и принявший «сучий», обязан был не только поцеловать нож. Он должен был при всей собравшейся толпе доказать приверженность «сучьему закону», тут же лично убив одного из «несгибаемых воров», отказавшихся приложиться губами к «сучьему перу». Убивали несколькими способами; самыми распространенными были – резать ножом или забить ломом (на Севере были популярны также «забурники» – наконечники на буровом оборудовании, при помощи которых бурились скважины). При «трюмиловках» все эти действия теряли бы эффект «публичности», массового действия, жуткого театрального спектакля. Поэтому «трюмить» воров вскоре стало для «сук» неинтересно. Гастроли Пивовара с подручными по тюрьмам стали все реже. «Целование» же становилось чрезвычайно популярным «обрядом».

Шаламов смещает «целование» к началу «сучьей войны»: ему тоже нужна театральная, впечатляющая, жуткая картина расправ «сук» над «ворами». Впрочем, для публицистического произведения такая вольность, думается, простительна. Однако о ней надо помнить тем, кто пытается сослаться на очерк Варлама Тихоновича как на документальное свидетельство.

То же самое мы наблюдаем и в рассказе о «третьем воровском законе». Вот что пишет Шаламов:

«На втором году этой "братоубийственной" войны обозначилось некое новое важное обстоятельство.

Вовсе не все целовавшие нож одобряли новые "сучьи" скрижали. Многие, очень многие в душе оставались приверженцами старых законов – ведь они сами осуждали "сук". Часть этих слабых духом бла-тарей попробовали при удобном случае вернуться в "закон". Но – королевская мысль Короля еще раз показала свою глубину и силу. Вору "законные" грозили новообращенным "сукам" смертью и не хотели отличать их от кадровых "сук". Тогда несколько старых воров, поцеловавших "сучье" железо, воров, которым стыд не давал покоя и кормил их злобу, сделали еще один удивительный ход.

Объявлен был третий воровской закон. На этот раз для разработки "идейной" платформы у блатных третьего закона не хватило теоретических сил. Они не руководились ничем, кроме злобы, и не выдвигали

никаких лозунгов, кроме лозунга мести и кровавой вражды к "сукам" и к ворам – в равной мере. Они приступили к физическому уничтожению тех и других. В эту группу поначалу вошло так неожиданно много уркаганов, что начальству пришлось и для них выделить отдельный прииск. Ряд новых убийств, вовсе не предвиденных начальством, привел в большое смущение умы лагерных работников.

Блатари третьей группы получили выразительное название "беспредельщины". "Беспредельщину" зовут также "махновцами" – афоризм Нестора Махно времен Гражданской войны о своем отношении к красным и белым хорошо известен в блатном мире. Стали рождаться новые и новые группы, принимавшие самые различные названия, например "красные шапочки". Лагерное начальство сбилось с ног, обеспечивая всем этим группам отдельные помещения.

В дальнейшем выяснилось, что "беспредельщины" не так много. Воры действуют всегда в компании – одинокий блатарь невозможен. Публичность кутежей, "правил" в воровском подполье нужна и большим, и малым ворами. Нужно принадлежать к какому-то миру, искать и находить там помощь, дружбу, совместное дело.

"Беспредельщина", по существу, трагична. В "сучьей" войне она имела не много сторонников и была ярким явлением психологического порядка, вызывая к себе интерес именно с этой стороны. "Беспредельщине" пришлось испытать и много особых унижений.

Дело в том, что по приказу охраняемые конвоем камеры пересылок были двух видов: для воров "в законе" и воров-"сук". "Беспредельщикам" же приходилось выпрашивать у начальства место, долго объяснять, ютиться где-нибудь в уголках, среди фраеров, которые относились к ним без всякой симпатии...»

Поразительная по точности характеристика! Однако, как следует из воспоминаний Валерия Бронштейна, на самом деле «промежуточная масть», которую называли «трюмлеными ворами», появилась еще в середине 1948 года, а не на втором году «братоубийственной войны» (по Шаламову, это 1949 год). Это было бы не столь важно, если бы не кровавый ванинский бунт и резня между «суками» и «трюмлеными» – фактически теми же «беспредельщиками». Значит, глубокий раскол в «сучьем стане», который привел к возникновению «беспредела», произошел как минимум годом ранее.

Впрочем, Шаламову не столь важно было дать правильную датировку, сколь обозначить само событие. Варлам Тихонович к тому же

рисует «воровскую эпопею» широкими мазками, не вдаваясь в особые подробности. Не это его цель. Главное – показать гнилость «блатарей» независимо от их «окраса». Как говорится, «волк линяет, а нрава не меняет». Поэтому он и не вдаётся в тонкие различия «беспредельщиков». А ведь они были.

Как следует из свидетельств других лагерников, между «беспредельщиками» в лице «трюмленных воров» и той же «махновщины» существовала разница. «Беспределом» называли преимущественно первых, действительно не знавших предела в выплесках своей агрессии, направленной на всех арестантов – в том числе и на «фраеров», и на «политиков», и на «мужиков». Эти люди ненавидели всех, в том числе и лагерное начальство. Они образовали, так сказать, «потерянное воровское поколение». Их унизили, и теперь они пытались всячески самоутвердиться, унижая всех остальных.

«Махновцами» же чаще называли себя так называемые «полуцветные», то есть те, кто крутился вокруг «воров в законе», но не был удостоен «коронования» в «честные вору». Они по своим личностным качествам не способны были выбиться в лидеры и все время подвизались на вторых ролях – их называли еще «воровской пристяжкой». Многие из «полуцвета» считали, что воровской мир несправедливо обходится с ними, не допуская к власти и не воздавая по заслугам. «Пристяжь» была убеждена, что так получается из-за нежелания «верхних» допустить лишние рты к воровской «кормушке». С другой стороны, эти уголовники с ненавистью и презрением относились и к «сукам», предавшим старые «традиции» и снюхавшимся с «ментами».

Воспользовавшись «резней», часть «полуцветных» начала борьбу за власть в воровском мире и свое место под солнцем.

Была даже подведена «идейная» платформа: мол, немало в верхах старого воровского мира оказалось «гнилых», слабых духом людей. Все потому, что воровские «кадры» подбирались часто не по «деловым» и «моральным» качествам, а по блату, по принципу личной преданности. И многие из действительно достойных «босяков», «бродяг» оказались «за бортом», зачастую унижались и использовались в качестве «шестерок», «пехоты». А когда пришла пора испытаний, проявилась вся гниль этих «цветных», которые не в состоянии даже постоять за «воровскую идею». Определенная доля истины в этих словах, конечно, была. Немало «честняков» дрогнуло перед «сучьими» «пиковинами» и «трюмилловками». Однако многие предпочитали умереть, но не предавать «закон».

«Махновцы» сознательно ставили себя выше и «сук», и «воров». По «понятиям», не роняли «чести», не отказывались от «идеи» в обмен за жизнь. Потому и звались «махновщиной», вспоминая известный принцип бесшабашного батьки Нестора Махно – «Бей красных, пока не побелеют, бей белых, пока не покраснеют» (на него намекает и Варлам Шаламов в своем рассказе о «беспредельщине»).

К «махновцам» примыкали арестанты, которые не имели корней в профессиональном преступном мире. Обычно это были крепкие парни из раскулаченных крестьян, потерявшие почву под ногами, ненавидевшие и советскую власть, и вообще все вокруг. У них отобрали и уклад, и веру, и надежду на будущее... Они организовывали свои группы под самыми разными лихими названиями – например, «дери-бери» и проч.

Особенно много было среди таких арестантов южан, выходцев из казачьих семей – с Донщины, Ставрополя, Кубани. Казачество с самого начала революции постоянно считалось «русской Вандеей», поскольку казак испокон веку подчеркивал свою независимость и вольность, в отличие от крестьян Центральной России, которые на юге презрительно именовались «кацапами», были более терпеливы и покорны. Не забыли вольные жители Юга и кровавого «расказачивания». Не случайно многие казаки во время Второй мировой войны воевали против Красной Армии на стороне германских войск. После войны, выданные союзниками Советской России, они пополнили ГУЛАГ. В мае-июне 1945 года в южноавстрийском городе Лиенце (Линце) значительная часть казаков была передана советским войскам согласно тайным договоренностям, заключенным в Ялте. Всего же общая численность казачьих войск и казачьих семей, подвергшихся репатриации, составила более 50 тысяч человек.

Можно представить, с каким настроением попадали казаки в гулаговские лагеря. Сюда их дошло чуть более половины от общего числа интернированных. Многих просто расстреляли (прежде всего – офицеров). В ГУЛАГе они ненавидели «начальничков» в военной форме, ненавидели общую массу арестантов, «пахавших» на эту власть, в том числе и «политиков», ненавидели «сук», часть которых воевала в штрафных формированиях за Совдепию. Не питали они любви и к воровскому «братству».

Конечно, в общей арестантской массе казаков было не так много. Но зато они отличались злостью и агрессивностью. Иногда они действовали сами по себе, часто примыкали к «махновцам». Ведь чисто «казачьему» движению невозможно было существовать длительное

время: мгновенно подвели бы «политическую» 58-ю статью и «расшлепали» как «фашистов». А в уголовном «коллективе», как казалось казакам-арестантам, действовать значительно проще и безопаснее.

Арестантское сообщество зорким своим глазом выделило эту группировку. Так их и называли – «казаки». Это слово в лагерях стало синонимом «беспредела» и «махновщины». «Казачить» кого-либо значило то же, что «беспредельничать», «обжимать», «дербанить». Лагерный бандитизм получил язвительное название «казачий стос» (стос – популярнейшая блатная карточная игра, «казачий стос» – это беспроигрышная «игра», грабег).

У старых арестантов, с которыми мне довелось беседовать, нередко проскальзывали в разговоре выражения «злой, собака, как казак», «был там какой-то долбанный есаул», «с Дона, недобиток казачий» и т.д. Арестантский народ не слишком жаловал казаков – прежде всего за их характер.

Так кто же победил?

Не найдем мы в очерке «Сучья война» и рассказа о многих других «мастях», возникших в это время и непосредственно имевших отношение к воровской резне: «красные шапочки» (арестанты из военных, сплоченные по принципу фронтового братства), «польские воры» (уголовники из Польши, Западной Украины и Прибалтики, которые придерживались своих понятий, не совпадавших ни с «воровскими», ни с «сучьими»), «челюскинцы», или «один на льдине» (уголовники-индивидуалисты, не желавшие принимать участия в резне «воров» и «сук» и вообще примыкать к какой-либо группировке), «ломом подпоясанные» («мужики», которые давали физический отпор и ворами, и «сукам»), «бабочки» (особо отчаянные воры, наносившие на лицо или шею татуировку мотылька как знак непримиримости к «сукам») и т.д.

Многого, видимо, Шаламов не знал, да и не стремился узнать. Зачем? Ему вполне хватало материала, чтобы выстроить свою стройную мировоззренческую теорию о необходимости уничтожения всего воровского мира. Полутона, детали, подробности, которые бы могли вызвать сочувствие к «Карфагену» или хотя бы какие-то сомнения и колебания, ему были не нужны. И в этом смысле можно отметить удивительную цельность, последовательность и художественную убедительность шаламовской летописи «сучьей войны». Впрочем, как и других произведений цикла «Очерки преступного мира».

Совершенно не интересны Варламу Тихоновичу и подробности так называемой «мясни» – пика «сучьей войны», когда резня в ГУЛАГе до-

стигла таких масштабов, что администрации пришлось создавать сначала изолированные зоны для каждой из противоборствующих сторон внутри лагеря, а затем – отдельно «воровские» и «сучьи» лагеря. Ему достаточно просто обозначить эту тему:

«Распоряжения о невмешательстве были вскоре отменены и повсюду созданы отдельные, особые зоны – для “сук” и для воров “в законе”. Поспешно, и все же поздно... Оказалось, что создание особых зон на территории одного лагеря не приносит никакой пользы. Кровь лилась по-прежнему. Пришлось закрепить за ворами и “суками” отдельные прииски (где, конечно, наряду с уголовщиной работали и представители других статей кодекса). Создавались экспедиции – налеты вооруженных “сук” или воров на “вражеские” зоны. Пришлось сделать еще один организационный шаг – целые приисковые управления, объединяющие несколько приисков, закрепить за ворами и “суками”. Так, все Западное управление с его больницами, тюрьмами, лагерями осталось “сукам”, а в Северном управлении сосредоточивали воров...

На пересылках каждый блатной должен был сообщить начальству, кто он – вор или “сука”, и в зависимости от ответа он подключался в этап, направляемый туда, где блатарю не грозила смерть».

Вообще по отношению к «несущественным деталям» Шаламов любопытен. Особенно это сказывается к концу очерка. Вот он пишет:

«Первый год казалось, что перевес будет за “суками”. Энергичные действия их главарей, воровские трупы на всех пересылках, разрешение направлять “сук” на те прииски, куда раньше направлять их не рисковали, – все это были признаки “сучьего” преимущества в “войне”. Вербовка “сук” путем обряда целования ножа приобрела широкую известность. Магаданская пересылка была прочно занята “суками”. Кончалась зима, и блатные «в законе» жадно ждали начала навигации. Первый пароход должен был решить их судьбу. Что он привезет – жизнь или смерть?»

С пароходом прибыли первые сотни правоверных блатарей с материка. Среди них не было “сук”!»

Но почему же с новым этапом прибыли только «честняки»? Писатель не вдаётся в разъяснения. Кто умный, тот поймет. Между тем это достаточно важно и опять-таки связано с указами «четыре шестых» и особо – с позицией гулаговского начальства. То, что воровской мир понес серьезные потери, – заслуга прежде всего администрации ГУЛАГа, полностью поддержавшей на первых порах «сучью инициативу». Казалось, что «суки» легко одержат верх над «блатными» с помо-

щью «гнуловок» и «трюмиловок». Но при любых раскладах численное превосходство «блатных» над «суками» было слишком велико. В результате бесперебойного действия указов от 6 июня 1947 года через пересыльные тюрьмы шли многотысячные этапы, и «сучим» гастролерам не под силу было обработать их. В лучшем случае из этапа на их долю выпадало несколько камер. Остальные вору успешно добирались до лагерей. А тут дело принимало другой оборот. В лагере «законники» могли вооружиться как следует и дать отпор даже в том случае, когда начальству удавалось оставить их в меньшинстве и нагнать в «зону» «ссученных». В общем, «суки» в лагерях встретили жестокое сопротивление.

Переломной оказалась весна 1949 года, когда с открытием навигации на Колыму потекли новые этапы с материка. Указ «четыре шестых» сработал на воровской мир: знаменитый пароход «Джурма» был набит под завязку «цветом» «блатного мира»! Послевоенное советское общество основательно занялось чисткой своих городов и весей. Как пишет Шаламов, уже в 1948 году в результате резни «воров» и «сук» цифра «архива № 3» (умершие) резко подскочила вверх, «чуть не достигая рекордных высот 1938 года, когда “троцкистов” расстреливали целыми бригадами». «Суки» и «воры», попадая на одну «командировку», сходу хватались за «пики» и дрыны и бросались друг на друга. Кровь лилась рекой. Под горячую руку попадали все, без разбора, в том числе арестанты, не имевшие отношения ни к «ворам», ни к «сукам». Человеческая жизнь вообще перестала что-либо стоить. Один из тогдашних арестантов вспоминает:

«До сих пор помню состояние бессилия, которое испытывал, когда вечером после работы лагерную тишину вдруг разрывал истошный крик и очередная жертва беспредела валилась на землю с распоротым животом. Расправы в лагере в те времена были делом обычным и с каждым годом приобретали все более внушительные размеры» (Ким Пархоменко. «ГУЛАГ, да не так»).

Шаламов упорно пытается представить дело таким образом, будто «хитрые суки» «обманули лагерное начальство»:

«Выяснилось, что в заманчивой формуле “новый воровской закон” главное значение имеет слово “воровской”, и ни о каких “перековках” не идет и речи. Начальство было еще раз одурачено – жестоким и умным Королем».

На самом же деле, конечно, ни о какой доверчивости «простоватых начальничков» не могло быть и речи. Это как раз чекисты, воспользовавшись ситуацией, сознательно провоцировали самоуничтожение

профессиональных уголовников. Шаламов, правда, отмечает это – но как-то вскользь и глухо:

«Выходило так, что начальство, помещая вместе блатных и “сук”, сознательно подвергает тех или других смертельной опасности».

Нет, не просто подвергало – целенаправленно стравливало! Об этом свидетельствуют многие лагерники – Александр Жигулин, Ахто Леви и т.д. Это была продуманная политика стравливания профессионалов уголовного мира, не стихийная бойня, а управляемый чекистами процесс, имевший целью уничтожение организованной преступности или хотя бы такой мощный удар по ней, после которого она не могла бы оправиться как можно дольше. О том, что «воровской» этап направляется в «сучью» зону или «сучий» – в «воровскую», знало как руководство пересыльной тюрьмы, так и руководство лагеря назначения. А через него оповещались и, так сказать, «коренные» арестанты. Которые соответствующим образом готовились к приему «гостей».

Процесс этот был хорошо управляем, и при желании его нетрудно было бы пресечь. Так и произошло: когда власти решили, что результат достигнут, они быстро его свернули. После указания ГУЛАГа МВД СССР от 12 сентября 1955 года «О мерах по разложению и ликвидации враждующих групп в среде уголовно-бандитствующего элемента из числа заключенных» последние отголоски «сучьей войны» мгновенно стихли.

Обратим внимание на одну странность: из шаламовского очерка читатель так и не узнает, чем же закончилась эта самая «сучья война»? Кто же в ней победил? И были ли победители вообще? Какое влияние она оказала в дальнейшем на лагерный мир и его законы?

На все эти вопросы писатель не отвечает. Он просто не ставил перед собой такой цели. Очерк завершается сентенцией:

«История уголовщины, насчитывающая много тысячелетий, знает много примеров кровавой борьбы бандитских шаяк между собой – за зоны грабежа, за господство в преступном мире. Однако многие особенности “сучьей” войны делают ее событием, единственным в своем роде».

Карфаген должен быть разрушен! Разве не ясно? Так не все ли равно, какой из людоедов одержал верх в резне?

На самом же деле значение «сучьей войны» для формирования совершенно новой идеологии воровского мира огромно. Серьезное изучение источников, беседы со старыми лагерниками дают основание сделать вывод о том, что именно массовая резня «сук» и «воров»

привела к значительному укреплению позиций воровского мира и возникновению романтического ореола вокруг «законников» как в местах лишения свободы, так и на воле. «Сучья война» укрепила изнутри, сплотила уголовное «братство», подтолкнула его к серьезным реформам. И в результате наша страна получила еще более изощренное, искусно организованное и мощное преступное сообщество.

Основная масса зэков настороженно и зло относилась как к «ворам», так и к «сукам». Однако к «воровскому» миру значительная часть «сидельцев» в период «резни» стала относиться лучше, чем к «сучьему». Объясняется это просто. «Воры», конечно, были закоренелыми преступниками, – но они и не скрывали своих взглядов, готовы были принять за них мученическую смерть. «Суки» же воспринимались как лицемеры и холуи, которые добивались той же власти над «фраерами», как и воры. И в этом им способствовала ненавидимая арестантами администрация лагерей! Постепенно, в результате «трюмиловок» и обрядов «целования ножа», «воры» в глазах остальных заключенных приобретали мученический ореол, становились жертвами, «страдальцами». Такова уж русская душа – жалеть тех, кто подвергается гонениям...

Есть и еще одно обстоятельство. «Сукам» не нужны были ни сочувствие, ни поддержка «мужицкой» и «фраерской» массы. Чувствуя поддержку лагерного начальства, они вели себя как хозяева положения. «Вору» же настраивать против себя «мужика» было бы полным безрассудством: «начальнички» за него не заступятся, а если «мужик» объединится с «суками» (которые на словах выступали «народными защитниками»), то «ворам» – конец.

«Сучья война» заставила «воров» понять: нельзя «переть по борозью». Нельзя открыто и беспредельно издеваться над «мужиками», «оленьями», «штыпками», «чертями» и т.д. Нельзя безнаказанно их унижать, грабить, «дербанить» их «сидоры», «кешари» и «баулы». Именно в простом арестанте надо искать союзника. Именно в умы рядовых «сидельцев» следует вдалбливать «идеи» о том, что «воровской» мир строг, но справедлив, что вор никогда не обидит «честного арестанта», не позволит сделать этого и другим, защитит от «беспредела». «Воровской закон» стал меняться, и «мужик» качнулся в сторону «честного вора». Вот что пишет Ахто Леви:

«По признаку своей породы воры и суки – одна шуба, только в последнем варианте наизнанку. Вор по закону не работал сам и не заставлял мужика, но делал так, чтобы тот работал на вора добровольно; суки принуждали мужика работать насильно и сами становились бригадирами, десятниками, нарядчиками, комендантами, что ворам

было заказано их законом. А гражданину начальнику суки нравились больше, чем воры. Скиталец знал, что заработная плата, даже мизерная, ему у сук не светит: – в этом суки тоже отличались от воров: те оставляли мужику столько, чтобы у него не отпадала охота работать, суки же отнимали все, оставляя только пайку («Мор»).

Последствием междоусобной резни стало то, что вор провозгласил себя радетелем за арестантское благо, защитником и покровителем «сидельца». Простой зэк стал замечать что-то странное. Там у старика здоровые «лбы» отняли передачу – и вот уже на глазах у всех арестантов по приказу «вора» «беспредельщиков» забивают ломami. Вору сообщили, что у одного из «мужиков» умерла жена, на воле сиротами осталось двое малолетних детей. Через некоторое время «мужик» узнает, что его ребят одели, обули, «подогнали» немного денег на первое время... Это не пустые байки – так действительно случилось!

Конечно, подобных случаев показательного благородства было не так много. И все они были рассчитаны на театральный эффект, передавались из уст в уста, обрастали удивительными подробностями... Но мощная, хитроумная пропаганда давала свои результаты. Они ощутимы и по сей день. И сейчас на «зоне» «мужик» в трудную минуту скорее обратится за помощью к «вору», «смотрящему», «положенцу», а не к администрации. Ему помогут далеко не всегда. Однако внимательно выслушают и скажут пару нужных слов. Добрых. Сочувственных. Особо «оборзевшего» «баклана» быстро «обломают». А уж если помогут «пассажиру» – об этом будет знать вся зона, и за зоной, и родственники, и знакомые... Это – прямое последствие «сучьей войны».

Правда, чтобы урок был освоен окончательно, «ворам» предстояло усвоить горький опыт «мужицких войн». «Мужицкие» выступления широким фронтом прошли по всему ГУЛАГу в середине 50-х. В лагерях того времени создалось парадоксальное положение. По старой, выработанной издавна привычке зэковскую массу гнали на все «великие стройки». При этом власти после ряда восстаний в особлагах идут на значительные уступки: в частности расширяется практика хозрасчетных отношений внутри лагеря. Используя арестантов на тяжелых и вредных работах, им теперь платят неплохую зарплату (даже принимая во внимание заниженные нормы и многочисленные вычеты), которую заключенные используют как им вздумается! Лагерные боны заменяются обычными деньгами, которые свободно ходят по зоне! Появляются коммерческие ларьки с обилием товаров, которые можно приобрести за наличные.

Вот как описывает обстановку тех лет один их старых «каторжан», Виктор Аникиенко (рассказанное им относится к концу 50-х годов):

«В те годы в лагерях, может быть, и было что-то от романтики. Доживали последние дни коммерческие столовые, магазины ломались от обилия шмоток и продуктов, которых и на свободе было не купить. По выходным шумные базары, барахолки с обязательными для таких атрибутами: карманниками, чернушниками, аферистами и пр. Вечерами гитары в бараке разрывались от тоски и грусти; шла игра по-крупному, «ширево», «шмаль». В промзоны и на объекты шастали девочки и срывали куш чистоганом» («Романтикам ГУЛАГа»).

С приходом перемен изменилась и психология «мужиков». Нищенский кусок отдавать было легче. Теперь же придется уступать ворами львиную долю довольно весомого заработка. Ради чего? Ради «воровской идеи»? Непонятного «закона»? И «мужики» встали на дыбы. Суровые «законники» – тоже. Как это – «мерины», «рогометы», «пыль лагерная» – и смеют выступать против элиты блатного мира?!

«Мужичьи войны» были не менее кровавыми, чем «сучьи». Но – более скоротечными. Расстановка сил и результат определились очень быстро. «Воровской» мир слишком уступал в численности миру «мужицко»-«фраерскому». Особенно после «бериевской» амнистии 27 марта 1953 года в связи со смертью Сталина. Лев Разгон в своих мемуарах вспоминает:

«После Сталина, когда повеяло либеральным ветерком, по всем лагерям прошли кровавые восстания “мужиков” против “законников” («Непридуманное»).

Все это прошло мимо Шаламова. К тому времени он уже был на свободе. Не отразил он в «Сучьей войне» и серьезных изменений в «традициях» и «понятиях» «воровского братства». Дело даже не в появлении «новой фени», то есть в изменении традиционного блатного жаргона (краем Шаламов затрагивает это в другой очерке). И не в появлении тайной символики татуировок – для того, чтобы отличить «суку» от «честняка», поскольку наколки обе «масти» до войны делали одинаковые. Это важно, но касается внешней стороны.

Гораздо важнее другое. До «сучьей войны» в ряды «воров» принимались тысячи уголовников. Пройдя не слишком сложный обряд «коронования», они получали «воровской титул». Основным в лагерях было деление на «блатных» и «фраеров» (в принципе, между последними и «мужиками» разница была не слишком существенной – с точки зрения отношения к ним). «Блатной» и «вор» означали практически

ки одно и то же (оставляя в стороне деление внутри касты на старших и младших).

Под влиянием резни с «суками» воровское сообщество создало более сложную и крутую иерархическую лестницу. Во главе ее по-прежнему стояли «воры в законе». Но разве это прежние «воры»? Чтобы получить титул «законника», теперь надо было обладать недюжинными организаторскими способностями, неординарными личностными качествами, заслугами перед преступным миром. Это признают даже те, кто находится в антагонистическом противостоянии с ворами – работники правоохранительных органов.

Вот, к примеру, мнение начальника Астраханского центра:

«Это, как правило, талантливые люди. Великолепные психологи. Это люди, которые любят власть и создают ее для себя сами... В некоторых руках она становится очень страшной» (В. Еремин. «Начальник тюрьмы»).

Это вовсе не похвала. Это – факт. В России сегодня, по приблизительным подсчетам, число «воров в законе» немногим более тысячи. Тех «воров», которых можно назвать (с большей или меньшей натяжкой) «истинными», значительно меньше. «Нэпманских», то есть «воров» старой закалки, придерживающихся (хотя бы на словах) прежних традиций, – менее сотни. Примерно столько же «авторитетных воров» – «сливок» преступного общества. Итак, тысяча – против прежних десятков тысяч.

Многие проблемы борьбы с нынешней российской профессиональной, организованной преступностью – порождение послевоенного ГУЛАГа. И созданы они не в последнюю очередь именно теми, кто встал на сторону «сук» и своими «чистыми» чекистскими руками выковал образ идеального «вора», воспитал и взлелеял хищных, талантливых и умных уголовников. Удивительнее всего, что еще сегодня находятся «ученые», которые вполне серьезно пытаются доказать, будто бы «сучья война» нанесла ощутимый удар по воровскому миру, явилась «удачной операцией по расслоению и размежеванию уголовщины».

Это то, что осталось за пределами шаламовского очерка. И не только потому, что великий писатель ко времени многих указанных изменений уже не отбывал наказание в ГУЛАГе. Скорее, как мы уже отмечали не раз, Варлама Тихоновича вообще не интересовали «технические детали». «Блатари» не поделили кусок, стали резать друг друга, а заодно и всех, кто попадался под руку. В этой войне нет правых. Нужно уничтожить обе стороны. Это единственное решение вопроса. Вот основной тезис «Сучьей войны».

Можно ли его разделить?

Значительная часть исследователей шаламовского творчества с радостью подхватывают этот призыв и выдают пафосные тирады, обрушиваясь с обвинениями на гуманистическую русскую литературную традицию, которая призывала к милосердию по отношению к арестантскому миру без разделения на «овец» и «козлиц» – профессиональных преступников и случайно оступившихся или невинно пострадавших.

«Неужели все повторится: снова будем “любить” и прощать преступников, называть их “несчастливыми”, “жертвами”, “хорошими ребятами”? Или же пройдем, наконец, целительную науку ненависти, которую настоятельно рекомендовал писатель?» – вопрошает один из знатоков шаламовского творчества Валерий Есипов в статье, которая так и называется – «Карфаген должен быть разрушен!». Ему вторят десятки других авторов. Даже не задумываясь о том, что истина не терпит подобной одномерности. В литературе такая одномерность допустима. В жизни – нет.

При всей своей отвратительности, жестокости, подлости мир профессиональной преступности все же не столь одномерен, как это представляет Шаламов. И если обратиться к десяткам мемуаров других лагерников, в этом можно убедиться. Ряды «уроков», «блатарей» пополнялись и раскулаченными крестьянами, и рабочими, и особенно детьми-беспризорниками. В рядах уголовников существовали определенные «этические нормы», которые по-своему были последовательными и логичными. Мир «воров» не возник из ниоткуда – его порождали социальные условия, а его изменения диктовались изменениями самого общества. Не искоренив причин появления профессиональных уголовников, невозможно уничтожить или хотя бы частично побороть это явление. Это азбучные истины. Но Варлам Тихонович, исходя из собственного отрицательного опыта, выработавшего в нем безграничную ненависть к «блатарям», озабочен не построением социологических теорий. Ему необходимо передать читателю все свое отвращение к «благородному преступному миру». Беспристрастным анализом пусть занимаются ученые мужи, не прошедшие ГУЛАГ.

Однако далеко не все лагерники разделяли взгляды Шаламова. Бывшая заключенная Галина Воронская (дочь революционера, писателя и литературоведа А.К. Воронского, расстрелянного в 1937 году), которая познакомилась с писателем в Центральной больнице для заключенных «Левый берег», вспоминала о спорах между Варламом Тихоновичем и ее мужем Иваном Степановичем Исаевым, тоже лагерником:

«С Иваном Степановичем раньше он немного поссорился. Поссорились, как это ни странно, из-за блатных. И я, и Иван Степанович считали, что блатные – люди, хотя и испорченные, исковерканные, но в большинстве из них осталось что-то человеческое. Конечно, среди них встречались те, которые уже потеряли людской облик. И в то же время я глубоко убеждена, что сейчас по улицам ходят люди вполне заслуженные и престижные, но, попав в экстремальные условия, неизвестно, как бы они себя вели. Может быть, даже хуже, много хуже этих блатных. Варлам Тихонович всех блатных за людей не считал. Он полагал, что у них потеряно все человеческое».

Не соглашались с Шаламовым и другие эзки, прошедшие через сталинские лагеря. Многие из них так же, как и Варлам Тихонович, непосредственно сталкивались с блатными. К примеру, Федор Ефимович Лоскутов, врач больницы «Левый берег», которого писатель называл «праведником», оказался более терпимым и менее категоричным.

Вот отрывок из письма Шаламова Лоскутову от 17 декабря 1964 года:

«Дорогой Федор Ефимович!

Я прошу Вас найти время, чтобы ответить мне на несколько вопросов. Я начал работу над рассказом о Вас и так как это рассказ, а не очерк – мне в Вашем ответе важна побудительная “мотивация”, что ли, психологическая сторона дела, а не хронология и т. д. Вопросов у меня много и прошу Вас писать ответ на них не кратко, а подробно.

...Вопрос 3. Лоскутов и блатари. Прошу честно изложить то, что Вы думаете по этому поводу».

Лоскутов в ответ пишет:

«4) Лоскутов и блатные.

В лагере было не много людей, которые вкладывались бы в нормальные тесты. Благодаря действию почти непрерывному отрицательных эмоций, люди делались, а некоторые и до лагеря были больны разными невротами, психозами и психостениями, шизофреники, блатные большинство таковыми были. В условиях воли они почти все неквалифицированные рабочие, социальные условия общие, среда, семья. Многие из них пришли в социальный мир тринадцатым поросенком, а сосок только 12. В связи с этим я и не разнил больных на блатных, бытовиков и политических, которых в сущности и не было, кроме ярлыка, приклеенного МВД, и которые считали себя ошибочно посаженными.

“Навару”, как Вы знаете, я от них не имел. Но убийство среди них приходилось иногда прекращать. Все же эти, в большинстве неграмот-

ные люди бунтовали против лагсистемы, оказывали какую-то помощь, если кто из них попадал в беду, а ведь у нашего брата этого не было?..»

Врач-арестант тактично указывает на то, что мир не делится лишь на черный и белый цвета. И «невинно осужденные» были мучениками с гнильцой, и у «блатарей» можно найти привлекательные качества.

«У нашего брата этого не было»... При всей своей порочности «честные воры» периода «сучьей войны» с их верностью «воровской идее» и готовностью идти из-за нее под нож вызывали невольное уважение и у лагерников, и у гулаговского начальства. И это отличало их от общей массы «овец», пытавшихся выжить. Что двигало ими? Почему романтический ореол «вора» сохраняется до сих пор – причем среди широкой массы людей?

Такие вопросы Варлам Тихонович предпочел не ставить. И он имел на это полное право.

Адрес редакции:

119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 448
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: +7(495) 637-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 30.07.2014 г.
Отпечатано в типографии ИПЦ «МАСКА»

Тираж 2000 экз. Заказ №
Цена свободная